Анастасия Никитина

ГОСПОЖА ПОТУСТОРОНЬЯ

ПРОЛОГ

Наверное, мне не стоило откликаться на то странное письмо. Совершенно точно не стоило… Но когда это я упускала возможность лишний раз наступить на грабли? Никогда. Вот и тем летним солнечным утром, вместо того чтобы перепутать окно с дверью или хотя бы споткнуться на пороге и, сломав ногу, отправиться в больницу, я благополучно спустилась в парадное и вытащила из почтового ящика длинный конверт из плотной бумаги с тисненой виньеткой по краю.

«Однако… кому это я понадобилась?» — промелькнуло в голове, пока я перечитывала собственное имя, о чудо, написанное без ошибок: «Секлетинье Ивановне Маравой, лично в руки».

Посасывая порезанный об острый край бумаги палец, я кое-как одной рукой вытащила послание и, развернувшись к мутному окошку подъезда, прочитала короткий текст:

«Уважаемая Секлетинья Ивановна. Ждем Вас сегодня к двум по адресу: Прошкин переулок, 17 по поводу вступления в права наследования имущества. С верностью, нотариальная контора „Вольф и партнеры“».

Прошкин переулок я знала: как-никак уже несколько лет срезала через него дорогу на работу. Но вот никаких нотариальных контор мне там не попадалось. Впрочем, эту странность я быстро выбросила из головы. Сама ситуация выглядела куда «страньше», как говорила Алиса. Я выросла в детском доме, и, кроме высокой старухи, считавшейся то ли троюродной теткой, то ли двоюродной бабкой, за двенадцать лет появившейся в комнате для посетителей раза три, родственников у меня не наблюдалось. Мне даже комнату в коммуналке от государства выделили как круглой и совершенно нищей сироте. И вот, поди ж ты, наследство.

Все еще размышляя, что за родственники у меня вдруг появились, я сама не заметила, как оказалась в Прошкином переулке. Только тут до меня дошло, что эта коротенькая улица с покосившимися двух- и трехэтажными домиками имеет вполне цивильное официальное название, а Прошкин переулок — что-то вроде неизвестно откуда взявшегося народного топонима. Если бы это дошло до меня еще дома, то я, скорее всего, никуда бы не пошла, но, уже добравшись до места, возвращаться не захотела. В надежде обнаружить паршивца-шутника, не пожалевшего денег на красивый конверт, лишь бы вытащить меня из дома в законный выходной, я, пыхтя от злости, потопала по булыжной мостовой в поисках нужного дома. Именно тогда и началась эта безумная история…

ГЛАВА 1

Добро пожаловать в

Солнце весело играло бликами на завитушках бронзовой вывески, слепя глаза и мешая разобрать вычурные буквы. Я прищурилась: «Нотариальная контора „Вольф и партнеры“. Основана…» Дату за особенно жирным солнечным зайчиком рассмотреть не удалось, но я и не слишком старалась. Все-таки несколько лет работаю в городском архиве и уже знакома с такими любителями истории. Кто-то разыскивал родовитых предков и ничуть не смущался, если выяснялось, что искомые «предки» не имеют никакого отношения к пытливому «потомку». А кто-то вроде владельцев этой конторы любил красивые даты на вывесках. Один из моих коллег получал приличную прибавку к зарплате, как раз собирая упоминания о кофейнях, ресторанах и прочих старинных предприятиях нашего города. А потом эти заведения внезапно возрождались из небытия шустрыми дельцами. Так что солидному уточнению я придала не больше значения, чем одной из завитушек, окаймлявших кованую табличку, и толкнула тяжелую входную дверь.

Интерьер оказался сродни вывеске: массивная мебель под старину, высокие потолки с золоченой лепниной и застекленные шкафы, забитые толстыми книгами в кожаных переплетах. Мысленно прикинув, во что мог вылиться владельцам подобный антураж, я присвистнула и полезла в сумку за утренним письмом: не может быть, чтобы меня пригласили именно сюда.

Но адрес совпадал до последней буквы, и я наконец отлипла от резной створки двери и шагнула на пушистый кремовый ковер. И словно нажала на невидимый звонок. В противоположной стене распахнулся… шкаф. Нет, я ничего не перепутала и не сошла скоропостижно с ума. Большой книжный шкаф плавно очертил ножками полуокружность, впуская в пустынный холл сноп света, гул голосов и мужчину в костюме, за версту выдававшем в нем юриста. Только это племя носит такие отутюженные темные костюмы из матовой ткани, словно вопящие: «Моя цена как твоя зарплата за год! Не тебе со мной тягаться!»

Впрочем, стоило дядьке подойти ближе, как я поняла, что костюмом его сходство с адвокатом и заканчивается. Ростом под два метра, широкоплечий, с буйной гривой непослушных, чуть тронутых сединой волос, он напоминал бывшего спортсмена-тяжеловеса, в крайнем случае героя какого-нибудь боевика.

— Секлетинья Ивановна! — Здоровяк распахнул медвежьи объятия и пошел на меня. — А мы уж заждались!

Я попятилась, опешив от такого буйного приветствия, и будто задела очередную кнопку. Из-за портьеры в том месте, где, по моему пониманию, должно было бы находиться окно, мягко выдвинулся еще один атлет. Но если первый был тяжеловесом, то этот казался спринтером: узкое лицо с тонкими аристократическими чертами, волосы, отливающие медью, гладко зачесаны назад, и ко всему этому длинные пальцы пианиста. Но что-то мне подсказывало, что, приди ему в голову свернуть мне шею, это заняло бы у него едва ли не меньше времени, чем у громилы из шкафа.

Не волнуйтесь, Секлетинья Ивановна, — вкрадчиво проговорил медноволосый, бесшумно подходя ближе. — Здесь вас никто не обидит: контора гарантирует. Простите, что вас не встретили, но мы должны были убедиться, что вы… не преподнесете нам какой-нибудь неприятный сюрприз.

Пока я, убаюканная его тоном, хлопала глазами и пыталась сообразить, какой такой неприятный сюрприз могла бы устроить этим великанам скромная сотрудница архива весом пятьдесят два кило, меня мягко подхватили под локоть и повлекли к гостеприимно распахнутому шкафу.

Прошу сюда, Секлетинья Ивановна, — продолжал ворковать мужчина, склонившись к моему уху. — Вы удивительно пунктуальны. И не обращайте внимания на господина Бера. Он у нас по хозяйственной, так сказать, части, а по наследству — это вам, в первую очередь, ко мне. Я — Фокс. Генри Фокс к вашим услугам. Прошу.

Он усадил меня в широкое кожаное кресло и предупредительно пододвинул небольшой столик.

— Чай? Кофе? Молоко? Или что-нибудь другое?

— Чай, наверное, — кое-как выдавила из себя я, во все глаза рассматривая хозяина огромного кабинета.

В том, что сидевший за столом здоровяк являлся именно хозяином, не возникало никаких сомнений. Это сквозило в каждом взгляде седого гиганта, в каждом движении, в каждом слове, небрежно роняемом в ответ на пространные монологи его визави. А вот тот внушал скорее какую-то иррациональную гадливость. Совершенно лысый, стройный, как хлыст, он постоянно находился в движении, хотя ни разу не поднялся с места за то время, что я ждала обещанный чай. Мало того, он притягивал взгляд, как магнит.

— Секлетинья Ивановна! — послышалось сбоку, и я вдруг поняла, что не могу посмотреть куда-то еще, кроме этой узкой спины, обтянутой светлой тканью пиджака.

Боковым зрением я уловила какую-то тень, и секунду спустя передо мной вырос медноволосый, закрывая неприятного человека. Я со свистом втянула воздух, словно не дышала все это время. Фокс с недоумением оглянулся через плечо и тут же расплылся в понимающей улыбке.

— Не волнуйтесь. Это господин Снейк. Он на всех производит такое впечатление. Я сам себя несколько неуверенно чувствую в его присутствии. Но это ни о чем не говорит. Милейший человек, милейший. Он у нас по кредитам и займам.

— Понятно, — машинально отозвалась я, хотя не понимала ровным счетом ничего.

— Ваш чай, Секлетинья Ивановна. — Он сел напротив, заботливо пододвинув кресло так, чтобы перекрыть мне вид на специалиста по кредитам.

Маневр я оценила и, с благодарностью кивнув, пригубила ароматный чай.

— Итак, давайте поговорим о вашем наследстве. — Фокс выложил на столик большую кожаную папку. — Уладим, так сказать, все формальности.

— Мне действительно оставили что-то в наследство?

Я наконец сумела выбросить из головы мысли о розыгрыше: ни у кого из моих знакомых не было денег на шуточки такого масштаба. На освободившееся место тут же полезли радужные мечты о ремонте в коммуналке, а может быть, чем черт не шутит, пока бог спит, и отдельной квартире.

— Разумеется, — снова улыбнулся рыжий. — Иначе мы бы с вами тут не сидели. Вы не поверите, но нам пришлось хорошо потрудиться, чтобы найти вас.

Я окинула взглядом богатое убранство кабинета, недешевые костюмы странных юристов, и в душе снова зашевелились подозрения.

— Разве найти меня такая проблема? Я ни от кого не прячусь.

— Вы — да. Но поиски в мире жив… людей не наша специализация. Пришлось спешно осваивать новое, вспоминать забытое старое…

Непонятные оговорки Фокса превратили смутные подозрения в реальное беспокойство.

— И что же мне такое завещали? — натужно рассмеялась я. — Надеюсь, не кредиты и займы?

— О нет, что вы. — Рыжий тоже отпустил смешок. Правда, получилось у него это куда натуральнее, чем у меня. — В отношении вашей собственности подобные сделки не рассматриваются. Индивидуальные особенности, так сказать. Но перейдем к делу. Если позволите, я буду говорить своими словами: специфические формулировки вряд ли будут вам понятны.

Я недоверчиво поморщилась.

— Потом вы сможете прочитать все сами, если у вас возникнет такое желание, — быстро добавил он, поймав мой взгляд.

— Пока не прочитаю, ничего подписывать не буду, — предупредила я.

— Разумеется, — деловито закивал Фокс. Но в его голосе мне почудилась доля облегчения.

Впрочем, задуматься, что бы это значило, мне не позволили.

— Ваша двоюродная бабка по материнской линии завещала вам следующее имущество, — быстро затараторил рыжий. — Особняк «Врата» и прилегающий участок…

— Это у нас в городе, что ли? — опешив, переспросила я.

Работая в архиве, я не раз сталкивалась с манерой местных жителей давать домам имена вместо номеров. Конечно, в наше время это превратилось в милую причуду, но документы прошлого века пестрели разнообразными «Обителями», «Звездами» и «Сердцами». Больше всего почему-то было именно «Сердец». Порой мне приходилось перелопатить горы пыльных бумажек, прежде чем я хоть примерно могла понять, о каком доме вообще идет речь. Но вот «Ворота» до сих пор не попадались.

— Да, конечно, — невнимательно отмахнулся от моего вопроса Фокс, сосредоточенно разыскивая что-то в бумагах. — Это там, где Ореховая горка. Старое кладбище знаете? Ну вот.

Орешку, торчащую почти в центре города, я знала. Как и заброшенное кладбище у ее подножия. Там давно никого не хоронили, но вездесущие строители высоток, как ни странно, так и не сумели справиться с табличкой «Исторический памятник. Охраняется государством». И заросшая орешником горка вместе с покосившимися крестами и полуразвалившейся церквушкой выглядела так же, как и на фотографиях прошлого века.

Бывала я там редко, а потому навскидку сообразить, какой из окрестных домов прочат мне в собственность, не смогла. Но уже само понятие «особняк» вселяло оптимизм: больше никаких очередей к умывальнику по утрам, исчезающих из холодильника продуктов и графика посещений в туалете. Где-то на задворках сознания здравый смысл нашептывал, что мне так не повезет ни за что на свете и особняк вполне может оказаться непригодными для жизни развалинами или вообще хитрым разводом. Но кто думает о здравом смысле, когда буквально на глазах сбывается мечта?

Фокс наконец нашел нужный документ. Им оказался длинный свиток плотного желтоватого пергамента. Брови сами собой полезли на лоб: как архивный работник ошибиться в материале я не могла. Но само присутствие подобного предмета в обычной современной нотариальной конторе выглядело несколько неуместно. Ну хорошо, согласна. Контора была не совсем современной и уж точно необычной. Но даже для таких условий шершавый пергамент с длинным списком имен и бурыми пятнами напротив каждого из них — это было слишком. Розовые мечты о личной ванной быстро выветрились из головы, сменившись мыслями о нелепых телевизионных программах с розыгрышами легковерных граждан. Я поднялась.

— Хорошо. Я поняла. Где тут у вас камеры?

— Камеры? — Фокс оторвался от свитка и непонимающе уставился на меня. — Вообще-то внизу, в подвалах. А что?

— Очень хорошо, — кивнула я. — Туда я не пойду.

— Так вас и не приглашают… — еще больше удивился рыжий.

— Ну сюда же пригласили, — зло фыркнула я. — И кому я этим обязана?

— Я же вам уже объяснял, — терпеливо, как маленькому ребенку, начал говорить Фокс. — Ваша двоюродная бабка по материнской линии завещала…

— Да нет у меня никакой бабки! — окончательно обозлилась я.

— Так, подождите, — насторожился рыжий. — Вы Секлетинья Ивановна?

— Да. И что это меняет?! Если у меня дурацкое имя, то я идеальный кандидат на роль клоуна в какой-нибудь идиотской постановке?!

— Вы, должно быть, не поняли меня, — порозовел Фокс. — Подбором актеров для театра мы не занимаемся. Я, конечно, могу порекомендовать вам…

— Да вы что, издеваетесь?! — взорвалась я. Расставаться с розовой мечтой было очень неприятно.

— Но, Секле…

— Достаточно.

Я повернула голову и увидела ряд матовых пуговиц на расстоянии двадцати сантиметров от своего носа. Хозяин этой съемочной площадки почтил нас своим вниманием. Пришлось потратить какое-то время, медленно скользя взглядом по широкой груди, темному галстуку, булавке с каким-то драгоценным камнем, обвитой венами мощной шее… Тогда, когда уже казалось, что задрать голову еще выше я просто физически не в состоянии, мне наконец удалось посмотреть новому актеру этого театра абсурда в глаза.

Два серых камешка. Вот и все, что я увидела. Даже у мраморной статуи во взгляде было бы побольше эмоций.

— Секлетинья Ивановна, вас никто не разыгрывает, — властно заявил он. — Вы являетесь наследницей особняка «Врата» и прилегающих территорий. Вы принимаете наследство?

— Ну… Если это правда дом… И без долгов… — разом растеряла весь боевой настрой я.

— Никаких долгов! Отличный особняк, — засуетился Фокс.

Но я его почти не слышала, как кролик на удава глядя на хозяина кабинета, который даже представиться не потрудился.

— Ну, если так… Тогда, наверное… Да… Принимаю…

— Вот и отлично! — встрепенулся Фокс, и в следующую секунду я увидела удаляющуюся спину седого великана. — Вот здесь капельку крови… Специфика такая, с тех пор как Врата существуют. Инструмент одноразовый, не беспокойтесь. И все формальности закончены.

— Мракобесие какое, — проворчала я, наблюдая, как он выдавливает из моего пальца алую каплю. Кровь упала на старинный пергамент, и у меня в глазах на мгновение помутилось. Я сморгнула, уже чувствуя, что вокруг что-то неуловимо изменилось, но еще не понимая, что именно. Заметила только, что странный документ со стола исчез.

Впрочем, задуматься об этом мне не позволили. Да я и сама не очень стремилась. Внутренне я готовилась противостоять этим странным юристам, когда мне начнут совать в руки ручку. «Самое главное ничего не подписывать, пока не увижу, что мне там завещали», — как мантру, мысленно твердила я.

Результат такого однобокого отношения не заставил себя ждать. Я опомнилась, когда передо мной распахнулась дверца машины, приглашая выходить. И то мозг заработал лишь потому, что из салона открывался чудный вид на то самое заброшенное кладбище. Рыжий Фокс со слащавой улыбочкой склонился, подавая мне руку:

— Прибыли, Секлетинья Ивановна.

Я неохотно выбралась из ставшего вдруг безумно уютным салона и огляделась. Ничего хотя бы отдаленно напоминающего обещанный особняк в обозримом пространстве не наблюдалось. Не считать же за таковой видневшийся за кованой решеткой покосившийся склеп.

Рядом уже озирался Бер, а с другой стороны с водительского места выскользнул хозяин нотариальной конторы, чье имя мне так и не сказали. Сейчас они оба меньше всего походили на радушных хозяев. Хищники перед броском. В крайнем случае секьюрити из какого-нибудь блокбастера. Но уж никак не адвокаты, привыкшие все споры решать словами. Только Фокс продолжал лучиться услужливостью.

— Добро пожаловать домой. — Подхватив меня под локоть, рыжий с видом радушного хозяина обвел рукой печальный пейзаж. — Вот ваше царство.

— Вы шутите, я надеюсь, — прошипела я, покосившись на кладбище.

— Ничуть, — сверкнул в улыбке белоснежными зубами Фокс. — Входите и все поймете. А что не поймете — я с удовольствием объясню. Если вы позволите мне войти.

Переваривая двусмысленные фразочки, я поглядывала на улыбающегося мужчину и пыталась понять, что же мне не нравится. Он обернулся, настойчиво подталкивая меня к некогда красивым, а теперь ржавым воротам:

— Ну что же вы, Секлетинья Ивановна?

Солнечный зайчик скользнул по приторной улыбке, и тогда я сообразила: зубы! У рыжего были мелкие, острые, совсем не человеческие зубы с выдающимися клыками. Запоздало удивившись, как умудрилась не заметить этого раньше, я уже открыла рот, чтобы завизжать, и тут… Тут события завертелись с такой скоростью, что орать мне стало некогда.

Громко хрустнула какая-то ветка в кустах за машиной.

— Лис, шевелись! — вполголоса рыкнул седой, пригибаясь.

Улыбка мгновенно слетела с лица рыжего, сменившись звериным оскалом. Он схватил меня за руку и, не заботясь о такой мелочи, как вежливость, потащил к ржавым воротам.

Я попыталась вырваться, но куда там… Такое ощущение, будто предплечье зажали в тиски, а тиски прикрутили к паровозу: или быстро, очень-очень быстро перебираешь ногами, или собираешь мордой все окрестные кочки. Оставив бесплодные попытки высвободиться, я обернулась, чтобы позвать на помощь. Но крик застрял в глотке.

У машины разгорелась настоящая битва. Седой и Бер, прикрывая друг друга, отбивались от десятка нападавших самой разнообразной наружности. Тут были байкеры в кожаных куртках с цепями в руках, оборванцы, сильно смахивавшие на бомжей, и высокая бледная девица, словно сошедшая с обложки журнала. Впечатление не портила даже бейсбольная бита, с которой она обращалась очень умело: на моих глазах огромная ручища Бера с гадким хрустом повисла плетью. Впрочем, уже в следующую секунду он вырвал деревяшку из тонких наманикюренных пальцев и с треском сломал о чью-то голову.

— Быстрее, — подгонял Фокс, тоже оглядываясь через плечо. — Положите руку на ворота! Они вас пропустят! Ни в коем случае не выходите, пока мы не вернемся! И никого не приглашайте внутрь!

Он буквально швырнул меня на ворота. Чтобы не впечататься лицом в ржавые завитушки, я рефлекторно выставила вперед ладони. Но под пальцами не оказалось даже намека на преграду. Что-то сверкнуло, едва не ослепив меня, и я с запоздалым визгом кувырком полетела куда-то вперед.

ГЛАВА 2

Слишком мертвый и слишком живой

Кое-как поднявшись на четвереньки, я первым делом закрутила головой. Слава всем богам, меня не преследовали. Ворота, в которые я только что влетела, были закрыты, и сквозь кованую решетку не проникал ни один звук. Впрочем, через нее вообще ничего не проникало, за створками клубился плотный непроницаемый туман. Нервно икнув, я выпрямилась и, поминутно оглядываясь, пошла вперед по усыпанной сухими ветками и листьями дорожке. Разумеется, ни к чему хорошему это не привело: запнувшись в какой-то выщербине, я снова растянулась во весь рост. А когда отплевалась от песка, наконец увидела его…

Ну что ж… Особняк существовал не только в воображении драчливых юристов. Однако, стоя на тропинке между двумя склепами и машинально отряхивая джинсы от налипших прошлогодних листьев, радоваться этому у меня пока не получалось. Я вообще не могла решить, что же мне такое досталось в наследство: подарок судьбы или основательно подгнивший плод фигового дерева.

В доме, сложенном из массивных, почти черных каменных блоков, было три этажа. Высокие стрельчатые окна упорно навевали мысли о средневековых замках и бойницах. Зато длинные шпили и загнутые края крыши словно сошли с китайских гравюр. Несколько метров пространства под темными стенами занимал чахлый газон, окруженный низким заборчиком, который даже я с моим невеликим ростом спокойно могла бы переступить. Калитка была гостеприимно приоткрыта, а рядом на витом столбике висела покосившаяся вывеска. Облупившаяся краска и толстый слой пыли делали ее совершенно бесполезной.

Проскользнув сквозь калитку, я поднялась по каменным ступеням к входу в особняк. «Дуб, не иначе, — с невольным уважением подумала я, всем телом повиснув на позеленевшей от времени медной ручке. — Мореный какой-нибудь…»

Тяжелая створка поддавалась нехотя, но мне все-таки удалось ее немного сдвинуть. Порадовавшись, что никогда не отличалась крупным телосложением, а о груди и вовсе только мечтала, я протиснулась в образовавшуюся щель и оказалась в огромном гулком холле. Дверь моментально захлопнулась за моей спиной, но я этого не заметила, разинув рот разглядывая убранство.

Честно говоря, я так ошалела, что осознать сразу всю картину была попросту не способна. Взгляд выхватывал отдельные детали, мозг их отмечал, но и только. Прямо у входа начиналась длинная мраморная стойка. За ней высились шкафы с множеством узких картотечных ящиков. По углам торчали старинные доспехи в два моих роста. В простенках висели даже на вид пыльные портьеры, а потолок терялся где-то в полумраке. Чуть дальше широкая лестница, на месте которой современный архитектор выстроил бы целый дом, уводила куда-то на второй этаж. И все это великолепие освещалось десятком свечей в замысловатом канделябре из черненого серебра.

«Мне достался в наследство музей? — сорвался с губ нервный смешок. — Или я просто адресом ошиблась?» По углам зашелестело эхо, и сразу стало как-то неуютно. В тот момент я почти хотела, чтобы где-нибудь наверху лестницы появилась строгая бабулька с высокой халой на макушке и заявила, что музей закрыт. Или вообще отругала бы меня… Но лестница оставалась пустой.

— Есть кто живой? — вполголоса позвала я.

— А вам именно живой нужен? — прозвучал в ответ приятный бархатистый голос, и раздались цокающие шаги.

Мистическая атмосфера мгновенно рассеялась без следа, и я рассмеялась от облегчения. «Надо же, до чего меня, оказывается, легко напугать, — мелькнула в голове веселая мысль. — Впихнуть на старое кладбище, и вот уже…»

— Скелеты мерещатся!

Мысль превратилась в дикий визг: из-за дальних доспехов вышел самый настоящий скелет, а цокали по мраморному полу не каблуки смотрительницы, как я вообразила, а костяные пятки.

Сама не заметив как, я оказалась у двери и замолотила в нее кулаками:

— Люди! Помогите!

— Вам только люди подходят?

— Что? — опешила я, оглядываясь через плечо в безумной надежде, что монстр мне только померещился. Какое там?! Чистенький, какой-то ухоженный скелет стоял посреди холла, нервно постукивая ногой, и пялился на меня пустыми глазницами.

«Вот бы сейчас в обморок упасть…» — тоскливо подумала я, прижимаясь спиной к упрямой створке.

— Люди, говорю, обязательно нужны? — повторил бархатный баритон. — Их тут давненько не было.

— А кто был? — пискнула я, не отводя взгляда от монстра в нескольких метрах перед собой.

— Кого тут только не было, — раздался какой-то мурлыкающий смешок прямо рядом со мной, и я в панике шарахнулась в сторону. — Да что ж вы такая нервная, девушка?

С хрустом врезавшись лопатками в мраморную стойку, я заморгала и уставилась на нового собеседника.

— Ну… разве я такой страшный? — показал в подобии улыбки острые клыки крупный рыжий кот, и я наконец-то рухнула в спасительный для разума обморок.

Сознание возвращалось медленно и неохотно. Сначала я почувствовала, что лежу. Потом осознала, что подо мной что-то мягкое, а на лицо льется вода. И только долгие секунды спустя с визгом подскочила, питаясь одновременно и увернуться от ледяной струи, и стереть то, что на меня уже вылилось.

— Не любишь воду? — В поле зрения появилась рыжая усатая морда. — Понимаю. Сам все эти купания терпеть не могу. Но что поделать? Иногда по-другому никак. Вот я даром что бессмертный, а блохи меня, как любого дворового крысолова, кусают. Только ванна с шампунем и помогает.

— Где я? — жалобно пискнула я.

— Дома, — оскалился кот, и у меня в глазах опять помутилось. — Эй! Не смей снова отрубаться!

Новая порция ледяной воды пресекла попытку отключиться на корню. Пришлось признать, что скоропостижное помешательство — это всего лишь мечты, а болтливый кот — суровая объективная реальность, и снова открыть глаза. В памяти всплыли нечеловеческие зубы прилизанного Фокса.

— А те… адвокаты, которые меня сюда привезли… Они тоже коты? — спросила я. Звуки собственного голоса немного успокаивали. Хотя бред, произнесенный вслух, казался еще бредовее.

— Оборотни, что ли? — Котище запрыгнул на кровать, где я лежала, брезгливо потряс лапой и, выбрав место посуше, уселся напротив. — Вроде была у них премиленькая киса… Девушку видела? Черненькую такую, с белыми полосочками над ушками?

— Нет, там одни мужики крутились, — покачала головой я.

Страшно хотелось выбраться из неприятной прохлады мокрых простыней. Да и кот, ведущий светскую беседу, не внушал спокойствия. Но я боялась обернуться и снова увидеть проклятый скелет, а потому лежала смирно. Кот, даже болтливый, все же казался предпочтительнее для моих и без того перегруженных сверхъестественным мозгов.

— Тогда не знаю. Мне же не сообщили, что тебя сегодня привезут. Хотя Серый мог бы и озаботиться. Но нет, дождешься от них, как же… Никакого уважения.

Котяра театрально вздохнул и принялся вылизывать лапу.

— Слушай, а ты мне точно не мерещишься? — с тайной надеждой уточнила я, осторожно садясь.

— Доказать?

— А как?

— Могу оцарапать. — Из лапы, секунду назад невинной и мягкой, выдвинулись четыре немаленьких когтя, едва не сверкнувшие в неверном свете свечей. — Или укусить.

— Пожалуй, не стоит, — невольно отодвинулась я.

Тут сработало мое пресловутое «везение». Сдвинувшись в сторону, я угодила задом в самое промокшее место на постели. Если прилипшие к шее мокрые волосы я еще терпела, то мокрые трусы стерпеть не смогла и резво выскочила из кровати.

Разумеется, босые пятки тут же заскользили на отполированных влажных половицах. Взвизгнув, я покачнулась и едва не рухнула на пол. Едва, потому что мою неуклюжую тушку с характерным пощелкиванием подхватили нежные костлявые руки и аккуратно поставили обратно на ноги.

— Спасибо, — ляпнула я прежде, чем успела сообразить, что, собственно, произошло.

— Вот и правильно, — одобрительно промурчал кот, пока я хлопала глазами, решая, что делать в первую очередь: визжать, бежать или падать в обморок. — А то визги, писки… Прям истеричка какая-то, а не госпожа Потусторонья.

— Госпожа чего?

— По-ту-сто-ронь-я, дубина, — по складам повторил котяра таким тоном, что падать в обморок мне сразу расхотелось. Зато возникло труднопреодолимое желание прихватить нахала за рыжий загривок и хорошенько встряхнуть.

— Ты выражения-то выбирай, скотина рыжая, — обозлилась я.

— А ты мозги включи, тогда и я для тебя другие эпитеты подбирать буду. Прав был Серый, чучело ты, как есть чучело.

— Ну это уже ни в какие ворота! — Я уперла кулаки в бока. — Ты уж реши, кто я: дубина и чучело или госпожа чего-то там?

— Так это не мне решать, — ехидно оскалился котяра.

— А кому?!

— Тебе, милая, — пропел он и грациозным движением соскользнул с кровати.

Мягко переступая мощными лапами, он мимоходом потерся об мои ноги, едва не усадив меня при этом обратно в мокрые простыни, и, толкнув лобастой головой дверь, вышел вон.

Я плюнула ему вслед и покосилась на скелет, замерший за спиной.

— А ты? Ничего не хочешь сказать? Не стесняйся, выскажись, что молчишь-то? Может, я слишком разговорчивая? Или на мне мяса слишком много для госпожи посторонья?!

— Потусторонья, дубина, — донеслось из-за двери. — По-ту-сто-ронь-я! Неужели так трудно запомнить? Мало того что истеричка, так еще и склерозная тупица!

— Почему это я — тупица?! — Я даже ногой притопнула от злости на наглое болтливое животное.

— Заметь, с тем, что «склерозная», ты не споришь… — фыркнул кот, высунувшись из-за двери. — А тупица потому, что умная давно бы сообразила, почему скелет молчит!

— И почему же?

— И ты еще спрашиваешь, почему «тупица»? — ухмыльнулся рыжий гад и, увернувшись от мокрой подушки, снова исчез.

— А ты мог бы не выкаблучиваться и просто ответить?!

Ответа я не дождалась. Обернулась было спросить у скелета, но вовремя спохватилась и прикусила язык. Впрочем, перепалка с котом имела и положительные последствия. Ругаясь с ним, я напрочь забыла о дикости ситуации, в которую угодила. А когда кот ушел, истерить уже не хотелось. Да и скелет, торчавший в углу, стал чем-то привычным и даже вызывал некую симпатию: он, по крайней мере, не хамил.

— Ну ладно… Ладно же… — Я погрозила кулаком двери и присела на край кровати, предусмотрительно выбрав сторону, где топтался кот.

Я подтянула поближе кроссовки, которые кто-то с меня снял и аккуратно поставил на половичок. Хотя почему кто-то? Ясно кто. Вот он, в углу стоит, набор костей заботливый.

— А носки куда дел? — спросила я, не надеясь в общем-то на ответ.

Ответа я и не получила. Зато скелет шустро метнулся в другой угол комнаты и с поклоном подал мне на серебряном подносе мои не первой свежести носочки. «Ну скелет, ну и что? — мысленно уговаривала я себя, забирая свою собственность. — Не кусается, не рычит… И даже не воняет… Тьфу ты… Что за дурь в голову лезет?!»

В обуви я сразу почувствовала себя увереннее. Первое желание — бежать отсюда куда глаза глядят — отступило на второй план, уступив первенство моему вездесущему любопытству. «Ничего плохого не случится, если, прежде чем удрать и выбросить эту идиотскую историю из головы, я немного осмотрюсь!» — решила я. Слабый голосок чувства самосохранения, напоминавший, что именно с таких слов обычно начиналось большинство моих неприятностей, заглох сам собой.

— Итак, — заговорила я, расхаживая из угла в угол. — Вариант, что со мной сыграли дорогостоящую шутку, отметаем сразу. Сколько бы денег ни влили в свое шоу телевизионщики, говорящий кот им не по силам. Как и ты. — Я покосилась на скелет, вернувшийся в облюбованный угол. — Второй вариант: Секлетинья Маравой скоропостижно сошла с ума и смотрит дикие мультики, а ее тушка валяется где-нибудь в комнате с мягкими стенами. Это мне тоже не нравится. Лучше буду ловить глюки я, чем санитары будут ловить меня. Тем более что моим глюкам я же и хозяйка. Как там кот говорил? Госпожа чего-то там.

— Потусторонья, дубина! — В дверь снова сунулась рыжая морда. — Боги, за что вы послали нам это создание?!

Подслушивать?! — вскочила я и бросилась к двери. — Ну, все! Глюк или нет, а лететь тебе сейчас во двор мышей ловить.

— Ты сначала меня поймай, чучело! — донеслось уже из-за поворота коридора.

Глухо выругавшись, я побежала туда: чертов кот таки сумел меня достать! Надо ли говорить, что рыжую скотину я так и не поймала? Зато обегала весь дом, собрала головой большую часть паутины на чердаке, расквасила нос о не вовремя подвернувшиеся доспехи, получила по многострадальной головушке толстым «Толкователем сновидений» в библиотеке, пересчитала задницей все ступеньки на лестнице с третьего на второй этаж и чуть не ухнула в миниатюрный бассейн в подвале. Хотя «чуть» в последнем случае вовсе не моя заслуга. Если бы не вездесущий скелет, вовремя схвативший меня за шиворот… В общем, к набору костей я прониклась искренней симпатией. Чего не скажешь о болтливом представителе семейства кошачьих. Эта рыжая пакость умудрялась всегда оставаться на десять сантиметров дальше от того места, куда я могла бы дотянуться, и не уставала отпускать ехидные комментарии на каждое мое действие.

В конце концов я выдохлась и буквально рухнула в кресло в какой-то комнате. Рядом тут же нарисовался скелет и с поклоном подал стакан воды на уже знакомом подносе. Благодарно кивнув, я присосалась к хрустальному бокалу, как выходец из пустыни.

— Ну, вроде все… — раздался ненавистный кошачий мырк у меня над ухом. — Если бы мне кто-то сказал, что будет так сложно, когда я соглашался на эту работу… Хотя о чем это я? Кто там моим согласием интересовался? Подписали на каторгу… Мр-э-эх…

Вода полилась не в то горло, и я с выпученными глазами закашлялась. Скелет заботливо постучал мне промеж лопаток, отчего у меня вообще пропала способность дышать.

— Ты о чем, скотина?! — прохрипела я, кое-как отплевавшись.

— О ритуале принятия, разумеется, — снисходительно фыркнул кот с высокой каминной полки и выставил вперед переднюю лапу, словно любуясь. — Дом ты обошла от чердака до подвалов, — он выщелкнул один острый коготь, — кровушкой своей его напоила, — второй коготь сверкнул рядом с первым, — и, наконец, пищу из рук Потусторонья приняла и вкусила. — Он посмотрел на меня сквозь решетку из трех когтей и смачно зевнул. — С прибытием, госпожа Потусторонья! Рады вас видеть, счастливого бессмертия… Что там еще положено говорить в таких случаях? В общем, переодевайся и за работу — клиенты заждались. А я посплю.

— Чего? — кое-как выдавила из себя я, позабыв про диванный валик, который схватила, чтобы сшибить нахала с его насеста.

Рыжий приоткрыл один глаз:

— Работать пора, говорю.

Я плюхнулась обратно в кресло, не понимая, как реагировать на подобное заявление.

— Котяра, а ты не обалдел ли? Я сейчас развернусь и уйду. И…

— Попробуй, — фыркнул тот и, свернувшись клубком, накрыл морду лапой.

— И попробую!

Я вскочила и, нарочито громко бухая ногами, вышла из комнаты. Немного поплутав по коридорам, я выбралась в знакомый холл, через который за последние два часа успела пробежать раз двадцать. Кое-где на глаза попадались капли моей собственной крови… и к двери я уже почти бежала. Впрочем, на этот раз створка открылась беспрекословно, что несколько примирило меня с действительностью.

— Работать пора… — злобно бормотала я себе под нос, шагая по засыпанной прошлогодними листьями тропинке к воротам. — Ща-а-аз… Вот узнаю, где тут метлы выдают, и начну. Скотина

рыжая!

Ворот не было. Только кованый забор и непроницаемый туман за ним. Поначалу я не слишком обеспокоилась, решив, что попросту свернула не в том месте, и пошла вдоль решетки по едва заметной тропке. Но забор тянулся и тянулся, а высокие столбы не показывались.

Минут через десять я забеспокоилась, через двадцать побежала бегом, а через полчаса уже неслась галопом. Ворот не было. В какой-то момент я поняла, что уже в который раз пробегаю мимо приметного склепа из красного мрамора, и остановилась как вкопанная. Ворота, в которые меня всего несколько часов назад зашвырнул мерзавец по имени Фокс, исчезли.

С трудом подавив приступ паники вкупе с подступающей истерикой, я сжала кулаки и развернулась обратно к видневшемуся за покосившимися надгробиями и чахлыми деревцами особняку. Мне нужны были доказательства, что я не свихнулась. Впрочем, даже если и так, то я желала это знать наверняка. А глюки тут резвятся или меня действительно угораздило провалиться в какой-то иной мир, как героиню фэнтезийного романа, уже не играло особой роли. И раз уж никаких собеседников, кроме наглого кота, в обозримом пространстве не наблюдалось, то придется вытряхнуть ответы из этой рыжей шкуры. Если понадобится, то вместе с хозяином. В конце концов, я не такая уж нежная незабудка, какой выгляжу: в детских домах цветочки если и появляются, то быстро мутируют во что-то колюче-ядовитое. Самое время вспомнить былые навыки.

— Держись за шубу, скотище, — прошипела я, буквально взлетая на истертые ступени высокого крыльца.

ГЛАВА 3

Работа, работа, перейди на Федота

Я шла, желая вытряхнуть наглого кота из его шубы вместе с так необходимой мне информацией. А выяснилось, что то же самое планировалось в отношении меня. Прямо в холле я столкнулась со скелетом. Изогнувшись в подобии поклона, тот держал на руках темный бесформенный балахон и настойчиво совал мне его под нос.

— Отстань, — отмахнулась я, оглядываясь в поисках кота.

Судя по тому, что ответом мне послужило только тихое пощелкивание костяной челюсти, котяры в прихожей не было.

— Да что это за дом такой?! — в сердцах проворчала я, потопав в сторону гостиной.

Кот нашелся там же, где я его оставила, — на каминной полке.

— Убедилась? — лениво приоткрыв один глаз, муркнул он.

— Я — пленница? — зло прищурилась я, стараясь подавить предательскую дрожь в голосе.

— Ты — госпожа, — потянулся кот. — Я же тебе это уже говорил. Ах да… Твой прогрессирующий склероз я не учел. Повторить приветственную речь? Я могу, но ты лучше запиши. Я не попугай по сто раз одно и то же талдычить.

— Не попугай, — согласилась я. — Попугаи такими наглыми не бывают.

— А коты бывают? — вдруг заинтересовался рыжий.

— Не знаю, но уже начинаю в этом сомневаться. Может, ты не кот, а какой-нибудь неудачный эксперимент секретной лаборатории?

— Это почему еще неудачный?! — возмутился котяра. — Да любой экспериментатор должен быть в восторге, сотворив такое чудо, как я.

— Не-а, не катит, — хмыкнула я. — Ни одному даже самому чокнутому экспериментатору не придет в голову создать такое чу-у-удовище, как ты. Такое наглое, болтливое…

— Точно! — перебил рыжий и возбужденно вскочил, едва не свалившись с каминной полки. — Я всегда подозревал, что я нечто большее! Да и кому под силу сотворить такое совершенство? Я не эксперимент! Я венец творения!

Тут я наконец не выдержала и расхохоталась.

«Венец творения» обернулся, удивленно прижав уши:

— Ты чего?

— Да так… — ухмыльнулась я, вспомнив, зачем, собственно, сюда явилась.

— Смех без причины — признак сама знаешь чего, — оскорбленно тряхнул хвостом кот.

— Тебя как зовут хоть, венец творения?

— Можешь называть меня господин Совершенство, — задрал нос рыжий.

— Васька его зовут! — раздался вдруг надтреснутый, хриплый голос у меня за спиной. — Так и знала, что ничего этому балбесу поручить нельзя!

Котяра зашипел и, вздыбив шерсть, уставился куда-то мне за спину. Я обернулась, ожидая увидеть вдруг разговорившегося скелета. Но с некоторых пор мои ожидания резко расходились с действительностью: в полуметре от пола парила полупрозрачная женщина в длинном платье. Сквозь нее были прекрасно видны портьеры и какая-то картина в простенке, и в то же время не составляло труда рассмотреть недовольно поджатые губы, чопорный пучок на макушке и наглухо застегнутый высокий воротничок. А самое страшное — я знала ее… Именно она дважды появлялась в детском доме, представившись моей двоюродной то ли теткой, то ли бабкой.

— Паршивая из тебя, Секлетинья, наследница получается. Уже час, как Врата госпожу признали, а тут как был бардак, так и остался, — между тем сердито проскрипела старуха, брезгливым взглядом смерив меня от отвисшей челюсти до замызганных во время пробежки по кладбищенскому парку кроссовок. — Значит, так… Для начала переоденься. Ты выглядишь, как дешевая…

И тут ко мне вернулся дар речи, и я завизжала так, что зазвенели стекла. И злости в этом визге было куда больше, чем страха. Оставили наследство, мать вашу: вместо газона — кладбище, за экскурсовода — хамоватый кот, в роли дворецкого — обглоданный труп… Теперь еще и ворчливое привидение в качестве дуэньи?! Нет уж!

— Сгинь! — рявкнула я, как только смогла выдать нечто членораздельное. — Сгинь, нечистая сила! Пропади!

Даже перекрестила чертову галлюцинацию для надежности. С безумным воем, от которого раскололся хрустальный бокал на столе, привидение лопнуло ошметками грязно-серого тумана. А когда затихло эхо, рассеялись и они. Шумно выдохнув, я расправила плечи: оказывается, и на бредовых обитателей этого безумного дома можно найти управу!

Поделиться успехом было не с кем, и я бросила победоносный взгляд на кота: мол, знай наших. Котяра разделять мой триумф не спешил:

— Мр-р-да… Склерозная истеричка с маниакальными наклонностями… Ты почто бабку свою упокоила, живодерка?!

— К-какую еще бабку?! — опешила я.

Кот зашипел и совсем по-человечески хлопнул себя лапой по лбу.

— Да за что ж нас Последняя Гостья так не любит? За что нам, горемыкам, эту убивицу послала? За что…

— Хорош причитать! — буркнула я, уже понимая, что вытворила что-то совсем не то. — Лучше объясни нормально, что тут происходит, пока я еще какого-нибудь новоявленного родственника не упокоила. Ты мне, кстати, не родственник?

— Еще чего не хватало! — вполне достоверно открестился рыжий. Даже уши прижал в притворном ужасе. — Спаси Последняя от таких родственничков!

— Тогда ближе к делу, черти тебя разде…

— Замолчи! — взвыл котяра, не давая мне договорить, и испуганно огляделся.

Заразившись его паникой, я примолкла, не рискуя ляпнуть еще что-то «упокойное», и демонстративно нахмурилась.

— Фух… За языком-то следи! Ты же здесь госпожа. Что велишь, то и случится.

— Тогда говори, — буркнула я, как никогда осознавая старую истину, что краткость не только сестра таланта, но и залог понимания.

— Пошли, — вздохнул Васька, спрыгивая на пол.

Я не стала спорить и вышла за нахалом в коридор.

— Ты здесь госпожа и хозяйка, — повторил кот, сворачивая к лестнице в подвал. Он даже обернулся, словно желая убедиться, что я его внимательно слушаю.

— И?

— Что «и»?! Хозяйка, значит, твоя воля во всем. Врата тебе всесилие дают. Понятно?

— Хороша всесильная хозяйка, которая даже выход найти не может, — невольно усмехнулась я.

— Это пока, — отмахнулся Васька, нетерпеливо дернув хвостом. — Пока Врата с тобой знакомятся. Потом можешь идти куда хочешь.

— Вот радости-то будет.

— А уж я-то как обрадовался бы! — фыркнул кот. — Только не уйдешь ты никуда. Кошмар… Поверить не могу, я стараюсь, чтобы тут осталась подобная тупица. Что я вот этими вот лапами…

— Ты лучше языком постарайся, — подсказала я. — Судя по тому, что оставаться меня пока не тянет, лапами у тебя не получается.

— Язва…

— С кем поведешься, — пожала плечами я. — Ты ближе к делу, Василий.

— У тебя и со зрением проблемы? Куда уж ближе? Пришли.

За перепалкой с наглым животным я и не заметила, как вновь оказалась в подвале. В том самом подвале, где несколько часов назад чуть не свалилась в бассейн с мутноватой зеленой водой. Только теперь тут все выглядело по-другому.

— Вот твоя работа, — мотнул подбородком кот.

Но я и без его напоминаний пристально разглядывала преобразившееся подземелье. Его большую часть занимал причудливый бассейн с матовой светящейся жидкостью. А может, и не жидкостью вовсе: толстые витые веревки из той же субстанции уходили куда-то под неожиданно высокие своды и тонули в зеленоватом полумраке. Движимая каким-то болезненным любопытством, я подошла и провела ладонью по ближайшим ко мне струнам. Слово всплыло в мыслях само собой: кот в кои-то веки заткнулся. Воздух загудел на разные голоса, едва теплая упругая поверхность коснулась кожи. И было в этом странном звуке нечто безмерно чужое и одновременно родное. Словно со мной заговорил давно забытый, но когда-то очень дорогой человек, словно я вернулась домой из дальней поездки длиною в жизнь.

Не в силах насытиться этим чувством, я касалась то одной, то другой струны, наполняя подземный зал их гулким откликом. В какой-то момент я слишком сильно сжала струну, и она вдруг стала истончаться под моими пальцами, меняя тональность, но все так же лаская слух.

Наверное, я смогла бы провести в этом подземелье вечность и даже не заметить, как пролетело время, но кто бы мне позволил?! Резкая боль под коленом живо вернула меня на землю.

— Ай! За что?! — взвизгнула я, переводя ошарашенный взгляд со свежих прорех на штанине, сквозь которые виднелись сочащиеся кровью царапины, на кота, с демонстративной брезгливостью вылизывающего когтистую лапу.

— А тебе мало было бабку упокоить? Решила еще и какую-нибудь общину к ней присовокупить? — прошипел кот.

— Так, зверь, — я кое-как подавила раздражение и присела на край потустороннего бассейна, — или объяснись нормально, или все, кого я еще по незнанию «упокою», будут на твоей совести!

— Это Струны! — проговорил Васька таким тоном, словно это все объясняло. Но, наткнувшись на мой скептический взгляд, все же снизошел до подробностей. — Мир большой, и живет в нем много кого. Это, надеюсь, тебе уже понятно? С оборотнями, раз уж шастаешь тут, на нашу беду, ты уже познакомилась. Вот они — одна из общин.

— А есть еще? — поморщилась я, прикинув количество Струн, тянущихся к потолку.

— Конечно! — закатил глаза Васька. — Волхвы, например, которых в заморских странах друидами прозывают. Или вампиры… Дриады, хотя они не любят, когда их так называют. Это из самых крупных. Мелочи, конечно, побольше. Гномы там всякие, домовики с лешими. Мавра, бабка твоя, как-то говорила, что даже атланты где-то есть. Но их совсем мало — вон их ниточка. То-о-оненькая…

— Так… — только и смогла пробормотать я, тихо сатанея от очередного витка безумия, в которое умудрилась угодить.

Только вчера я пересчитывала отпускные и ругалась со склочной соседкой на кухне. А сегодня мне на полном серьезе рассказывают, что на земле водятся вампиры и гномы. И кто рассказывает?! Кот! Про тон, который он при этом позволяет, лучше вообще не думать, чтобы еще кого-нибудь не упокоить. Какого-нибудь рыжего и хвостатого.

— Каждая Струна — это их связь с жизнью, с силой, продолжал между тем Васька, не подозревая о моих мыслях. — Распустишь Струну — будут жить припеваючи, еще и соседям на голову сядут. Придавишь, истончишь — и все… Не жизнь, а мука. Детишки слабые, а то и вовсе не рождаются, в делах удачи нет. Здоровья, и того нет.

— Однако… — Я отодвинулась подальше от зеленых Струн.

— Вот тебе и «однако»! Это жизнь, — с пафосом возвестил кот. — А ты тут музицировать вздумала, извращенка!

— Полегче, блохастый, — огрызнулась я, впрочем, без особой злости: мозги были заняты судорожным перевариванием свалившихся на мою несчастливую голову новостей. — Что это вообще такое, эти Струны?

— Сила родного мира. Ну, того, где они до последней смерти жили.

— До какой такой смерти?!

— А это уже кому как повезло. Кто-то до тихой и мирной в кругу безутешных родственников. А кто-то до неожиданной, в подворотне с пробитой печенью или вообще в чьем-то желудке. Какая разница? Важно, что тех, кому определено в нашем мире посмертие коротать, ты тут встречать должна и распределять согласно заслугам и…

— И кто же это меня так облагодетельствовал?!

— Кто — этого мне не рассказывали. Я-то тут всего лет триста. С прабабкой твоей Ягой въехал.

— С кем? — окончательно потерялась в бредовой смеси оживших сказок я. — Или нет. Молчи. Это я пока знать не хочу. Еще свихнусь… Хотя… Сколько-сколько лет?!

— Триста, — вздохнул Васька. — Может, четыреста. Я не считал. Яга меня к воротам привязала на веки вечные. Великая была женщина. И дочка у нее под стать. А вот правнучка подкачала…

Я замотала головой, пытаясь из потока оскорблений и бреда вычленить хоть что-то разумное.

— Так ты что, бессмертный, что ли?!

— Рискну тебя разочаровать, но да, — фыркнул кот.

— Что ж ты так испугался, когда я на тебя чертями ругалась? — прищурилась я.

— Бессмертный — не значит неубиваемый, — поморщился Васька. — Чувствуешь разницу?

— Честно говоря, не очень.

— Кто бы сомневался? Ну, не умру я своей смертью. Хоть тыщу лет еще проживу — не облезу. А вот если какая-нибудь всесильная истеричка сдуру мне голову оторвать прикажет, то… мементо мори, как говорится.

— Да объясни ты нормально! — снова начала заводиться я. — При чем тут всесилие? Почему ты бессмертный?

— Все, кто во Вратах живет, — бессмертны. Тут время мимо идет. И не спрашивай, как это и почему. Не знаю. Мне лекции по мироустройству никто не читал. Я всего лишь кот.

— Правильно… Как хамить, так он венец творения и господин Совершенство, а как пользу принести — всего лишь кот…

— Видишь, как это здорово — быть котом? — ухмыльнулся котяра.

— Ладно… А откуда на земле вампиры с гномами взялись?! Они же сказка!

— Я всего лишь кот, — фыркнул нахал. — Это тебе надо было бабку пытать. Ту, которую ты упокоила без суда и следствия.

— Ну блин! Навязали наследство на мою голову! Ничего не понимаю! — Я обвиняюще ткнула пальцем в хвостатого наставника. — А ты только еще больше меня путаешь. Вот почему нельзя было написать какую-нибудь должностную инструкцию для начинающих госпожих… госпожин… Тьфу ты!

— Чего тебе надо?

— Инструкцию! — взвыла я. — Книгу хочу! Можно букварь. Ну хоть что-нибудь, где бы русским по белому было написано, что это за дом с привидениями и как отсюда выбраться. Ну или хотя бы что с ним делать!

«Клак-клак», — простучали рядом челюсти-кастаньеты, и скелет с поклоном сунул мне в руки небольшую книгу в переплете из шершавой черной кожи. С минуту я непонимающе смотрела на затейливую вязь, украшавшую переплет, пока она не зашевелилась, прямо на глазах перетекая в знакомые буквы русского алфавита.

«Врата и Ключ», — прочитала я вслух и поспешно расстегнула позеленевшие медные застежки.

Книга как раз и оказалась неким подобием очень старого, запутанного букваря. Моего любопытства хватило на несколько первых глав. Приходилось продираться через устаревшие на много столетий обороты и понятия, но, спасибо двум годам работы в архиве, какая-никакая информация в моей голове уложилась. «Врата» — это действительно врата. Ворота, замыкающие Серые тропы межмирья. А Ключ… Ключ — я. Что-то такое было у меня в крови, что давало мне возможность

взаимодействовать со Струнами, управлять ими. Сам же дом не существовал вовсе. Ну, в привычном мне мире не существовал. Он находился вне миров, потому и течения времени как такового здесь не было. Теоретически, если не выходить за ворота, можно было бы жить вечно. Тем более что дом по-своему защищал меня-Ключ, наделяя на собственной территории фактически всемогуществом и снабжая всем необходим и просто желаемым.

Припомнив скупые инструкции, я уставилась в зеленоватый студень, наполнявший бассейн. Где ты там, мечта моя, голубая, пушистая? Книга говорила, что хозяйке Врат достаточно представить желаемое, а когда ее желание отразится в омуте жизни… Губы сами собой изобразили удивленно-восхищенное «о». В зеленой мути появилась сначала размытая, а потом все более ясная тень. Минуту спустя я, уже позабыв о брезгливости, окунула туда руку почти по локоть и вытащила мягкую серебристую шубку с голубоватым отливом. Никаких следов содержимого бассейна на ней не было. Зато нежный мех ласкал кожу едва ощутимыми ворсинками. Казалось, я держу в руках облако. Правда, облако оказалось размеров на пять больше, чем хотелось бы, но это не помешало мне поспешно сунуть руки в невесомые рукава.

С ошалелой улыбкой погладив каменный парапет, я медленно осознавала свалившуюся на меня удачу и признавала, что кот прав: никуда я отсюда не уйду. Ну в самом деле… Что у меня было в том мире? Скучная работа, склочные соседи по коммуналке и ноль перспектив. С перспективами и тут прогресса не наблюдалось, зато качество жизни, как и ее продолжительность, резко подскакивало до уровня «бог».

— Кстати. — Все еще глупо улыбаясь, я сфокусировала взгляд на коте. — А почему мои предшественницы до сих пор тут не бродят, раз Ключ бессмертный?

В конце книги я наткнулась на длинный список. Разным почерком выцветшими чернилами кто-то строчка за строчкой выводил причудливые имена. Я нашла там и свою якобы бабку Мавру, и Васькину хозяйку Ягу, и даже собственное имя, стоявшее в самом конце столбца.

— Яга к мужу вернулась, как ее дочка Ключом стала. Скучала очень. Бросила меня. Померла от старости, давно, конечно, — неохотно отозвался кот. — А Мавра… Вышла месяц назад и больше не вернулась. Но раз ты тут, значит, тоже нет ее больше среди живых.

Я только кивнула. Что-то подобное мне и подумалось. Впрочем, какой-то скорби из-за бабки, которую видела всего пару раз в жизни, я не испытывала. Та не обеспокоилась внучкой, младенцем угодившей в детдом. Хотя, как теперь выяснилось, у нее были для этого все возможности. Неудивительно, что родственные чувства во мне просыпаться не спешили. Тем более меня не трогала смерть старухи, владевшей Вратами до Мавры. Это жизнь: кто-то умирает, кто-то получает наследство в связи с этим печальным событием. Когда-нибудь и после меня кто-то получит. «Но это будет очень и очень не скоро, — мысленно отметила я. — От добра добра не ищут. А здесь мне явно лучше, чем в коммуналке».

— Ладно. Уговорили. Отдохну тут, пока не надоест.

— Отдохнет она, — хмыкнул кот и подмигнул скелету. — Ты слышал, Костя? Она отдохнет! А работать кто будет?!

— Что-то я работы пока особой не наблюдаю, — усмехнулась я.

— Глаза разуй! — обозлился Васька. — Я тебе в который раз туда уже лапой тычу? Вон она стоит, твоя работа!

Я повернулась туда, куда указывал острый коготь, и почувствовала, как медленно и неумолимо отвисает челюсть. Это моя работа? Точно? А где мои вещи? И самое главное… Выход где? Где здесь выход?!

ГЛАВА 4

«Все страньше и страньше»

Где-то я читала, что человеческий организм адаптируется ко всему. Наверное, поэтому я хоть и пискнула что-то непечатное и начала лихорадочно озираться в поисках выхода, но из подвала не удрала. Разве что попятилась немного. Так мне не стыдно — было отчего.

У дальней стены подвала, за светящимися Струнами и толстыми колоннами, подпирающими сводчатый потолок, торчал большой мыльный пузырь. Зеленовато-призрачный, как и все вокруг, он лежал в каменном круге, испещренном непонятными символами, а может, просто причудливыми царапинами.

Но вовсе не это странное природное явление вывело меня из равновесия, а его начинка. За тонкими прозрачными стенками пузыря виднелись призраки! С полдюжины чертовых призраков, вполне реальных и явно очень недовольных. И они не отрывали взгляда от новой хозяйки Врат, то есть от меня.

Я даже немного удивилась, как не почувствовала эти взгляды раньше: липкие, холодные, усталые, злые… Всякие…

— И что я должна с ними делать? — кое-как выдавила из себя я.

Расставаться с мечтой о комфортной вечной жизни без склок на кухне и высчитывания жалких рублей крошечной зарплаты очень не хотелось. Но и необходимость делить эту самую вечную с такими вот уродцами вдохновения не вызывала.

— А почему ты меня спрашиваешь? — демонстративно удивился Васька. — Кто из нас госпожа Потусторонья? Ты или я?

— Ну я.

— А я всего лишь кот, — фыркнул наглый зверь, но, рассмотрев выражение моей физиономии, все же снизошел до объяснений: — Посиди, подумай. Книжку вот умную почитай. Глядишь, знакомые буквы попадутся — поймешь чего. Прабабка твоя, бывало, по нескольку дней тут сиживала: решала, кому что причитается. Ну и заявки общинников тоже уважить надо бы.

— А они не вырвутся, пока я тут думать буду? — с некоторой опаской уточнила я.

— Без твоего повеления им наружу ходу нет. Да и вообще ничего нет. Здесь, по крайней мере. Спросишь — ответят, велишь идти — пойдут.

Медленно, так как приходилось тщательно подбирать безопасные слова, я выругалась и снова взялась за книгу в черном переплете. На первый взгляд все выглядело довольно просто. То, что я обозвала призраками, на самом деле было отражением души. Видеть и контактировать с этими «отражениями» могла только я. Грубо — маньяк или подлый убийца для меня и будет выглядеть уродом, со следами всех его пороков прямо на физиономии и прочих частях тела. Порядочный человек — симпатягой.

От моего «впечатления», собственно, и зависело, куда отправится нашедшая выход из межмирья душа: в новую жизнь, обратно на Тропы или вообще на вечное упокоение. Прочитав о таком простейшем способе сортировки, я с облегчением выдохнула и не глядя пролистала дальнейшую метафизическую заумь о причинах и смысле блуждания душ по Серым тропам.

Казалось бы, все просто. Но, наученная недавним идиотским происшествием с призрачной бабкой, я не спешила. Отложив книгу, к которой уже успела проникнуться искренним уважением, я поискала глазами Ваську.

Кот свернулся на парапете бассейна и самым наглым образом дрых. Я дотянулась до него и потыкала пальцем в толстый пушистый бок. Точнее, попыталась потыкать. Котяра с шипением отскочил в сторону:

— Еще чего! Имей уважение! Я в разы тебя старше и на порядки умнее! Нечего руки распускать!

— Да ладно тебе, — отмахнулась я. — Сам же не хотел, чтобы я по незнанию дров наломала.

— Ну не хотел, — фыркнул кот. — Но это не причина меня хватать. Тебе книжка умная дадена? Дадена. Читай, если умеешь. А не умеешь, так на уроки в какой-нибудь приходской школе посмотри. Только попа попроще выбери. А то ведь не поймешь ничего, болезная…

— Васька… — с предостережением проговорила я. Из предложенного им я не поняла ровным

счетом ничего, но не сомневалось, что слышу очередное оскорбление в неподражаемой кошачьей манере. — Договоришься… Смотри, избавлю тебя от лишней болтливости. Будешь, как Костя, только зубами щелкать.

— Ладно, ладно! Сразу угрозы всякие… — сбавил тон кошак. — Сама-то не взвоешь без мудрого собеседника? Чего надо-то?

— Что ты там про общины говорил? Какие заявки от них? Об этом в книге ничего не написано.

— А. Это в картотеку надо идти. Костя их собирает и…

— Пошли, — поднялась я, чувствуя, что опять потеряла нить разговора. Не вязалась в моей голове картотека с оборотнями и привидениями.

Кот со вздохом поднялся и пошел к выходу. Я двинулась за ним. Из пузыря с привидениями по-прежнему не доносилось ни звука, но мне в спину пахнуло почти осязаемым разочарованием. Пытаясь сообразить, что бы это значило, обострение шизофрении или продолжение знакомства с домом, я поплелась за котом.

Картотека оказалась прямо при входе — та самая мраморная стойка и узкие ящики за ней, на которые я обратила внимание, когда впервые вошла в дом. Только тогда я не успела осознать всю монументальность этого сооружения: верхние ряды тонули в полумраке под потолком.

— Это все заявки? — проблеяла я.

— Да, — равнодушно ответил кот.

Я тяжело привалилась к стойке: какая там красивая вечная жизнь со всеми удобствами? Да меня погребет под этими бумажками, как в родном архиве. Хотя почему «как»? В архиве было лучше, там в шесть вечера домой отпускали!

Рыжая скотина с минуту любовалась моей ошалевшей физиономией, а потом как ни в чем не бывало сообщила:

— Выполненные — в ящиках. А невыполненные — вот здесь, на подносе.

Со смесью облегчения и бешенства, удивившей меня саму, я уставилась на серебряную тарелку, где лежало несколько карточек из плотного картона, заполненных четким убористым почерком.

— Васька… — пошипела я, когда справилась с клокотавшими в горле ругательствами. — Тебе никогда не говорили, что из твоей шкуры получится отличный прикроватный коврик?

— Коврик? — прижал уши кот и попятился.

— Коврик, — подтвердила я и бросилась за ним.

Разумеется, очередная попытка поймать ловкую зверюгу снова окончилась ничем. Но по обширному холлу я побегать успела, как, впрочем, и успокоиться. Плюхнувшись на кожаный диванчик у стены, я с благодарностью взяла у скелета Кости бокал с прохладной водой и одним глотком выпила почти половину.

— Я знаю, зачем тебя сюда поселили, — выдохнула я, утолив первую жажду. — Чтобы Ключи-хозяйки жиром не заросли. А то в контору ходить не надо — работа с доставкой на дом; уборкой, я так понимаю, Костя заведует. Недолго и в двери перестать проходить. А тут ты, фитнес хвостатый…

— Ты меня не оскорбляй, — прищурился Васька. — А если уж оскорбляешь, так по-русски. Слово-то какое гадкое придумала: «фитьнесь»…

— Фитнес, дурень, — усмехнулась я. — Спорт. Движение — залог жизни в красивом теле. А ты тут как тренажер… Ну, приспособа такая, чтобы двигаться побольше. Как ляпнешь что-нибудь, так…

— Ересь какая, — поморщился Васька. — И вовсе не для того меня сюда Яга поставила!

— А для чего же? — хмыкнула я.

— Я — залог пре-ем-ствен-но-сти, — важно сообщил рыжий. — На мне лежит великое предназначение! А ты: «фитьнесь, фитьнесь»…

— Ага, — уже открыто рассмеялась я. — Предназначение — доводить хозяйку этого дома до белого каления.

— Да нет же! — рассердился котяра. — Предназначение — новой хозяйке Врата показать, со всей

вотчиной познакомить, привязку помочь сделать, даже если больше некому будет. Вот как с тобой! Без привязки Врата уснут, общины погибнут, и вообще много чего плохого случится. Ну кто сам догадается, что Костя не съесть тебя хочет, а услужить? Или что на каждом этаже, от чердака до подвалов, каплю крови оставить надо?

— Каплю крови, значит… — повторила я, нащупывая кожаную диванную подушку. — Дом показать, значит? — Ухватив за твердый уголок, я метнула импровизированный снаряд в раздувшегося от чувства собственной важности Ваську. На удивление удачно: котяру снесло со стойки, где он, ораторствуя, расхаживал взад-вперед. — Это ты мне так дом показывал, скотина?!

— Должна же работа приносить удовольствие!

— Ах, удовольствие?! — Еще одна подушка просвистела в сантиметре от показавшимися над стойкой ушами.

— Удовольствие! Что, если я кот, так уже и не человек?!

— Не человек! И не кот! Скот блохастый, вот ты кто! — Подушки на диване закончились, но Костя подал мне увесистый валик, который тут же полетел в улепетывающего к выходу кота. Я мимоходом кивнула скелету как боевому товарищу. Тот щелкнул костяшками пальцев, и дверь захлопнулась прямо перед рыжей мордой.

— Двое на одного?! — взвыл Васька, закладывая крутой вираж в попытке избежать столкновения с резным дубом. — Так нечестно!

— А меня гонять по всему дому — честно?! — вкрадчиво уточнила я, покачивая в руках второй валик, поданный Костей, и медленно наступая на забившегося в угол шипящего кота. — А книжки мне на голову в библиотеке кидать честно? А…

— Ну, скучно мне было! Скучно! Ты бы тут пару сотен лет посидела! Мавра за все время даже за ушком и то всего пару раз почесала! Аллергия у нее на котов… А я создание веселое, жизнерадостное! Ну и решил немного разнообразить процесс знакомства!

— Классное разнообразие! Да ты меня теми доспехами чуть не убил!

— Доспехи — это твоя личная заслуга, — быстро открестился Васька. — При чем тут я, если ты не видишь у себя перед носом трехметровую конструкцию?

— Была бы скорость знакомства поменьше — увидела бы, — огрызнулась я. — А если бы я с доспехами не столкнулась, как бы ты из меня кровь добывал?

— Тоже мне проблема, — фыркнул кот. — Любой, кто носится по незнакомому помещению, не глядя под ноги, обязательно в конце концов расшибет нос.

Я сплюнула, бросила ставший ненужным валик и отвернулась.

— Костя, тут есть ванная?

Тот утвердительно кивнул. Я хотела было уточнить про горячую воду, но, вовремя вспомнив про свое «всемогущество», не стала. Пора было проверять на практике все, что наобещали мне книжки и кот.

— Проводи меня туда.

Скелет с поклоном распахнул дверь, благодаря которой вредный рыжий скот едва не обзавелся классическим персидским профилем. Не глядя больше в сторону в кои-то веки заткнувшейся животины, я вышла в коридор.

По дороге я завернула в туалет, тоже любезно указанный услужливым скелетом. Что ж, после облицованного черным мрамором уголка задумчивости площадью метров двадцать чугунный бассейн на ножках, именуемый здесь ванной, не показался мне чем-то странным. Повода поэкспериментировать со своим пресловутым всемогуществом не представилось: здесь имелся хоть и вычурный, но вполне современный смеситель.

Стараясь не задумываться, откуда в трубах вода, да еще с таким напором, я быстро набрала ванну и выставила за дверь Костю. Страха он мне больше не внушал, но раздеваться в присутствии мужчины, хоть и бывшего, не хотелось.

Погрузившись в горячую воду и лениво наблюдая, как пар скручивается в замысловатые спирали и медленно тает под потолком, я наконец смогла подумать о будущем…

Формулировка «подумать о будущем» звучит пафосно до зубовного скрежета, но по-другому назвать

то, чем я собиралась заняться, невозможно. Всему виной мое прошлое.

Сколько я себя помнила, я жила в детском доме. Самое раннее воспоминание — низкий круглый стол, вокруг которого сидит десяток ребятишек, а над ними нависает кажущаяся огромной женщина в белом халате. С тех пор так и потянулось. Долгие годы я ничего не решала сама и не видела, чтобы кто-то принимал какие-то решения. Существовал распорядок дня, за соблюдением которого следили специально обученные люди. Были правила, их нарушение грозило странными в моем понимании карами: например, запрет на телевизор или игровую приставку, чем я и без запретов не интересовалась. Конечно, мы ходили в школу, делали домашние задания, нас водили по музеям и театрам, на лето вывозили за город. Обычная жизнь обычного детского дома, каких тысячи.

Единственная из всего нашего выпуска, я окончила школу с золотой медалью и поступила на первый курс института по специальности архивное дело. Но учиться мне нравилось всегда, в отличие от посиделок с дрянной водкой, и для меня, собственно, ничего не изменилось. Только комнату в детском доме я сменила на комнату в общежитии. Жизнь покатилась по привычной схеме: столовая — учеба — общежитие — столовая — библиотека — столовая — кровать в комнате на четверых — столовая… Мальчики меня, худосочную мелочь в больших очках, вниманием не баловали, соседки игнорировали. В общем, все как всегда.

Так меня вырастили, выучили и выдали «путевку в жизнь» в виде ордера на большую комнату в коммуналке. За несколько месяцев самостоятельной жизни я влезла в долги, едва не поменяла комнату в центре на остов деревянного дома в заброшенной деревне и получила три выговора в архиве, в котором работала после института.

Кошмар? Дура? Наркоманка? А вот и нет. На самом деле все просто. Сиротку вырастили-выучили, но при этом так и не научили, а как, собственно, жить. Например, для меня стало пренеприятным открытием такое понятие, как коммуналка. Дяди в костюмах неожиданно оказались не привычными добрыми спонсорами с подарками, а мошенниками. Патологическое неумение готовить заставляло покупать исключительно дорогие полуфабрикаты, что никак не сочеталось с размером зарплаты младшего специалиста заштатного архива.

Да и в самом архиве не все шло гладко. Привыкнув, что в детском доме все от восемнадцати и старше шарахаются от обвинений в педофилии, я умудрилась прослыть любовницей обрюзгшего директора с маслеными глазками всего лишь из-за того, что несколько раз согласилась попить с ним чаю в его кабинете. Самое неприятное заключалось в том, что это заблуждение распространялось не только на коллег, но и на самого начальника. Прямо объяснив, куда он может засунуть свои липкие ручонки, я вызвала целый шквал разнообразных придирок и выговоров…

Короче говоря, я потратила почти два года, чтобы избавиться от последствий своих поспешных решений, раздать долги и отсудить обратно свою комнату. А от увольнения меня вообще спасло только то, что директора поймали на краже старинных рукописей и посадили. И то отношения с коллегами так и остались более чем прохладными.

С тех пор я взяла за правило обдумывать каждое более-менее серьезное событие и связанные с ним шаги. Непонятное наследство и маячившее в перспективе бессмертие вкупе с суперспособностями, пусть и ограниченные пределами небольшой территории, относились как раз к таким.

Вот только обдумывать не очень получалось. Совсем не получалось, если честно. Говорящий кот, услужливый скелет и шубка, лежавшая на мягком диванчике у зеркала в углу, исключали возможность глупого розыгрыша. Зато не исключали скоропостижного помешательства и красочных глюков у меня. Слыхивала я рассказы своих бывших одноклассников, от некоторых веществ и не такое почудится. Но мой глюк, если это глюк, как-то уж очень затянулся…

Если же все это правда… От перспектив по коже прокатился озноб, несмотря на то что я лежала в горячей воде. Перед глазами замелькали картины радужного будущего: приличная одежда, самые лучшие книги, ночной сон без храпа из-за одной стены и рока из-за другой, никто не стучит в дверь ванной, стоит только встать под душ. Вечная молодость, никаких проблем с деньгами… Жить я могла бы здесь, а когда станет скучно, выходить на прогулки. Ну, насколько я там постарею, прогулявшись в кино или на выставку? Ерунда…

Губы сами собой расплылись в предвкушающей улыбке. Вот прямо сегодня и начну. Шубка, конечно, чудная, но великовата, да и носить ее в июле не самая лучшая идея… Надо будет сбегать в подвал, придумать платье и туфли красивые.

Я сосредоточилась, пытаясь представить будущее платье, но вместо этого в памяти всплыл зеленый пузырь с привидениями. В медовые мечты плюхнулась основательная ложка реальности.

— Тьфу ты… — выругалась я, резко сев.

Настроение мечтать о тряпках испарилось без следа. «Платьишко тебе? А переодеваться уроды

иномирные не помешают? — обругала я себя. — Сначала с делами разберись, а потому уже гуляй».

Но и о прогулках помечтать не получилось. Память, отвесив мне оплеуху в виде забытой «работы», не постеснялась добавить, прокрутив последние минуты в реальном мире. Тут уж расхотелось не только мечтать, но и нежиться в теплой воде.

Если Васька прав и меня сюда привезли оборотни, то с кем они дрались? И почему? А главное, чем это грозит мне?!

Теперь я в полной мере пожалела, что развеяла собственную бабку. Вот кто точно был в курсе всех местных подковерных игрищ. Хорошая или плохая, но завещание она оставила именно на мое имя и зла мне вроде желать не должна. Была…

Я снова выругалась и стала выбираться из ванны. Большие пушистые полотенца нашлись в высоком шкафчике у умывальника. Но лежавшие тут же изгвазданные шмотки энтузиазма не вызвали. Припомнив, что скелет вроде предлагал мне во что-то переодеться, я завернулась в шубу и крикнула:

— Костя! Принеси какую-нибудь одежду! Только чистую! — поспешно добавила я, представив, как скелет стаскивает саван с какого-нибудь покойника, которых, судя по кладбищенским окрестностям, здесь было немерено.

Костя не подвел. Полчаса спустя я уже сидела в монументальной столовой. На мне красовалось темное старомодное платье в пол с высоким жестким воротничком и длинными рукавами. Невольно стараясь соответствовать антуражу, я степенно пила ароматный чай с потрясающе вкусными печенюшками. Жизнь бессмертной домовладелицы нравилась мне все больше и больше, даже несмотря на несуразное платье. Чем-то более современным обзавестись не проблема. «Лишь бы все это не оказалось тем самым сыром в мышеловке, который достается только второй мышке», — осадила я вновь понесшиеся вскачь мечты.

Кот на глаза не показывался, чему я была только рада. Люблю кошек, но, как выяснилось, не таких болтливых. Костя тоже не докучал, замерев в углу, как школьное анатомическое пособие. Я же пыталась уложить в некую схему то немногое, что знала.

Итак, неизвестная бабка, доселе почти игнорировавшая мое существование, оставила мне наследство: кладбище, дом и бессмертие. Царское наследство, если не присматриваться. А стоит присмотреться, обнаруживаются непонятные обязанности, отвратительные привидения, хамоватые коты и услужливые скелеты.

Кто такие оборотни: добрые спонсоры или мошенники в костюмах? С кем они дрались? Чем мне грозят и те и другие и что им всем от меня нужно? В том, что нападающие появились у ворот моего кладбища не случайно, я не сомневалась ни секунды. Недаром рыжий Фокс, которого седой назвал Лисом, сначала обещал все объяснить внутри, а потом требовал никого не пускать. Конкурирующие группировки? Но кто противостоит оборотням?

И потом, как я должна была «не пустить» хоть кого-то? Всесильная-всемогущая — это замечательно, но не могу же я день-деньской бегать под оградой и кричать «сгинь!» каждому, кто вздумает через нее перелезть? Тем более что неизвестно, как это вообще на живых действует и действует ли вообще.

Чем больше я думала, тем яснее понимала, что ничего не понимаю. И не пойму, пока не выслушаю хоть кого-нибудь. Но для разговора с этим кем-то надо было встретиться. А вот встречаться с теми же оборотнями, не разобравшись, что к чему, хотя бы в общих чертах, мне категорически не хотелось. Уже пообщалась так однажды с добрыми дядями — чуть бомжом не стала.

Глубоко вздохнув и собрав в кулак все свое самообладание, я повернулась к скелету:

— Костя, позови Ваську, пожалуйста.

ГЛАВА 5

Незваный гость

Отправленный за нахальным котом Костя отсутствовал довольно долго. Я продумала несколько способов разговорить вредоносную животину и отмела их как бесполезные. Нетерпение нарастало, но я старательно сдерживалась. Мне катастрофически не хватало знаний о странном мире, внезапно оказавшемся моим наследством. Но все, что я выдумывала, от попытки договориться миром до банальных угроз, выглядело не слишком надежно. А самое главное, не давало никакой гарантии, что котище по каким-то одному ему известным соображениям не наврет мне с три короба. Сесть в калошу, снова попавшись на шуточку в его стиле, очень не хотелось.

Раздумывая, я успела заработать головную боль, обматерить свалившееся как снег на голову ненормальное наследство и в очередной раз обругать собственную импульсивность, лишившую меня возможности поговорить с бабкой.

Впрочем, и бабку я ругала долго и со вкусом. Спихнуть на внучку головняк в виде бессмертия и привидений она не постеснялась. А вот заранее объяснить этой самой внучке, что к чему, или хотя бы познакомить с миром, где ей предстоит жить, — не удосужилась.

Наконец в дверях появился Костя. Но кота с ним не было. В ответ на мое недоумение скелет красноречиво развел руками, и я глухо выругалась. Котяра остался верен себе даже в этом: любым способом выводить меня из равновесия чем угодно, в том числе собственным отсутствием.

Я уже хотела было идти в холл и громогласно пообещать наглой животине выселить ее в первый попавшийся склеп, но вдруг неожиданно широко зевнула. Костя среагировал моментально, приглашающе распахнув дверь. Догадаться, куда меня поведут, труда не составило. Уже знакомая спальня, правда, на этот раз с сухим бельем на широкой постели, и бесформенная ночнушка на специальной подставке у изголовья.

Кровать выглядела безумно соблазнительно, и я не стала спорить. Наручные часы подсказывали, что я уже больше суток на ногах. Не считать же за полноценный сон короткий обморок. Снова зевнув, я плюнула на глобальные проблемы и, выставив Костю, стала стаскивать одежду. А с делами можно и на свежую голову разобраться.

«Пока у меня все равно отпуск, — подумала я, уже засыпая. — Успею, если что, послать всю эту потусторонщину к такой-то матери. Архив от меня в любом случае никуда не убежит».

Как ни странно, выспалась я замечательно. Ни кошмары, ни просто сны меня не тревожили. И проснулась отдохнувшая и готовая буквально горы свернуть, что для меня в принципе не совсем обычно. Кого за это благодарить, Врата, оберегающие хозяйку даже от снов, или перекипевший за вчерашний сумасшедший день мозг, я не знала. Но и задумываться над этим посчитала по меньшей мере глупым. Мне и без того хватало поводов задуматься.

Например, почему привычным движением усаженные на переносицу очки вдруг сделали мир размытым? Я попыталась проморгаться, но безуспешно. Зато начала кружиться голова. Но стоило снять очки, как все пришло в норму. Отметя панические мысли о скоропостижном заболевании вроде за одну ночь развившейся катаракты, пришлось признать, что в «глазных костылях» я больше не нуждаюсь.

Вопреки логике приятная новость вызвала только отголоски вчерашней злости: этот дом хранил слишком много секретов, которые мне никто не удосужился сообщить. Все еще гадая, где бы узнать все и сразу, я сходила в прилегающую к моей спальне ванную и вернулась обратно.

У постели нашлось отглаженное вчерашнее платье и мои собственные вычищенные тряпки. Мимоходом пообещав себе сегодня уж точно обзавестись нормальной одеждой, я натянула джинсы и футболку и с сомнением покосилась на необъятную кровать. Как ее заправить, я не представляла. Потыкавшись так и эдак, я взмокла, но одеяло все равно топорщилось отвратительными буграми. Тяжелое, шитое серебром покрывало, лежавшее в изножье, я даже трогать не стала, сообразив, что, прежде чем хвататься за эту махину, мне не мешало бы посетить тренажерный зал. Раз пятьсот.

Плюнув на порядок (в конце концов, вчера постель перестлали и без моего участия), я бросила это безнадежное дело и вышла в коридор. Прямо в руки поджидавшему меня скелету.

Он радостно застучал челюстью и с поклоном указал на одну из дверей. Припомнив, что именно там находилась монументальная столовая, я сразу почувствовала, как заныл пустой желудок.

На завтрак мне подали овсянку. Пахнуло родным детдомом, и аппетита сразу поубавилось. С

детства ненавижу эту кашу. Лениво ковыряя серебряной ложкой в тарелке, я снова утонула в невеселых мыслях. Кот так и не показывался. В книге про Ключ и Врата явно не могло быть мало-мальски актуальной информации про местные общины. Максимум их список.

В бесплодных потугах придумать выход из безвыходной ситуации я даже додумалась до того, чтобы отправиться к юристам-оборотням и вытрясти правду из них. Впрочем, представив, как бы выглядела подобная попытка, учитывая кардинальную разницу в габаритах, я рассмеялась и отбросила глупую идею.

Противная овсянка незаметно съелась. Костя тут же поставил передо мной чашку с чаем.

— Спасибо, — машинально кивнула я. — Васька не показывался?

Скелет удрученно развел руками.

— Вот сволочь хвостатая… — выругалась я, нервно размешивая сахар. — С тобой, что ли, пообщаться?

Идея показалась неожиданно здравой. Что с того, что говорить он не может? На «да-нет» хватит и его способностей к коммуникации. По крайней мере, из всех встретившихся мне за последние несколько дней людей… то есть нелюдей, он единственный пытался как-то помочь.

— Костя, а до меня здесь бабка моя хозяйничала? — сделала попытку я.

Скелет кивнул. Окрыленная первым успехом, я продолжила:

— Долго?

Еще один кивок. Пора переходить к более сложным вопросам.

— С привидениями из подвала надо срочно разбираться?

На этот раз Костя кивнул сразу трижды. Нечто подобное я и ожидала и с готовностью поднялась.

— Ну, пошли. Рассортируем по общинам этих непокойничков…

— Стой, бестолочь! — В дверях, выгнув спину и вздыбив шерсть, стоял Васька.

Всем своим видом котяра демонстрировал, что выйти я смогу, только переступив через его хладный труп.

— А… явился, потеряшка, — медленно протянула я, снова опустившись на стул. — Соскучился?

— Размечталась! Век бы тебя не видеть! — мыркнул кот.

— Тогда зачем пришел? — пожала плечами я.

Судя по тому, как прижал уши рыжий эксперт, я действовала верно. Начни я с ним говорить по-человечески или, того хуже, просить, он бы не упустил возможности в очередной раз вынести мне мозг. А так… «Он мне его тоже вынесет», — мысленно вздохнула я, услышав очередную кошачью реплику.

— Я пришел, чтобы спасти мир от разрушения твоими кривыми руками! — с пафосом заявил кот.

Кое-как подавив раздраженный возглас (котяра только этого и ждет), я поднялась:

— А, тогда Бог в помощь. Пошли, Костя, нас в подвале заждались…

— Стой, негодная! Ключника на твою голову! — взвыл Васька. — Нельзя их всех выпускать!

— Да уж разберусь, — хмыкнула я, внутренне напрягаясь. Наконец-то хоть что-то внятное. — Ключ я или нет?

— Да какой из тебя Ключ? Отмычка, грубая и корявая, в лучшем случае. А то и вовсе лом! — махнул лапой Васька.

— Опять начинаешь? — нахмурилась я. — Что замки открывает, то и ключом зовется. И заметь, я свои обязанности собираюсь выполнить. В отличие от тебя!

— Это как это?! — От возмущения Васька аж задохнулся. — А что я тут, по-твоему, делаю, как не свои обязанности исполняю?!

— Не знаю, что ты тут делаешь вообще, но в данный момент ты треплешь мне нервы и хамишь. Это

тоже входит в твои обязанности?

Ответить Васька не успел. Гулкий звон вроде удара гонга прокатился по дому от подвалов до чердака. Я дернулась, озираясь. Кот прижал уши, изобразив на морде настоящее отчаяние.

— Что это? — шепотом спросила я.

— Гости, — обреченно проговорил Васька.

— Ты же говорил, что, пока дом меня не примет, никто не придет, — возмутилась я. — И что это дня два как минимум займет! Опять наврал?!

— Так и должно было быть! — огрызнулся кот, расхаживая по столу и нервно хлеща хвостом. — Наверное, Врата слишком долго без хозяйки оставались. Вот и…

— Ничего мне сказать не хочешь, прежде чем гость в дом войдет? — прищурилась я.

— Хочу! Я постоянно хочу, только разве ж ты слушаешь?!

— Опять я виновата? — обозлилась я. — Костя, приведи сюда нашего…

— Нет! — снова прижал уши Васька. — Гостей сама хозяйка впускать должна. Без твоей руки Врата гостя за врага примут и по всему мирозданию размажут, только его и видели.

— Вот оно как…

— Говаривал макак! — перебил Васька. — То есть макака. С гранатой. Это я о тебе, если не поняла!

— Да уж поняла, — хмыкнула я. Очередная провокация уже скорее не разозлила, а насмешила, слегка сбив градус напряжения. — А если отложить на время твои с-котские подковырки и объяснить нормально? А то гранате плевать, кто чекой балуется, взрывается она одинаково.

— Гостям хоть отказать, хоть приветить их может только хозяйка, — быстро заговорил Васька, спрыгивая со стола. — Тот, кто с Ключом говорить желает, к воротам ладонь приставляет, и все.

— Что все?

— А то, что не отойдет, пока ты эту самую ладонь не оттолкнешь или не примешь, через ворота гостя проведя.

— А если я сплю? — опешила я. — Или вообще в магазин ушла?

— Ты гонг слышала? Долго проспишь под такое? — окрысился Васька. — И какой еще маго-зин?! Это что еще?

— Там продукты покупают. И платья…

— Тебе любой маго-зин — в подвале. Кстати, запасы пора пополнять. У меня «вискас» закончился. Очень я это дело уважаю.

— Про «вискас» потом расскажешь, — перебила я. — С гостем что?

— Да ничего! Берешь за руку и проводишь сюда.

— В дом?

— За ворота, дубина!

— А потом… Охренеть… — Я разом забыла про истерящего кота. — Это что еще за мракобесие?

Ворота нашлись на том самом месте, где я кувыркалась сутки назад. Высокие столбы, мощные петли, непроницаемый туман за коваными завитушками створок. Вот только между прутьями торчали две вполне человеческие руки. Вроде бы мужские, но изящные и светлокожие, как у девушки. Подойдя ближе, я даже рассмотрела аккуратный маникюр. Однако…

— За правую бери, если пустить надумаешь! Только за правую! — лихорадочно зашептал кот, вернув меня к реальности ударом когтистой лапы.

Как зачарованная, я протянула руку, обхватив небольшую кисть, потянула на себя.

— Тебя в детстве не учили спрашивать, кто пришел, прежде чем дверь открывать?! — взвыл рыжий, но было уже поздно.

На усыпанную прошлогодними листьями дорожку шагнул самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела.

— Вышвырни его обратно! — прошипел Васька.

— Еще чего, — отмахнулась я. — И заткнись! Он тебя услышит и обидится!

Сообразив, как по-идиотски прозвучали мои слова, я залилась краской.

— Не услышит, — буркнул кот, видимо наконец осознав, что подчиняться его капризам я не намерена. — Пока ты не позволишь, он и говорить-то не сможет, не то что слышать.

— И как это сделать?

— Скажи, что разрешаешь душе жить.

— Разрешаю душе жить, — чувствуя себя идиоткой, снова попавшейся на с-котскую шутку, повторила я.

Но, как ни странно, на этот раз котяра не соврал. Гость тут же глубоко вздохнул, словно очнувшись от сна, и склонился в поклоне:

— На этот раз Врата выбрали себе прекрасный Ключ. Вы позволите?

Он протянул руку.

— Д-да, — проблеяла я, вкладывая пальцы в его ладонь.

Где-то на периферии злобно зашипел Васька. Но какую девушку заинтересует, что там не нравится коту, когда ей целуют руку. Да как целуют… На долю секунды я даже пожалела, что надела джинсы, а не бабкино платье. Оно было бы куда уместнее.

Мужчина коснулся кожи прохладными губами, замер на мгновение дольше необходимого и снова выпрямился.

— Пойдемте в дом, — кое-как промямлила я.

Мне с готовностью подставили локоть, и я, чувствуя себя барышней из какого-то сериала про жизнь дореволюционного дворянства, потопала по дорожке к гостеприимно распахнутым дверям особняка.

Гость пропустил меня вперед, застыв на пороге.

— Ну что же вы? Проходите, — поторопила я, разыскивая глазами Костю. Чай со вчерашними печенюшками был бы очень кстати. Но скелет как сквозь землю провалился. Зато под ногами мелькнул кот, об которого я не замедлила споткнуться.

Мужчина заботливо подхватил меня под локоть, не позволив позорно растянуться на мраморных плитах холла. Даже довел до кресел в углу и, дождавшись, пока я усядусь, сел напротив.

— Как мне позволено будет вас называть? — Он буквально обласкал меня восхищенным взглядом.

Я вздрогнула. Очарование момента оказалось безвозвратно утрачено. Всю жизнь стеснялась своего безобразного имени. Даже больше, чем непрезентабельной внешности. Представляться новым людям было для меня мукой сродни пытке. Я сморгнула и посмотрела на гостя уже несколько более трезво. В душе зашевелились подозрения: до сих пор моим внешним видом восхищался только бывший директор архива. К чему это привело, мне напоминать не требовалось.

— А как вас зовут? — ляпнула я первое, что пришло в голову, когда молчание затянулось совсем уж до неприличия.

Брови красавца удивленно дрогнули, но с ответом он не замедлил, только усилив невнятные подозрения.

— Где мои манеры? Прошу прощения. Я — Георгий Брасов. В прошлом друг великого князя Михаила и граф, но теперь все эти титулы не имеют никакого значения.

— Брата Николая Второго? — пошутила я, не сообразив, о ком может идти речь.

— К потрясающей красоте еще и интеллект. Вы кладезь талантов. И да. Вы правы. — Он снова потянулся к моей руке, но я сделала вид, что не понимаю намека.

Может, я и не представляла, что почем в этих потусторонних общинах, но историю в институте

учила прилично. И сейчас эти воспоминания подсказывали мне: да, в истории имелся некий Брасов, но он никак не может быть другом того самого Михаила уже потому, что когда-то приходился ему сыном. Не говоря уже о том, сколько годков должно бы уже стукнуть хоть другу, хоть сыну князя из позапрошлого века.

— И вы до сих пор живы… — с сомнением протянула я.

— А что мне сделается? — чуть натянуто рассмеялся он. — От большевиков ноги унести успел, а больше серьезных неприятностей не было.

— Граф Брасов забыл упомянуть, что он вампир, — процедил Васька, о котором я успела начисто забыть. — Они в принципе бессмертны…

«Дубина, — мысленно озвучила я повисшее в воздухе продолжение его реплики и в кои-то веки согласилась с котом. — Расслабилась, идиотка!»

— И что вас привело ко мне? — поинтересовалась я, окончательно сбрасывая навеянное гостем очарование.

— Во-первых, засвидетельствовать свое почтение и восхищение…

Я не стала уточнять, что он не мог знать, достоин ли новый Ключ почтения и восхищения, и молча смотрела на мужчину, чуть приподняв бровь.

— А кроме того, — продолжил он, не дождавшись ответа, — меня привело беспокойство за мою общину. Мы, к сожалению, не пользовались доброй славой у вашей предшественницы. Вы понимаете: устаревшие стереотипы, личные симпатии и предубеждение. Увы… Но даже Ключи не всегда способны подняться над всем этим. А негативное мнение, помноженное на неограниченную и бесконтрольную власть… В прошлом я упустил момент представиться самостоятельно. За меня это сделали другие. Сложилось негативное впечатление, заметьте, совершенно несправедливое.

— Так уж и несправедливое, — вклинилась я в первую же микроскопическую паузу, чувствуя, что эти словесные кружева опутывают меня, как липкая паутина.

— О! Не разочаровывайте меня! — всплеснул руками вампир. — Не разбивайте мои надежды! Мне показалось, что вы выше плебейских предрассудков. Да, мы питаемся человеческой кровью. Но все остальное вроде ночных разбойников, кусающих прекрасных девиза лебединые шейки, и страшных монстров, выпивающих досуха любого встречного, — полный бред и мракобесие!

— Да?

— Разумеется! Мы давно уже покупаем списанную кровь в донорских центрах. Для медицинских целей она не годится, а нам — в самый раз.

Я понятия не имела, если ли срок годности у крови, но и без того в экспрессивном монологе Георгия не сходились концы с концами.

— Банки крови появились сравнительно недавно…

— И сильно облегчили нам жизнь, — подхватил вампир, ничуть не смутившись. — Раньше каждому из нас приходилось содержать несколько доноров: любовницы, друзья. Кто-то представлялся ученым и покупал кровь у бедняков. — Заметив, как вытягивается моя физиономия, Георгий снова замахал руками: — Не больше стакана у одного! И представьте, платили полновесными монетами. Многие из них выжили только благодаря нам. Нам хватало. Мы же не бочку в день выпиваем. Ну, ради Творца, посмотрите вы на меня! Неужели я похож на того, кто может вгрызться в чужую шею?! Я же не животное! И потом, такие прекрасные шейки, как ваша, встречаются одна на миллион, и портить ее шрамами? Никто из нас на такое не способен. В большинстве своем мы эстеты — бессмертие учит ценить и беречь красоту.

— Но не такие красивые шеи, как у меня, вас не смущают? — хмыкнула я, пытаясь спрятать за шуткой проснувшийся страх.

Вы шутите? — Вампир очень натурально передернулся. — Залитые потом или зловонными духами немытые загривки… Вы всерьез полагаете, что нечто подобное захочется тянуть в рот?!

У него на лице было написано такое отвращение, что я невольно рассмеялась.

— А анализы как сделать? Наше бессмертие еще не означает, что человеческие инфекции нас не берут. А провести вечность, страдая, простите за прямоту, каким-нибудь французским насморком… Увольте! — Он устало сгорбился, словно исчерпав все свои силы в попытке убедить меня в собственной безопасности. — Но о чем это я? Кто будет слушать вампи-и-ира.

Он скорчил карикатурно зверскую гримасу и откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди. Стало немного стыдно. Кому, как не мне, знать, как себя чувствуешь, если так называемое общественное мнение заранее причисляет тебя к отбросам человечества. Сколько раз на меня косились, едва услышав про детский дом. «А… детдомовка!» — говорили их глаза, пока руки подгребали поближе сумки и прочие личные вещи.

— Я не хотела вас обидеть.

— Я и не обиделся, — грустно улыбнулся Георгий. — Привык за столько-то лет. К нашей общине всегда относились настороженно, часто враждебно и почти никогда по-доброму. Смена Ключа у Врат такое редкое событие… И я позволил себе надеяться, что… Ах! Забудьте…

Его слова, возмущение, обида, грусть казались искренними, но над всем этим витал едва уловимый аромат фальши. И я никак не могла решить, сидит передо мной гениальный актер или же вранье мне попросту мерещится благодаря тем самым предрассудкам.

— Я не собираюсь выделять никакую общину, — на всякий случай уточнила я.

— А разве я прошу о чем-то большем?! — вскочил вампир. — Пожалуйста, не выделяйте! Прошу вас, относитесь к нам так же, как и к любой другой общине! Разве мы требуем чего-то большего?!

— Я пока вообще не поняла, чего вы требуете, — проговорила я, ошарашенная таким быстрым переходом от меланхолии и кипучему восторгу.

— Творец… Простите! — Он опустился на одно колено возле моего кресла. — Мы действительно ничего не требуем… Но посудите сами. За последние пятьдесят лет каждая община получила пополнение. Некоторые даже дважды или трижды. Плюс у большинства рождаются потомки… Я понимаю, мы бессмертны, и детей у нас не бывает, а потому обновлять кровь нет необходимости. Но ведь здоровье физическое — это еще не все. Как быть с душевным? Как быть с тем, что и нас можно убить? И происходит это с неприятной регулярностью. Ведь предрассудки вашей предшественницы разделяют многие общины. За последние полвека пополнения не было только у нас. А потеряли мы многих, очень многих…

— Хорошо, — проговорила я, осторожно вытаскивая руку из его сильных холодных пальцев. — Я посмотрю, что можно сделать.

— Я буду вам очень… Очень! Признателен. Да что там я. Вся наша община!

Георгий смотрел на меня горящими глазами, и мне снова стало не по себе. Ну не смотрят так на серых мышек вроде меня!

— А сейчас уходите. — Я с трудом совладала с непослушным языком. — Я вам позвоню… То есть сообщу, когда появятся какие-то новости. Уходите…

Словно нехотя он поднялся на ноги и медленно пошел к двери. Едва вампир скрылся в коридоре, я со свистом втянула воздух сквозь сжатые зубы. Ощущение было такое, будто я только что вынырнула из-под воды, просидев там по меньшей мере минуты три.

Я ошарашенно замотала головой, пытаясь прийти в себя. Вспомнила о вампире и на подгибающихся ногах бросилась к окну. Георгий как раз подходил к воротам. Дрожа всем телом, я смотрела, как он прижимает ладонь к кованым завитушкам. За долю секунды фигура мужчины превратилась в сизый дым и буквально впиталась в туман за воротами.

— Ну, слава всем богам, ты его выставила! — проскрипел над ухом непривычно хриплый голос Васьки. — Я уж думал, все: кончился новый Ключ, не успев начаться. Правду говорят, боги хранят пьяных и дураков!

ГЛАВА 6

Основы котоведения

— Скажи, котяра, а ты можешь мне что-нибудь хорошее сказать? Ну так, для разнообразия? — вздохнула я, возвращаясь в кресло.

Непонятное напряжение хоть и медленно, но все-таки отпускало. А вместе с тем возвращалась способность трезво мыслить. Хотя воспользоваться ею у меня пока не возникало никакого желания.

— Тебе? — фыркнул Васька, растянувшись на каминной полке. — Я тебе и так только хорошее говорю. Самое хорошее из того, что на язык лезет после твоих выбрыков. Делай выводы.

— Вась… А не пойти ли тебе… со своими выводами… мышей ловить, — лениво огрызнулась я.

Даже спорить с наглым котом было лень.

— Я-то пойду! Только как такую дубину без присмотра оставишь?! Ты же…

— Знаю, знаю, — отмахнулась я. — Дров наломаю, мир уничтожу, дом сожгу.

— Дом не горит. А все остальное — истинная правда.

— Ну да… И за что ты меня так не любишь, зверюга?

— За непроходимую глупость и отсутствие чувства самосохранения, — не замедлил с ответом кот. — Вот скажи, кем надо быть, чтобы пустить к себе кровососа во плоти, пригласить в дом, а о приказе «не нападать» даже не подумать?! Я тебе за какую руку велел этого вампирюгу брать?!

— За правую! У меня со слухом все в порядке! Я и взяла… — Я осеклась.

— Да, да? — ехидно переспросил Васька.

— Черт, — покраснела я, сообразив, что напротив моей правой находилась левая рука вампира. — Вечно путаю… Да и какая, к чертовой матери, разница?!

— Какая? Да небольшенькая такая, — вкрадчиво пояснил кот. — За правую руку ты лишь душу через Врата проводишь. А за левую и тело прихватываешь. Понятно? Ты сюда столетнего кровососа пустила. Потом разрешила к себе прикасаться, потом в дом пригласила… Продолжать?!

— Да я ему позволила только руку поцеловать! — огрызнулась я, чувствуя, что в словах кота вполне может оказаться доля истины.

— А ты уточнила? Думаешь, для него есть большая разница — к ручке приложиться или к шейке?! На руках тоже вены имеются.

— Он не кусается!

— Ага. Собаки тоже не кусаются, если послушать их хозяев. Откуда только что берется? — съязвил кот. — Он тебя уже почти связал! Ты тут масляной лужей растекалась под его песенки. Кровососы на это дело мастера. Еще с полчаса, и каюк тебе.

— Убил бы? — прошептала я, вспоминая, как трудно было заставить себя думать под сладкие речи и горячие взгляды красавца-вампира.

— Хуже! — отрезал Васька. — Куклу безмозглую из тебя бы сделал! И была бы тут одна община — вампирья. Ну, до тех пор, пока Ключник бы не явился, так уж точно. А потом… Не знаю, что было бы потом, но ты бы этого не увидела. Я уже думал в неравный бой с кровососом вступать, жизнь молодую за тебя, дуреху бестолковую, положить…

— Что же не вступил, защитник, блин. — Я обхватила плечи руками, пытаясь унять дрожь.

— Ты ему уходить приказала, — уже нормальным тоном проговорил кот. — Я даже подумал, что ослышался. Не было еще такого, чтобы вампирьи песни кто с себя сбросил. Ну, может, и было, раз у тебя получилось, но я о таком не слышал. Значит, права была Мавра. Есть в тебе что-то такое… Ошибся Серый…

— Васька! — взмолилась я. — Объясни ж ты по-человечески…

— Так я и не человек, — ухмыльнулась наглая зверюга. — Как умею, так и объясняю.

Издевку я едва заметила. Слишком много мыслей вертелось в голове, и над всем этим довлела

острая потребность бежать немедленно из этого дома. Вот только бежать мне было совершенно некуда.

— Хоть как объясни! Кто такой Серый?! Зачем приходил вампир? Ключник, он тоже из кровососов?! И что они все вообще от меня хотят?!

Неожиданно Васька не стал выдрючиваться. Запрыгнул в кресло, где еще недавно восседал незваный гость, и уставился на меня зелеными глазищами.

— Про Ключника ничего тебе не расскажу. Я и сам о нем один раз и слышал. Когда Яга с дочерью своей ругалась. Это еще там, в живом мире, было. Я понял только, что он над всеми Ключами, какие есть, — начальник и за их работой приглядывает.

Так нас много? — с облегчением выдохнула я. — Тогда какого лешего ко мне привязались?!

— Много. На каждый мир по штуке.

— Тьфу ты, черт, — разочарованно выругалась я.

— С вампирами ты поосторожнее. Их и бабка твоя, Мавра, боялась и ненавидела. Уж она-то посильней тебя была и то даже призраками их сюда не пускала.

— Ну да… Он говорил про предрассудки, — припомнила я. — Думаешь, врал?

— А кто его знает, — мотнул лобастой башкой кот. — Ты ему правду говорить не приказывала. Но такие и правду так скажут, что честный человек обманется.

— Про пополнение можно будет по картотеке проверить, — задумчиво протянула я.

— Я тебе и без картотеки скажу, — отмахнулся Васька. — Не было у них пополнения. Ну, отсюда точно не было, пока Мавра Ключом была. А вот сколько обращенных появилось, это уж не обессудь — не знаю. Струна у них все та же, а слабеть ради новичков они вряд ли станут. С другой стороны, потери наверняка восполняли. У оборотней с кровососами разговор короткий.

— Так…

Пока все, что говорил мне вампир о положении в его общине, подтверждалось. Значило ли это, что Георгий не врал и Васька нахватался от бабки Мавры тех самых предрассудков? Или? От непонимания и бредовых предположений голова пошла кругом, и я решила сменить тему:

— А Серый кто такой?

— Оборотень. Волк. Вожак в общине.

— Вот оно что, — нахмурилась я. — И за что они так вампиров не любят? И меня, кстати, тоже?

— А за что вас любить?

— Ну знаешь! Это уже…

— Шучу я. Шу-чу! — замахал кот сразу обеими лапами и чуть не сверзился с кресла. — Шуток совсем не понимаешь, да?

— Такие не понимаю, — отрезала я. — Так что воздержись. Что там с оборотнями?

— Наверное, самая сильная община. Потому вампиры с ними и бодаются постоянно. Оборотни по всему миру живут. Им простор нужен и уединение. И людей они сторонятся. Вожак у них один. Вот сейчас — Серый. Вообще-то Сергей Вольф. Но так его только бабка твоя и звала. В стае он — Серый.

— Вольф… Вольф… Волк, что ли?! — осенило меня. Так они волки?

— Не все, — дернул ушами кот. — Медведи есть, змеи, лисы опять же. Кому что подходит. Но в основном они в лесах живут. В Сибири, например, откуда Яга родом, много их было.

— И чем они там, в лесах, занимаются? — спросила я, пытаясь отогнать настойчиво вертевшуюся в голове иллюстрацию из книжки про Красную Шапочку.

— Кто чем. Медведи, те пасеки очень уважают. Лисы, те пушниной промышляют. В общем, крестьянствуют.

— Что-то не похожи были на крестьян те зверушки, которые меня сюда привезли, — недоверчиво прищурилась я.

— Так это и не хозяева, а воины, дуреха, — фыркнул котяра. — Они общинный дом берегут. Такие в каждой общине есть. Где больше, где меньше. Где вообще только один. Но если есть община, то и воин будет. А воины оборотней заодно своим соплеменникам связь с внешним миром обеспечивают, товары продать помогают, с властями человеческими, если надо, контактируют. Вообще, их в любой общине знают. Надо какой-нибудь договор заключить, только к ним идут. Оборотни и бумагу составят, и за соблюдением проследят. Недаром Мавра свое завещание именно у них оставила. Хотя Серый для нее и без того в лепешку бы расшибся.

— Так уж и расшибся? — нахмурилась я. Очередное подтверждение слов Георгия заставило меня поежиться.

— Не моя это тайна, не мне и рассказывать. Когда Серый придет, сама у него спросишь.

— А он что, сюда запросто ввалиться может? — опешила я.

Наслушавшись, какие ограничения могла бы наложить на вампира Георгия, я уверилась было в полней безопасности своего убежища. Разочаровываться крайне не хотелось.

— Постучит в ворота, ты и пустишь, — как ни в чем не бывало заявил кот.

— Это мы еще посмотрим, — фыркнула я.

— Секлетинья, не дури, — с подозрением вытаращился на меня Васька. — Кроме меня, разве только Серому ты и можешь довериться. Он…

— Сама разберусь, кому довериться, — перебила я и поднялась.

Невнятные подозрения, вертевшиеся где-то на краю сознания, наконец оформились в нечто связное. Какие бы цели ни преследовал Георгий, но в одном он точно сказал правду, и Васька подтверждал это раз за разом. Моя бабка по каким-то причинам благоволила оборотням и давила вампиров. Не важно, делала она это в угоду своим мохнатым дружкам или из личных побуждений. Но кот мог повторять только ее слова и отношение. А книгу, выданную Костей, я читала хоть и не полностью, но внимательно. И там черным по белому было написано: Ключ обязан быть беспристрастным.

— Секлетинья! — Кот уже стоял в дверях, сердито выгнув спину. — Дурь из головы выкини!

— Знаешь что, Васенька, — ласково сказала я, — иди-ка ты за дверь. Погуляй между склепиками, мышек поищи.

Кот зашипел, похоже догадавшись, что у меня на уме, но сказать ничего не успел.

— Молча. Сейчас, — тем же нежным тоном добавила я. — И не возвращайся, пока Костю за тобой не пошлю!

С почти физическим наслаждением понаблюдав, как шипящий и едва не плюющийся от злости с-кот выметается за дверь, я сделала ему ручкой и вернулась в облюбованное кресло.

Нет уж, бабуля. При жизни ты меня учить не пожелала, так и после смерти не фиг командовать. Тем более через кота!

В конце концов я решила, что разберусь без чужого влияния. Вывела же на чистую воду черных риелторов. И комнату свою отбить сумела. Жизненный опыт уже наработала. А тут у меня вообще царские условия: без разрешения никто не войдет, прямой приказ исполнят. Главное, левую руку с правой не путать, и все будет в порядке.

Придя к такому выводу, я поднялась и, прихватив карточки из холла, направилась в столовую. Желудок недвусмысленно напоминал, что уже время обеда.

Я не ошиблась, на столе дожидалось пышущее паром блюдо, а рядом стоял Костя с перекинутым через лучевую кость белоснежным полотенцем. Правда, содержимое тарелки не обрадовало: утренняя овсянка во всей красе. Я поморщилась, но ничего другого все равно не было, и пришлось браться за ложку.

Неохотно отправляя кашу в рот, я одну за другой перебирала карточки. Некоторые из них радовали свежим видом и ровными краями. Другие выделялись выцветшими чернилами, словно пролежали на серебряном подносе не один десяток лет. Кстати, карточка с заглавием «Община вампиров просит…» была как раз из таких.

«Разберемся… — пробормотала я, решительно отодвинув почти пустую тарелку. — А потом и продуктами надо будет озаботиться».

— Костя, ты ведь не только овсянку готовить умеешь?

Скелет закивал так энергично, что чуть не уронил челюсть, и поспешно приладил ее на место.

Я хмыкнула и поднялась. Каша — блюдо сытное, и тяги к подвигам я в себе не ощущала. Откровенно говоря, единственное желание, которое у меня было, это вздремнуть часок-другой. Несколько минут мысленно поспорив с собственной совестью, я решила, что в сонном состоянии все равно не сделаю ничего путного и отправилась в спальню.

Отключилась я, похоже, даже раньше, чем донесла голову до подушки, сразу погрузившись в какие-то нежно-кремовые облака. Казалось, я парю в пространстве, как какое-нибудь перышко, и это было невероятно приятно. А потом я вдруг почувствовала, как меня кто-то подхватил. Но, как ни странно, это не испугало. Ощущение было привычным, словно меня каждый день только и делают, что носят на руках.

Я расслабилась окончательно, положив голову на чье-то плечо. Послышался тихий смех, и чей-то голос пощекотал шею:

— Я скучал по тебе…

Нежные губы мягко коснулись ключицы.

— Тебя так долго не было…

Дорожка из быстрых, легких поцелуев протянулась по шее и добралась до уголка рта.

— Я уже думал, ты больше никогда не придешь…

И он завладел моими губами. Да еще как… Едва ощутимые поцелуи превратились в жаркие и жадные. А где-то в глубине моей души разгорался такой же пожар. Будто и я давно ждала именно этот голос, эти руки и губы. Они были знакомыми и таким желанными, что в голове не осталось никаких мыслей, кроме той, что я не хочу, чтобы этот поцелуй заканчивался.

Но оказалось, что даже во сне необходимо дышать…

С трудом оторвавшись от его губ, я отвела ладонью невидимую в тумане мягкую прядь волос, щекотавшую щеку, и коснулась теплой кожи.

— Кто ты? — выдохнула я, найдя его губы.

— Не помню… — То ли выдох, то ли ответ поцеловал подушечки пальцев, и я, вдруг лишившись опоры, полетела куда-то вниз сквозь кремовые облака.

От неожиданности я взвизгнула и… проснулась. Вокруг царила тишина. И, разумеется, никаких неведомых любовников не наблюдалось.

— М-де… — проворчала я, ошалело оглянувшись. Губы все еще горели от несуществующих поцелуев, а пресловутые бабочки в животе разве что фигуры высшего пилотажа не демонстрировали. — Только эротических снов мне и не хватало для полного счастья. Поздравляю, Секлетинья, превращение в старую деву идет полным ходом!

Я сплюнула и, собрав все карточки в колоду наподобие игральных карт, пошла в подвал. Костя увязался следом, но я не возражала. Все же, несмотря на всю мою браваду, мне было слегка не по себе, и присутствие пусть и бывшего, но хотя бы знакомого человека успокаивало.

В подвале пахло ожиданием. Я вряд ли способна объяснить, почему воспринимала это именно так, но с определением не затруднилась ни на секунду.

— Ты, — опасаясь передумать, я поспешно ткнула пальцем в первое попавшееся привидение, — выходи.

Призрак на какое-то время будто растворился в зеленой дымке сферы и вновь оформился уже за ее пределами.

— Назови свою расу, — велела я, пожалев, что не удосужилась перечитать инструкции в книге. Помнила только, что отражение души не может ничего сделать без моего приказа, так же как и не выполнить его.

Впрочем, в данном случае спрашивала я только для проформы. Упокоить кого-нибудь окончательно я была не готова. Следовательно, оставались только два варианта: местная община или опять Серые тропы. И представший передо мной индивидуум для общины явно не годился: от него буквально волнами разило ненавистью и злобой. Да и внешне он походил на старого каторжника.

— Гном, глупая человечка, — выплюнул призрак.

— Серые тропы, — отозвалась я и, глядя, как мутный туман, только что хотя бы отдаленно напоминавшей человека, смерчем затягивает в зеленый бассейн со Струнами, тихо добавила: — Глупый гном.

Убедившись, что призрак гнома исчез без следа, я перевела дух. Если раньше у меня и были какие-то сомнения в своей способности решать чужие судьбы, то теперь они развеялись, как призрачный гном только что. Книга обещала отталкивающую внешность для «нехороших» душ. Но кроме внешности я, оказывается, еще и чую отношение, настроение гостей с Серых троп. Как можно ошибиться в таких условиях, я не понимала. Ну и, в конце концов, я ведь не казню без суда и следствия. Хватит с меня бабки. Даже если вдруг угораздит каким-то непостижимым образом вернуть на Серые тропы кого-то хорошего, это отсрочка, а не окончательный вердикт.

Я уже протянула руку, чтобы в лучших традициях районных поликлиник рявкнуть: «Следующий!», и остановилась, не донеся ладонь до сферы каких-то несколько сантиметров. Отправить призрака обратно на Серые тропы труда не составило, а как быть с теми, кому дорога в общину? В книге говорилось только о принятии решения, которое следовало озвучить. Что произойдет после этого, оставалось за кадром.

Выругавшись, я отошла от пузыря и присела на парапет бассейна. Опять загадка! И почему было не написать понятную, четкую инструкцию. Как, например, к микроволновке: «Режим „один“ — разогрев, режим „два“ — гриль. Сушить в агрегате носки, волосы и кошек категорически запрещается». И никаких проблем!

Уже знакомый удар гонга вырвал меня из размышлений. От неожиданности я подскочила, едва не свалившись в бассейн.

— Здесь что, всегда такой проходной двор?! — возмущенно спросила я у Кости.

Тот только руками развел.

— Может, ну их на фиг? Постоит и уйдет?

Костя замотал головой.

— Думаешь, не уйдет?

Разумеется, мой костлявый друг не замедлил кивнуть. «И ты, Брут, — проворчала я, поднимаясь. — Мафия и круговая порука. Все вы тут заодно!»

Отсутствие в холле Васьки с очередным оскорблением наготове несколько примирило меня с действительностью.

Надо привыкать. Я теперь не младший сотрудник заштатного архива и главный «куда пошлют», а госпожа Потусторонья. Судя по тому, как разливался соловьем Георгий, нечто среднее между королевой и божеством. Хочешь не хочешь, а придется и привыкать, и соответствовать. Я представила себя сидящей в тронном зале из черного мрамора и величественно кивающей многочисленным посетителям. Краем глаза я поймала свое отражение в начищенных доспехах и скривилась: потертые джинсы, тесная футболка и лохматая голова. Трон из величественного видения тут же превратился в унитаз.

Подивившись на выверты собственного подсознания, я заскочила в уголок задумчивости и, не обращая внимания на нетерпеливо застывшего у входной двери Костю, развернулась на сто восемьдесят градусов. Решила соответствовать — привыкай прямо сейчас.

Полчаса спустя я уже вполне годилась если не для трона, то для какого-нибудь королевского кресла рангом поменьше, по крайней мере. Волосы удалось собрать в высокую прическу, спасибо моему всесилию. Бабкино платье в пол выглядело куда солиднее штанов из синей джинсы и, кстати, скрыло кроссовки. На тупоносые, даже на вид безумно неудобные туфли моего желания «соответствовать» пока не хватило.

Покрутившись перед зеркалом, я удовлетворенно кивнула и, величественно задрав подбородок, отправилась встречать очередного гостя. К сожалению, степень величественности пришлось уменьшить. По-королевски глядя поверх голов, я прозевала первую ступеньку и, если бы не Костя, пересчитала бы все остальные собственным носом. Изображать «ее величество на прогулке» сразу расхотелось.

Посмеявшись над собственными потугами, я уже совершенно нормально спустилась в холл и распахнула дверь. На пороге, сверкая зелеными глазищами, с самым гордым видом сидел Васька.

— Что? Мириться пришел? — хмыкнула я. — Это правильно. Не хами больше и… А что это ты там принес?

Я присмотрелась к странному бледно-розовому шнурочку, свисавшему из пасти кота. Покойника какого-то ограбил, что ли, чтобы мне подарок принести?

— Фу. Ну-ка выплюнь каку! — возмутилась я.

Ей-богу, его глаза сверкнули самым настоящим торжеством, когда он прямо мне на подол выплюнул серый обслюнявленный комок.

Крыса!!! — взвизгнула я, пытаясь стряхнуть отвратительный подарочек.

Как бы не так! Этот котоизверг приволок не просто крысу. Он приволок жи-ву-ю крысу. Живую! Мать его кошку! И эта тварь уже проворно взбиралась по моей юбке!

— Забери! Убери! — завизжала я, тряся юбками, как отвязные танцовщицы канкана. — Мама!!!

Крыса отлетела в угол и, ошалело замотав головой, рванула обратно к дивану.

— Помогите! — Из горла вырвался визг, граничащий с ультразвуком.

Озираясь в поисках спасения, я увидела Ваську, который так и остался на пороге. Мало того, он вальяжно прогуливался взад-вперед, не пересекая, впрочем, невидимую границу дома.

— Поймай эту гадость! Убери! — заорала я.

— Обр-р-ратно, значит, зовешь, хозяюшка? — степенно уточнил он.

— Да, да! Чертова скотина! Зову! Поймай эту тварь немедленно! — взвыла я.

Васька одним молниеносным прыжком пересек половину холла, и секунду спустя серая захватчица уже была прижата к полу мощной рыжей лапой. Кот посмотрел на меня. В хитрых глазищах отражались все его планы. Еще мгновение, и он притащит добычу на диван, на спинке которого ощипанной курицей сидела я.

— На улицу ее! — подскочила я, едва не сверзившись со своего шаткого насеста. — Там выпусти, и чтоб я ее больше не видела!

Едва не ухмыляясь, хотя, как у него это получалось с жирной крысой в пасти, я не понимала, Васька важно прошествовал к выходу. Только когда рыжий хвост скрылся, я наконец позволила себе перевести дух. Диван скрежетнул ножками по полу и таки перевернулся.

— Васька! — придушенно рыкнула я, пытаясь выбраться из-под вельветового монстра.

Кое-как с помощью Кости мне удалось освободиться. И только для того, чтобы, едва подняв голову, наткнуться взглядом на ухмыляющуюся рыжую морду. Не знали, что коты умеют ухмыляться? Я тоже. До сего момента. Котяра как ни в чем не бывало сидел на мраморной стойке, как египетская статуя, страдающая ожирением.

— Ну что? Мир, хозяюшка? — промурлыкал он.

Руки зачесались вернуть наглую зверюгу на лоно природы, к простым кошачьим радостям. Да еще и ускорение придать пинком под зад. «И никогда не знать, где встретишь очередной подарочек с лысым хвостом… — оборвала я свои кровожадные мысли. — Нет. Кот, даже такой охамевший, все же поприятнее грызунов».

— Договор, — сказала я наконец, хмуро посмотрев на Ваську.

— Какой? — заинтересовался рыжий.

— Простой. Я тебя на улицу не выгоняю и чертями не пугаю.

— А я?

— А ты не грубишь, нужную информацию не скрываешь и свое мнение мне не навязываешь. Бабка мне это бюро ритуальных услуг передала, я им и командовать буду.

— Бюро ритуальных услуг, — ухмыльнулся Васька. — Мавра тоже так Врата называла. Как достанут ее, так и… Как-то раз даже табличку с названием на ворота прибить велела. Правда, потом на калитку ее перевесила. Сказала — несолидно.

— Это ты мне позже покажешь, — не позволила сбить себя с толку я. — Так что? Договор?

— Договор, — кивнул кот. — А то ты меня в сердцах еще зашибешь ненароком. Как Мавру.

— И никаких грызунов в обозримом пространстве! — спохватилась я.

— А это уже дополнительное соглашение, — хмыкнул Васька. — Но я согласен в обмен на пакетик «вискаса» каждый день.

— Договорились, — махнула рукой я.

— Я хотел сказать: три раза в день!

— Нет уж, — усмехнулась я. — Одного хватит. «Вискас» на обед, а на завтрак и ужин будешь довольствоваться овсянкой. И так уже в дверь с трудом проходишь. Ожирение, знаешь ли, никого до добра не доводило.

— Неправда! — оскорбился котяра. — Я просто мужчина в теле! И еще у меня кость широкая! — Непостижимым образом он переместился со стойки мне под ноги и потерся лобастой башкой об колени, едва не усадив обратно на диван. — Давай все-таки два пакетика, а?

— Это посмотрим на твое поведение, — ухмыльнулась я, почесав котяру за ухом.

В ответ он взглянул на меня с таким умильным выражением нахальной морды, что я с трудом подавила желание немедленно мчаться в подвал добывать пакетик корма милой животинке.

Шерсть у Васьки оказалась густой, мягкой и невероятно приятной на ощупь. Даже не знаю, кто из нас кайфовал от этих почесываний больше, я или кот. Ну вот. Оказывается, надо было всего лишь пакетик корма посулить, чтобы в доме воцарился мир и покой.

И в этот момент громыхнул гонг.

— Гость! — в один голос взвыли мы с Васькой и наперегонки побежали к воротам.

ГЛАВА 7

Себя показать, на других посмотреть

— Опять! — возмутилась я, рассмотрев торчащие из ворот ручищи. — Понравилось паразитам. А вот фиг вам! Дважды на одни и те же грабли не наступаю!

— Секлетинья, это, по-моему… — начал было Васька, но я уже схватила незваного гостя за правую руку и потянула на себя.

На этот раз с рукой, если эту лопату можно было так назвать, я не ошиблась. Передо мной предстал полупрозрачный призрак. И рожа оказалась знакомой.

Ну, здрасьте, дядя Волк. А Красной Шапочки нету. Я за нее!

Я отступила на шаг и, поправив сбившиеся волосы, степенно произнесла:

— Разрешаю душе жить!

Призрачный посетитель сморгнул. Могучая грудь поднялась, будто призраку действительно могло понадобиться вздохнуть. И тут он наконец посмотрел на меня. Я давно не видела так быстро сменяющихся эмоций. Брови господина Вольфа взлетели на лоб. Он ошарашенно опустил взгляд вниз, на собственные ноги, и снова перевел на меня. Вот только теперь в глазах полыхала нешуточная ярость.

— Дура набитая! — выплюнул он мне в лицо и, развернувшись, бросился на ворота.

Но не тут-то было. Призрак отскочил от кованой решетки, будто был не сгустком тумана, а резиновым мячиком.

Я покосилась на Ваську, пытаясь понять, нормальное ли это поведение для тех, кого во плоти за ворота не пустили. Кот сидел, накрыв морду лапой.

— Пусти! — прохрипел призрак, во второй раз отлетев от кованой решетки.

Судя по всему, даже несмотря на бестелесность приложился он неслабо: бровь рассечена, а по скуле стекало что-то серебристое. Если бы у привидений могла быть кровь, то я бы решила, что это именно она.

Выпусти его, — прошипел Васька, чувствительно треснув меня лапой по бедру.

— Уходи, — пожала плечами я.

Вольф снова метнулся к воротам, но в этот раз более удачно, сразу растворившись в туманной дымке.

— М-да… — протянул Васька. — Ну ты и ду…

— Да, да? — перебила я, указав глазами на ближайший склеп.

— …душевный человек, — спохватился кот. — Это ж надо так гостя приветить…

— И что не так? — Я развернулась и пошла по дорожке к дому. — Рука — правая, как положено. И, кстати, ты прав, так гораздо безопаснее…

— Но это же был Серый! — воскликнул Васька, будто это все объясняло.

— Во-первых, а мне откуда знать, кто там за воротами торчит? А во-вторых…

— Тебя в детстве не научили спрашивать: «Кто там?», прежде чем дверь открывать?!

— Ты не поверишь, — я начала понемногу злиться, — но нет, не научили! Там, где я, спасибо любящей бабушке, выросла, двери открывали другие люди! Да и гости появлялись нечасто. Твоя разлюбезная Мавра, например, за двенадцать лет к любимой внучке всего-то раза три и заходила. И потом! Этот ваш «это же Серый!», а я пока ничего хорошего от него не видела. Разговаривает он со мной, как с докучливой приставалой, сюда привез, но объяснить ничего не удосужился! Что мешало в их конторе меня хотя бы немного ввести в курс дела?! Да и тут, не успел появиться, сразу обругал!

— Но… э-э… — начал было Васька, пожалуй впервые за все время не зная толком, что сказать.

— Никаких «но», — отрезала я. — Мне нет дела до того, кого любила или не любила моя бабка! Я свое мнение буду составлять самостоятельно! А если бабуля хотела, — я расплылась в насквозь

фальшивой улыбке, — чтобы внучка продолжала политику партии… Тогда стоило уделять внучке больше времени. Хотя бы ради того, чтобы рассказать о существовании этой самой партии!

— Сень, — жалобно протянул кот, — не злись… Не могла она тебя тут держать.

— Тебя «тут держать» ей ничего не помешало, — огрызнулась я. — Чем же я не угодила?!

— Не знаю. — Котяра с покаянным видом прижал уши к голове. — При мне о причинах никто не говорил. Слышал только, как Мавра Серому сказала, мол, жаль, что тебя обучить времени недостало.

— Времени недостало?! — окончательно обозлилась я. — За двадцать с лишком лет пары часов не нашлось? Класс! Все, коть. Разговор окончен. Слышать о ней больше ничего не хочу! И о волке вашем. Достали! Зверушки — хорошие, вампирюги — плохие… Кровосос хоть вел себя прилично!

— Только ты вампирюгу больше во плоти сюда не пускай… Пожалуйста.

— Не пущу. — Я глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. — Мутный он какой-то. Хоть и говорил вроде все верно, а мутный… Красивый, правда…

Губы сами собой расползлись в мечтательную улыбку. Васька молча толкнул меня башкой под колено. Я сообразила, что вздумала застыть посреди холла. Мотнула головой, раздумывая, куда, собственно, направлялась.

Часы показывали без малого семь. Тут же забурчал желудок, напоминая, что неплохо было бы перекусить.

— Вась, а у нас кроме овсянки что-нибудь съедобное есть?

— Почему «кроме»? У нас и овсянки нет — ты подъела. И не поделилась, между прочим! — хмыкнул котяра.

— Отлично. Тогда пошли в подвал. Будешь меня учить продуктовые запасы пополнять, — подмигнула я. — И чтобы тебе не пришло в голову как-нибудь пошутить… например, искупать меня в этом бассейне… начнем мы с твоего «вискаса». Ну что, готов потрудиться?

— Еще бы, — муркнул кот и поскакал к лестнице впереди меня.

«Вот теперь я ощущаю себя если не королевой, то где-то близко к тому», — подумала я, довольно откинувшись на спинку стула и плебейски поглаживая набитый живот.

Впрочем, Васька от меня не отставал. Увидев драгоценный пакетик, он мгновенно растерял всю свою вальяжность и с трудом дождался, пока я вскрою упаковку. Неприятного вида коричневая субстанция исчезла в мгновение ока. Зато рыжая морда выражала полное блаженство. Хотя и от рыбы Василий не отказался и сидел сейчас на полу с таким же осоловевшим от сытости видом, как я.

— Теперь бы на диванчик и подремать под сериал какой-нибудь, — мечтательно проговорила я.

— Да, на диванчик — это можно, — согласился Васька. — Хотя я предпочитаю кровать у тебя в комнате. И мягче, и под одеяло, если что, забраться можно. А серсирал — это что?

— Сериал, темнота, — ухмыльнулась я. — По телику показывают.

— Не знаю такого.

— Ну, это такая выдуманная история о ком-нибудь. Там актеры изображают всяких персонажей, — попыталась объяснить я. — Только ее смотришь постепенно, кусочками.

— Тю… Зачем смотреть чье-то вранье, если можно на настоящих людей полюбоваться, — разочарованно махнул лапой кот. — Только люди неинтересные. Чего на них смотреть? Мавра иногда поглядывала, а я так и не понял зачем.

— В каком смысле «поглядывала»? — опешила я, представив себе бабку-вуайеристку, скорчившуюся у замочной скважины.

— Ну, в подвале. В бассейн смотришь и желаешь увидеть кого-нибудь. Правда, вода покажет только тех, кого ты и так уже знаешь. Незнакомцев не видно и не слышно. Ну и не слишком измениться они должны с тех пор, как их видела, а то не сможешь вообразить точно, кого тебе надо.

— Интересно…

— Да что там интересного? — удивился Васька. — Увидеть можно только то, что в эту самую секунду происходит. Ни прошлое, ни будущее вода не откроет.

— Вот умный ты, Васька, а порой элементарных вещей не понимаешь, — вздохнула я. — Пошли!

Мы спустились в подвал. Недоумевающий кот примостился на одном из уровней парапета, я же села на свое ставшее уже привычным место у самых Струн.

Через несколько минут зеленая гладь стала медленно менять цвет, проступила глубина, быстро наполняющаяся какими-то тенями и угловатыми пятнами. Пришлось подождать, пока стало понятно хоть что-то. Но мое терпение было вознаграждено.

Георгий сидел, откинувшись и скрестив холеные руки на груди, с мечтательной улыбкой на губах. Правда, понять, где это он так удобно устроился, не представлялось возможным: интерьер состоял из серых бесформенных теней. И не только интерьер: одно из пятен медленно двигалось перед вампиром взад-вперед. Вдруг подвал наполнился чарующим голосом Георгия:

— Ты не прав…

Я подскочила, озираясь, и едва не потеряла концентрацию. Изображение пошло рябью, а звук и вовсе пропал. Спохватившись, я снова сосредоточилась на мужчине.

— Она прекрасна… Такая незамутненная чистота…

Георгий приложил к губам квадратный пластиковый пакет и, прикрыв глаза, потянул что-то через трубочку. «Странная упаковка для сока», — подумала я, тут же забыв об этом: вампир снова заговорил.

— Случайность. Всего лишь случайность, я уверен. Ты же сам видел: зверушки остались ни с чем.

Очередная пауза на месте ответа его собеседника позволила мне спокойно любоваться совершенным овалом лица, волной безукоризненно гладких волос, алыми пухлыми губами. «Просто эстетический восторг, а не мужчина», — скользнула в мозгу ленивая мысль. Я протянула руку, почти касаясь водной глади…

— Не вздумай его сюда притащить! — предостерегающе воскликнул Васька.

— Это мне решать, — буркнула я, недовольная вмешательством в свои розовые грезы. — Но если и «притащу», то точно не сейчас.

— А жаль, — проворчал кот, — вода живых не создаст. Достала бы из водицы хладный труп своего любимого кровососа… сколько бы проблем сразу решилось.

— Мечтай, — хмыкнула я, но зарубочку в памяти сделала: никаких гостей из бассейна.

— Забудь о ней. Она слишком высокого мнения о себе. — Голос Георгия оставался таким же притягательным, но и раздражение прозвучало более чем заметно. — Поверь мне, джекпот — это дочь. Секлетинья… Сладкая моя девочка…

Вампир снова приложился к упаковке с соком, и я наконец рассмотрела, что он пьет. «Цельная кровь. II+».

— Фу! — передернулась я, моментально теряя желание любоваться модельной внешностью мужчины.

Картинку тут же затянуло зеленой мутью.

— Как тебе ужин красавчика? — ехидно уточнил Васька.

— Так он и не скрывал, какую диету предпочитает, — огрызнулась я. В горле все еще стоял ком тошноты. — Не из «лебединой шейки» же дегустировал.

— Ну да, ну да…

— Да! Посмотрим, чем твои любимые зверушки питаются, — буркнула я, снова уставившись на зеленоватую муть перед собой.

На этот раз подождать пришлось подольше, но и картинка появилась не в пример лучше. Наверное, потому, что в этой комнате, в отличие от предыдущей, я уже бывала. Да и действующих лиц видела.

— Кровососы как с цени сорвались, — ворчал рыжий Лис, склонившись над сидевшим в глубоком кресле Вольфом.

— Ничего нового. Они там теперь постоянно околачиваются, — пробасил здоровяк Бер.

Рука у него висела на перевязи. Я вспомнила драку, сопровождавшую мое вступление в наследство. Теперь-то понятно, что за красавица-девица так отделала громилу.

— Лис прав, — буркнул Вольф, отталкивая рыжего.

— Я еще не закончил! — возмутился тот. — Шрам будет!

Ну и черт с ним, — отмахнулся Волк. — Одним больше, одним меньше, какая разница. Меня больше беспокоят кровососы. Они чувствуют себя у Врат как дома.

— Пятьдесят лет носа не высовывали, и тут такая метаморфоза, — поддакнул Лис, стягивая с рук окровавленные перчатки.

Я рассмотрела длинный шов, рассекавший бровь Вольфа и уходивший куда-то под густые волосы.

— Это он об ворота так? — присвистнула я.

— Вряд ли, — не замедлил ответить на риторический вопрос Васька. — Об ворота больно, я знаю — пробовал. Но такого не бывает. Серый скорее от кого-то огреб, пока в беспамятстве под нашей дверью валялся.

— С чего бы ему валяться? — огрызнулась я, пытаясь расслышать, что там втирает боссу Лис.

— Ты же душу за ворота забрала, не тело, — фыркнул кот. — А тело без души неходячее. Разве что умертвия какие.

— Тут и умертвия водятся?! — моментально забыла про оборотней я.

— А ты Костю не заметила? — елейно пропел котяра.

— Тьфу ты! — с облегчением выдохнула я и снова перевела взгляд на бассейн. Но увидела только зеленую гладь. — Ну вот… Сбил мне все настройки.

— А нечего подглядывать, — ухмыльнулся Васька.

— Ладно, ладно, — рассмеялась я. — Тоже мне блюститель нравственности нашелся. Ну хорошо, раз сериалы смотреть ты не хочешь, тогда давай поработаем. Что мне с этими карточками делать надо?

Я постучала ногтем по стопке забытых на парапете карточек с просьбами общин.

— Конкретно с этой, — поморщился Васька, — написать поперек «нет» и отправить в ящик «исполнено».

Я удивленно развернула к себе карточку: с чего это кот-зануда советует так схалтурить? «Община вампиров просит…»

— Ну разумеется, — рассмеялась я. — А если бы вместо «вампиров» там стояло «оборотней», ты бы велел написать «да»? Как вообще кого-то отправляют в общины? Просто выставить за ворота и сами разберутся?

— Да чтоб тебя после Серых троп вот так за ворота выставили! — ругнулся Васька. — Ты голову-то включай хоть иногда.

— Ну а как тогда?

— Да я откуда знаю?! Я кот!

— Ну хоть в общих чертах! — взмолилась я. — Вампиры жителей просят. Обещаются сами за соблюдением норм и приличий проследить, если у меня сомнения в благонадежности кандидата возникнут. Атланты — силы хотят, Струна им слишком слабая досталась. И эти вот… Я даже прочитать не могу, что это такое… Дегерваны тоже силы просят!

— Вампиры сами себе жителей наделать могут! — возмутился Васька. — Цап за шею, и готов житель. Если им еще и с Серых троп народ отправлять — тут скоро вообще одни вампиры и останутся. Атланты обойдутся. Про них еще Яга Мавре говорила. Им только силы дай — распоясаются и скрываться, как положено, не станут. Сказки про Атлантиду слышала? Так вот, не сказки это. Я сам, понятное дело, не видел, но Яга врать не станет.

— М-де… — протянула я, покосившись на тоненькую ниточку.

Откуда я знала, что именно это — Струна атлантов, не представляю. Но я это знала. Даже Струну непонятных дегерванов нашла. Наверное, очередной прикол Врат сработал. Жаль, что все эти Струны ничего не могли мне рассказать о тех, кого питали. Пока ясно было только одно: менять хоть что-то из порядка, заведенного предшественницами, не стоило. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока сама не разберусь, что к чему. Еще бы понять, как это сделать.

— А что за дегерваны, я понятия не имею, — помолчав, добавил Васька. — Это тебе надо в библиотеке искать.

— Библиотека! — подскочила я. — Василий, ты гений!

— Тоже мне новость, — снисходительно отозвался кот. — К сожалению, о тебе такого не скажешь.

— С-кот ты все-таки, — усмехнулась я.

— А разве нет? Гений уже давно бы во мне коллегу рассмотрел.

— С-кот и нахал.

— И гений, — фыркнул Васька. — Сама же признала.

— Эта твоя ипостась проявляется очень редко, — парировала я.

Перекидываясь колкостями, мы дошли до библиотеки, но стоило мне положить руку на ручку, как снова ударил гонг.

— Проходной двор! Опять гости?!

— Не. Это не гости, — мотнул лобастой башкой Васька. — Послание тебе кто-то отправил. Костя разберется.

— Ну хоть с чем-то может разобраться кто-то, кроме меня, — проворчала я, открывая дверь.

Пришлось до ночи копаться в пыльных тяжелых томах. И то без помощи Кости я бы так ничего и не нашла. Что только не попадалось мне в руки. От сборника алхимических опытов до любовных романов семнадцатого века. Никакой системы здесь не было и в помине. Судя по всему, Ключи собирали книги по своим личным интересам и вкусам. И далеко не все из моих предшественниц были утонченными интеллектуалками. Да что там. Кое-кто и читать, похоже, не очень умел. Иначе откуда тут взяться целой полке, забитой книжицами с лубочными картинками?

Так или иначе, но краткое описание «Тварей, за Серыми тропами прозябающих» скелет в конце концов мне нашел. Книга, а точнее, не книга, а стопка едва не рассыпающихся в руках листов из какого-то растительного материала порадовала только наличием схематических картинок. Продираться сквозь изобилующий кошмарными оборотами и конструкциями текст доставляло почти физические страдания. И это несмотря на то что корявые значки, которыми она была написана, превращались в нормальные буквы русского алфавита, стоило лишь сосредоточиться.

Когда часы у меня на руке показали половину первого ночи, я успела разобраться только, кто такие дегерваны, и прочитать о попытке атлантов стать на новой родине богами.

Зубодробильным именем называли себя африканские пигмеи. Точнее, те, от кого эти самые пигмеи и пошли. Как оказалось, не только атланты не гнушались порабощать местных. Разница была лишь в масштабах. Дегерваны удовольствовались славой африканских духов и развлекались с окрестными дамами так усердно, что наплодили целые племена себе подобных. А атланты не мелочились и объявили себя богами всего сущего, засев на горе в тогдашней Греции. Согнало их оттуда только появление Ключника. Он же утопил и остров с большей частью этих существ.

Поежившись, я решила ни в коем случае не трогать тоненькую ниточку силы древней иномирной расы. Без второго пришествия олимпийских богов земля точно обойдется. Прямо в библиотеке я написала на карточке твердое «нет», а потом разинув рот наблюдала, как картонный прямоугольник тает у меня в руках.

— Вот… Одну общину ты уже уважила, — удовлетворенно констатировал Васька. — Теперь можно и поспать.

Я с сомнением покосилась на оставшиеся на столе карточки, подумала о той, что должна была появиться на подносе после удара гонга, но в конце концов все же согласилась с котом.

Ночью мне снились Гималаи. На каждом пике сидел здоровенный кривоногий атлант и махал в мою сторону примитивным копьем с каменным наконечником…

ГЛАВА 8

Ну и кто тут страшный зверь?

Отоспавшись и позавтракав тоненькими блинчиками с красной рыбой и потрясающе ароматным кофе, я вспомнила о своих обязанностях и преисполнилась трудового рвения. Семгу надо было отрабатывать, а то явится Ключник, кто бы он ни был, и лафа закончится, не успев начаться.

Не то чтобы я так уж боялась неведомого Ключника, но и рисковать внезапно свалившейся на голову «красивой жизнью», недооценив какую-нибудь мелочь, тоже не хотелось. Вчера я успела разобраться, как отправляют призраков в общины и убедилась, что ничего сложного в этом нет. По сути, от меня требовался только вердикт. Остальное Врата делали сами. Бассейн с зеленой водой наделял бесплотного духа копией его прежнего тела и отправлял по соответствующей Струне прямо в общинный дом. Кстати, и общинные дома оказались не теремами славянской дружины, как я воображала, а точками выхода Струны в реальный мир: источник силы любой общины.

Те же оборотни построили на месте своего источника настоящий дом, впоследствии обросший домишками всякой нечисти, превратившись в межобщинный рынок. Теперь это место называлось Прошкин переулок, и обычные люди, хоть и дали ему свое название и порой пробегали по мощенной булыжником улочке, понятия не имели, что там происходит.

Вампиры же средоточие своей силы спрятали в изящном, будто летящем дворце из белого мрамора. Эстеты они все-таки, правильно Георгий говорил. Зато друиды соорудили кольцо из огромных камней по примеру своей далекой родины и уже лет триста с переменным успехом гоняют любопытных. Даже с десяток фальшивок обустроили, чтобы ненужное внимание рассеять, но тщетно.

Единственный на всю Землю атлант обитал на маленьком островке в Атлантическом океане. Кажется, места там хватило только на него и три с половиной пальмы, но зато это была вершина горы того самого острова, который утопил Ключник. Нездоровое какое-то у атлантов пристрастие к вершинам, как по мне.

В общем, общинники изгалялись кто во что горазд, и это было бы любопытно, если бы не было так грустно персонально для меня. Врата выходили в реальный мир в одной конкретной точке. А за ними я ничем не отличалась от обычного человека. В итоге, чтобы посмотреть своими глазами на тех же дегерванов и выяснить на месте, так ли им нужна сила, как они говорят, мне пришлось бы потратить месяца три времени, небольшое состояние на билеты и с мачете прорубаться сквозь джунгли.

К таким подвигам я была не готова, а потому их карточку Костя отнес обратно на серебряный поднос, где она пролежала последние лет сто и, судя по всему, пролежит еще столько же.

Зато с привидениями в подвале я решила разбираться немедленно. Впрочем, это оказалось и не так уж сложно. Одна дриада, милая зеленокожая девушка, благоухающая любовью ко всему сущему, как летний луг, отправилась в свою общину. Остальные шесть привидений не вызвали у меня ни малейшего сочувствия и строем ушли в новый поход по Серым тропам. А вот не надо хамить незнакомым людям и плеваться во все стороны ненавистью и жаждой кого-нибудь немедленно убить.

Через несколько часов в сфере медленно плавал из стороны в сторону только один призрак. Я специально оставила его напоследок, даже сквозь зеленоватую муть пузыря распознав в нем вампира. Эти тонкие аристократические черты лица, длинные пальцы пианиста, пухлые губы, фигуру греческого бога невозможно было отнести к какой-нибудь другой расе.

И я не ошиблась. Едва я позволила выплывшему из сферы привидению говорить, он чуть заметно поклонился:

— Лорд Аррей, к вашим услугам.

Над ним витали ароматы легкого любопытства и спокойствия.

— Говорите правду и ничего, кроме правды, — поспешно приказала я.

Голос вампира оказался не менее совершенным, чем все остальное. А розово-аморфное состояние, в которое загнал меня Георгий, еще не успело выветриться из моей головы. Не важно, сделал он это сознательно или это у вампиров само так получается, но повторения я не желала.

— Чего бы вы хотели сейчас больше всего?

— Увидеть ареал, в который привели меня Серые тропы, — спокойно отозвался вампир.

Я слегка расслабилась. Предыдущие товарищи, кроме девушки-дриады, озвучивали мне такие желания, что волосы дыбом вставали. Один так вообще сообщил, что хочет заполучить мое сердце. В тушеном виде и под чесночным соусом.

— Вам приходилось убивать разумных?

— Да.

— Почему?

— Потому что сорняки надо выкорчевывать, иначе погибнет весь урожай.

— Мм… И кто в вашем понимании является сорняком? — насторожилась я.

— Те, кто ставит личное благо выше справедливости. Те, кто не признает закон. Те, кто убивает ради развлечения. Те, кто…

— Спасибо, достаточно.

Призрак умолк и замер, с легким интересом рассматривая меня. Никакой опасностью от него и не пахло. Я бы скорее сказала, что интересна ему как первый представитель нового мира, не более.

— Вы хотите сейчас укусить меня? — сделала последнюю попытку я, впрочем уже все для себя решив.

— Нет, — ожидаемо ответил призрак.

— Почему? Вы не голодны?

— Голоден. — Он даже чуть заметно пожал плечами. — Но кусаться, как зверь? Так низко я еще не пал, и смею надеяться, что этого не случится и в дальнейшем.

Я взяла в руки карточку из вампирской общины и спокойно проговорила:

— Община, господин Аррей.

Привидение мутным смерчем затянуло в бассейн.

Подчиняясь то ли предчувствию, то ли любопытству, я склонилась над гладью зеленоватой воды. Минут через пять появился уже привычный туманный антураж, посреди которого мирно лежал новый обитатель общины вампиров. Постепенно в поле зрения стали появляться все новые и новые тени, а вскоре прибежал и Георгий.

— Вот видишь, а ты не верил! — воскликнул он, обращаясь к одной из бесформенных теней.

Аррей, видимо разбуженный его голосом, сел, медленно осматриваясь по сторонам.

— Так вот он какой, мой новый ареал. Мне нравится.

— Он прекрасен. — Георгий помог новичку спуститься с того облака, на котором он лежал. — Есть, конечно, некоторые нюансы, но мы будем рады ввести вас в курс дела. Чтобы не возникло недоразумений…

Я удовлетворенно кивнула и отвернулась от бассейна: все нормально. Черт его знает, почему моя бабка ополчилась против вампиров, но это ее проблемы, не мои.

Едва не насвистывая, я с довольным видом выбралась из подвала и с чистой совестью попросила Костю накрывать на стол.

Ароматный куриный суп с островками янтарного жира, плававшими на поверхности, вызвал обильное слюнотечение, и я радостно взялась за ложку. Жизнь госпожи Потусторонья нравилась мне все больше. А уж когда тарелка опустела и предо мной появилось блюдо с молодой картошечкой и чудной отбивной, я и вовсе воспарила над столовой, как угодивший в гастрономический рай голодный гурман.

Непыльная работа, восхитительная кормежка, исполнение любых желаний… Чего еще можно желать простой молодой девушке вроде меня? Ну разве что чтобы всякие коты аппетит не портили… Вознесшаяся было в нирвану душа грузно плюхнулась обратно в болото реальности: передо мной сидел Васька и с ехидной ухмылкой подсовывал лапой очередную карточку.

Чтобы окончательно потерять аппетит, мне хватило прочитать первую строчку: «Община оборотней просит…»

— Вась, а до конца обеда нельзя было подождать?! — возмутилась я. — Обязательно было напомнить мне про этих хищников прямо сейчас?

— Раньше не получилось, — с фальшивым сочувствием муркнул этот скот. — Ты дверь в подвал закрыла, а там это равносильно прямому запрету входить.

— И все равно можно было подождать, пока я доем, — проворчала я, подцепив на вилку картофелину.

— Тебя и так со вчерашнего дня ждут, — потянулся Васька. — Невежливо получается.

— Зануда, — буркнула я, отодвигая тарелку и меняя вилку на прямоугольник из светлого картона.

«Община оборотней просит назначить время для личного разговора».

— Как лаконично… А написать, что понадобилось, религия не позволяет? — фыркнула я.

— При чем тут религия? — удивился кот, сделав мощное глотательное движение. — На каждое слово, которое через общинный дом сюда отправляют, силу Струны тратить нужно. И немалую. Вот такая коротенькая писулька — и уже, случись чего, кто-то может от ран не оправиться, например. Жизненной силы не хватит. А три строчки — это уже ребенок нерожденный или старик, на полгода раньше на Тропы ушедший.

— Однако… — Я совсем по-новому посмотрела на карточку.

— Угу. Все на свете имеет свою цену. И возможность написать письмецо госпоже Потусторонья в том числе, — продолжил Васька, снова что-то судорожно проглатывая. — Иначе тебя бы этими писульками заваливали по пуду в день. А так сто раз подумают, стоит ли госпожу тревожить: она ведь и отказать может или вовсе сто лет над решением думать. А силу отдать надо здесь и сейчас.

— Логично, — подумав, согласилась я. — И к воротам каждый день не побегаешь. Это только зверушкам повезло, что у них Врата под боком. Вот и ломятся, как к себе домой.

— И кровососам твоим любимым, — подсказал кот, на минуту прекратив намывать морду. — А так общинники же к источнику не привязаны. Его беречь надо, это да. Но сидеть вокруг него всей общиной ни к чему. Те, кто научился среди людей жить незаметно, так и делают. Вон Прошкин переулок возьми. Испокон веку кто там только не селился. Разве что атлантов и совсем уж странной нечисти нет.

— Понятно, — кивнула я.

Жизнь показавшегося вначале гротескно-ненормальным потустороннего мира постепенно принимала все более и более логичные формы. И это не могло не радовать. Простив коту прерванный обед, я снова взялась за вилку и, опешив, уставилась на картошку в своей тарелке: отбивная исчезла без следа. Даже жирных разводов мясного сока и то не осталось.

— Вася… — медленно поднимая голову, протянула я.

— Да? — невинно поднял голову с-кот.

— Где моя отбивная?!

— Съел, — спокойно выдал рыжий. — Ты же беспокоилась о фигуре: каким-то фитьнисом меня назначила. Вот я и поработал на благо твоих форм. Кстати, на будущее лучше заказывай рыбку. В крайнем случае курочку. Свиное мясцо все же жирновато даже для меня… — Этот мерзавец сыто рыгнул, скромно прикрыв лапой пасть. — Прошу прощения. Едва осилил…

— Васька! — взревела я, вскакивая.

— Кстати, совсем забыл, — кот суетливо спрыгнул со стола, — мне еще территорию на предмет мышей проконтролировать надо. Мы же с тобой договорились: с тебя кормежка, с меня отсутствие грызунов…

Последние слова он крикнул уже на бегу, со всех лап рванув к двери.

— Скотина! — напутствовала я, швырнув ему вслед серебряное кольцо с салфеткой.

Разумеется, промахнулась, и кот невредимым покинул столовую.

— Отбивных больше нет, Костя?

Скелет сокрушенно помотал головой. Я плюхнулась на место и сердито ткнула вилкой в

картофелину:

— Вот же скотина рыжая… И как оборотням ответить, не объяснил…

Костя вдруг закивал и выскочил за дверь едва не быстрее кота.

— Будем надеяться, он его поймает, — проворчала я, насаживая на вилку очередную картофелину.

Но мои надежды, как обычно, остались надеждами. Вместо кота Костя притащил чернильницу-непроливайку и длинное гусиное перо.

— И? — процедила я.

Костлявые руки пододвинули карточку и чернильницу поближе, почти насильно отобрав у меня тарелку с недоеденной картошкой.

— Голодом меня заморите, трудоголики чертовы! — выругалась я, проводив тоскливым взглядом свой несостоявшийся обед. — Ну и что мне тут писать? Время, что ли?!

Костя поспешно закивал. Даже челюстью защелкал, как кастаньетами, восхищенный моей понятливостью. Сплюнув, я взглянула на часы и нехотя нарисовала несколько цифр. Добавила слово «сегодня», чтоб уж никаких разночтений не возникло, и в сердцах влепила жирную точку. Карточка тут же растаяла, едва я успела оторвать от нее перо. «Так вот как это работает», — подумала я и снова посмотрела на часы. До визита дорогих гостей, если они таки успеют явиться, оставалось больше двух часов. И я собиралась потратить это время с толком.

Мне это удалось. За пять минут до назначенного оборотням времени я медленно повернулась у огромного зеркала, оригинал которого когда-то видела в Большом театре, а час назад с огромным трудом таки вытащила из бассейна.

Темно-зеленое, почти черное платье выгодно подчеркивало фигуру, плотно облегая талию и расходясь ниже колен пышным годе. Глубокий вырез зрительно удлинял шею и давал достаточно места для большого бриллиантового колье. Не то чтобы я всю жизнь мечтала заиметь подобный баснословно дорогой китч. Мало того, тот единственный раз, когда я это произведение ювелира-гигантомана видела на выставке «Сокровища английской короны», колье вызвало у меня не восхищение, а недоумение. При всем желании я не могла понять, зачем вешать на шею ярмо, пусть и утыканное бриллиантами. Но ради того, чтобы утереть нос заносчивому волку, я готова была и не на такие жертвы.

Волосы я уложила в высокую прическу, закрепив ее очередным бриллиантовым орудием пыток, то есть диадемой. Туфли пришлось выбрать на пятнадцатисантиметровом каблуке, иначе я с моим невеликим ростом сразу становилась похожа на сложенный дамский зонтик из водевиля. Передвигалась я с трудом, зато казалась себе неотразимой.

Едва я выползла в холл, как ударил гонг: явился гость настойчивый. Пересекая холл и хватаясь по пути за все, что попадалось под руки, я дважды чуть не подвернула ногу и раз десять просто споткнулась. Пришлось признать, что до ворот я если и дойду самостоятельно, то часа через полтора, и позвать Костю.

Опершись на услужливо подставленный локоть, а точнее, вцепившись мертвой хваткой в отполированную лучевую кость, я сразу почувствовала себя увереннее: «В конце концов так даже солиднее!»

Так под ручку с анатомическим пособием я и выплыла из дома под тусклый свет вечно затянутого тучами невидимого солнца.

Васька, увидев нашу пару, зашипел и заскользил по крыше покосившегося склепа. Он попытался всадить когти в мрамор, не преуспел, но в последнюю секунду все-таки извернулся и приземлился на все четыре лапы в прелую листву.

— Это чего? — выдал он наконец.

— Госпожа Потусторонья! — вздернула нос я. — Сам же советовал соответствовать.

— Ага… ну… да…

Дальше мы пошли втроем. Молчание продлилось ровно до того момента, как я увидела торчащую из ворот ручищу оборотня. Одну. Левую.

— Ну уж нет! — возмутилась я. — Охамели, сволочи! Васька, как его выпихнуть?

— Просто толкнуть обратно, — отозвался все еще какой-то пришибленный (наверное, моей

красотой) кот.

Я замахнулась, но треснуть по наглой грабле не успела: котяра опомнился и бросился наперерез.

— Пусти его! Тебе же сообщение прислали! Нужда у него!

— У него нужда здесь обязательно со всеми своими мускулами нарисоваться? По такой нужде пусть подальше отсюда сходит!

— Да не сделает он тебе ничего! — взвыл Васька.

— Ну разумеется!

— Прикажешь: «Пока ты здесь, ни слова, ни дела без моего приказа», и он вздохнуть лишний раз не сможет! Запускай уже!

— Ну ладно. Но, если что, шкуру потом с тебя спущу, — нарочито медленно проговорила я и из чистой вредности добавила, обращаясь уже к воротам: — Кто там?

Дымка меж коваными завитушками посветлела и быстро растаяла. Забыв обо всем, включая свой величественный вид, я разинув рот уставилась на представившуюся мне картину.

Посмотреть было на что. Вольф стоял, сунув руку в решетку. Чисто визуально его ничто не держало, но, судя по тому, как он порой безуспешно дергался, ворота прихватили его лапищу намертво. А в двух метрах от плененного ржавой решеткой атлета разыгралась настоящая битва. Как можно было уже догадаться, сцепились оборотни и вампиры.

Оборотней, широкоплечих и мощных, было всего трое, не считая Волка. Уже знакомый мне Лис и двое громил ему под стать с переменным успехом отбивались от попыток вампиров пробиться к воротам. Особо шустрых противников Волк вышибал обратно за невидимую границу лично, орудуя свободной правой рукой с неотвратимостью парового молота. Впрочем, и другие оборотни не отставали. Рыжий так вообще вертелся, как юла, раздавая молниеносные удары с одинаковым успехом и руками и ногами.

Один на один никто из вампиров не имел бы даже тени шанса на победу. Вот только их к воротам явилось не в пример больше: около пятнадцати. Наверное, оборону зверюг до сих пор не смяли только потому, что, нападая все разом, вампиры тупо мешали друг другу, не имея возможности использовать свои главные преимущества: скорость и верткость.

Тут мне в зад воткнулись одновременно четыре шприца. Я взвыла, подскочив едва ли не на полметра, и только в полете сообразила, что это кот таким идиотским образом привлекает мое внимание. От пинка рыжую скотину спасло только то, что я и так с трудом удержалась на ногах, всем своим весом навалившись на жалобно заскрипевшего Костю.

— Пусти его уже! Живодерка! — рявкнул Васька.

— А, ну да. Сорри, забыла, — смутилась я и взялась за лопатообразную ладонь.

Оборотень будто только этого и ждал, легко выступая из серо-зеленой дымки, в которую вновь превратилось пространство за воротами.

— Что сначала говорить, — обернулась я к Ваське. — Разрешение жить или запрет на лишние телодвижения? И не смей мне сейчас врать, или больше этот вообще ни в каком виде здесь не появится!

— Возьми его за руку и проговори запрет, а потом уже разрешение, — хмуро отозвался кот, смерив меня нечитаемым взглядом.

Я неохотно снова взялась за лопатообразную руку. В моей ладони поместились только три пальца, но я решила, что и того довольно, и, посмотрев в застывшие серые глаза, внятно произнесла:

— Пока ты здесь, ни слова, ни дела без моего приказа.

Пальцы оборотня дрогнули, но лицу пробежала судорога, и он снова замер как истукан.

— Разрешаю душе жить, — удовлетворенно кивнула я.

Оборотень глубоко вздохнул и воткнул в меня пылающий злобой взгляд.

— Теперь разреши говорить. И про слух не забудь, — язвительно посоветовал Васька.

— Разрешаю слышать и говорить, — чувствуя себя полной дурой, послушно повторила я. — Говорить

можешь только правду.

— Не знаю, как у вас принято, Ключ, — сквозь зубы выплюнул оборотень, — а у нас вранье не приветствуется.

— Посмотрим, — вздернула нос я и, покачнувшись на высоких каблуках, развернулась к дому.

Сообразительный Костя услужливо поддержал меня под локоть, и я неуверенно поковыляла по дорожке. Идиотские туфли намяли пятки, подол постоянно норовил то зацепиться за острый каблук, то просто запутаться между ног. За пять минут, которые мне потребовались, чтобы добраться до крыльца, я успела проклясть и незваного гостя, и свое глупое желание изобразить из себя черт знает что. Но отступать было поздно.

Уже вскарабкавшись по ступеням, я сообразила, что забыла оборотня на тропинке у ворот. Заставить себя вернуться я не смогла никакими силами и просто крикнула с крыльца, чтобы тот шел в дом.

Не знаю, что подумал обо мне Волк, да и знать не хочу. И так понятно, что из цензурного там мог быть только союз «и». Кое-как сдержав стон облегчения, я плюхнулась в кресло и тут же постаралась принять как можно более величественную позу: оборотень передвигался гораздо быстрее меня.

Впрочем, то, что Волк вошел в дом лишь десятью секундами позже хозяйки, не помешало ему облить меня очередной порцией злобы пополам с презрением.

— Если бы не госпожа Мавра, — едва слышно прошипел он.

— То что? — холодно уточнила я.

Из-за высоких каблуков поставить ноги нормально не представлялось возможным: коленки по-идиотски торчали вверх, зато зад буквально провалился в вельветовые подушки. «Жаль, что не нашлись каблуки еще выше, — зло подумала я, пытаясь справиться с непокорными конечностями. — Еще десяток сантиметров, и не пришлось бы выслушивать этого наглого оборотня: уши бы коленями зажала».

— То ноги бы моей тут не было! — выдохнул оборотень, судя по всему не сумевший справиться с моим приказом говорить правду.

— Я тоже не в восторге от вашего общества, — повторила я фразу, вычитанную в каком-то романе. — Давайте не будем раздражать друг друга и побыстрее закончим этот разговор. Что вы хотите мне сказать? Говорите все сейчас и отправляйтесь обратно к своим лохматым дружкам.

— Что я хочу тебе сказать?! — Глаза Волка налились кровью. — Что ты мелкая самка шакала, дорвавшаяся до власти и возможностей. Что я желаю тебе подавиться этими брильянтами, каждый из которых стоил год чьей-то жизни. Что ты…

— Заткнись! — рявкнула я, опомнившись.

От злости мне даже удалось каким-то немыслимым образом совладать с каблуками и пышным основанием юбки и вскочить на ноги.

— Можешь беситься сколько тебе угодно! Но теперь твой личный рай закончился! Не знаю, как тебе удалось заморочить голову моей бабке… Да мне и плевать на это. В любом случае командовать, кому и что причитается, ты больше не будешь! Ключ должен быть беспристрастным. И я собираюсь стать именно такой, нравится это какому-то вонючему оборотню или нет! Хочешь еще что-нибудь сказать или ты, злобная зверюга, явился сюда только для того, чтобы вылить на меня свою звериную злобу и зависть? Ну, отвечай!

— Нет. Не только для этого, — хрипло рыкнул он.

— Что тебе еще надо?! Говори и уходи!

— Я должен передать новому Ключу вот это.

Он вынул из-за пазухи плотно перевязанный бечевой и опечатанный в нескольких местах пакет.

— Давай, — рявкнула я, буквально вырвав сверток у него из рук и бросая в соседнее кресло. — И убирайся отсюда! Сейчас же!

Магия Врат буквально развернула зверя на месте и вынесла за дверь. Если вошел он сюда быстро, то обратно и вовсе вылетел, как пушечное ядро. Сделав несколько неуверенных шагов, я добралась до выхода и привалилась к косяку.

— Костя, проверь, он ушел?

Скелет выскочил на дорожку и несколько минут спустя вернулся обратно, кивая головой, как китайский болванчик. Я с облегчением перевела дух и наконец скинула отвратительные туфли. Из-за ближайшего склепа высунулась рыжая башка с прижатыми ушами.

— А… защитничек! — уперла руки в бока я. — Иди сюда немедленно. И расскажешь мне теперь, какой хороший дядя Волк и как Красная Шапочка может ему доверять?!

ГЛАВА 9

Нехватка нижнего белья и ее последствия

Задав риторический вопрос, я развернулась на пятках и, не обращая внимания на холод, исходящий от мраморного пола, поплелась наверх.

Короткая перепалка с оборотнем вымотала меня, как двадцатикилометровый кросс. Какой глупой мне сейчас казалась собственная попытка произвести на Волка хорошее впечатление… Дура! Для тех, кто едва не родился в костюме от Армани с серебряной ложкой во рту, я всегда буду беспородной шавкой. И я могу навесить на себя хоть все бриллианты мира, они только удивятся, как это я посмела трогать красивые камни своими плебейскими руками.

Я расстегнула замочек колье и выпутала из волос диадему. Камни искрились и переливались. Но, как и раньше, не вызывали никакого восторга. Теперь дело обстояло скорее наоборот: они напоминали мне брызжущего слюной оборотня: «Чтоб ты подавилась этими камнями, беспородная самка шакала!» Я поежилась и отложила сверкающую кучу в сторону.

Из платья пришлось выбираться гораздо дольше, но кое-как я справилась и с ним. Натянув привычные джинсы, я сразу почувствовала себя несколько увереннее. Вот только ворох дорогой ткани на кровати и блики, разлетающиеся от украшений, мешали окончательно отрешиться от неприятных воспоминаний.

— Васька! — позвала я. — Не придуривайся и иди сюда. Наверняка же под дверью мнешься.

Я не ошиблась. Котяра неуверенно сунул голову в приоткрытую дверь.

— Мр-р-р?

— Что? Слов подобрать не можешь? — хмыкнула я. — Мне нужна твоя помощь как гаранта преемственности.

— Чего? — опешил кот.

— Совет, говорю, нужен.

— Ну так бы и сказала. Я просто кот. Нашла перед кем образованностью кичиться.

— Ладно, ладно, просто кот, — ухмыльнулась я.

От привычных препирательств с Васькой настроение улучшалось буквально на глазах. Я вдруг осознала, что, в отличие от оборотня, в приколах котяры никогда не было настоящей злобы или ненависти. Да, шуточки на грани фола. Но не более. А на самом деле он ни разу не сделал мне настоящую гадость, не говоря уже о прямом вредительстве.

— Тут твоя хозяйка набрала ненужной дряни, а места в платяном шкафу нет. Как думаешь, нельзя ли это все вернуть обратно в магазин?

— В какой маго-зин? — продолжал тупить Васька. — Ты же из Струнного озера это все натаскала.

— Вот туда бы и вернуть… — проворчала я. — А лучше вообще не брать.

— Так верни. В чем проблема?

— А оно потом на дне валяться не будет? — настал мой черед таращиться.

— Разумеется, нет! — Кот наконец пришел в себя и снова заговорил своим любимым снисходительно-насмешливым тоном. Как ни странно, это уже не раздражало. Наверное, на контрасте с плюющимся ядом оборотнем. — Ты, конечно, силы на десяток жизней из воды натаскала, но если так скоро вернешь — ничего плохого не случится.

— На какой десяток жизней? — насторожилась я.

— Я же тебе про письма госпоже Потусторонья только сегодня утром рассказывал! — возмутился Васька. — Опять склероз обострился?!

— Так это и в обратную сторону работает?! — ахнула я, хватаясь за голову.

— А ты как думала? Ключу, конечно, гораздо больше силы причитается, но и у нее свои границы имеются. А как их переступишь, так у общин жизнь выгребать начнешь.

— О господи… — взвыла я, поспешно сгребая бриллианты и хватая платье. — Костя! Неси туфли эти

проклятые в подвал.

Васька, получив пышной юбкой по морде, благоразумно убрался под кровать и вещал уже оттуда, пока я ползала под диваном в поисках выскочившей из рук диадемы.

— Не нервничай так. Если бы это все тут пару лет провалялось, тогда, конечно, озеро бы уже не приняло. А так… Сила с новой формой тоже не сразу сживается…

Дотянувшись наконец до непокорного украшения, я пробкой выскочила из-под дивана, крепко приложившись башкой о какую-то завитушку на подлокотнике, и побежала в коридор. Несколько минут спустя я уже трясущимися руками бросала в озеро ненужные даже мне самой вещи. Дольше всех сопротивлялось платье: пышные кружева никак не желали уходить в зеленую муть. Но в конце концов утонули и они.

Тяжело переводя дух, я огляделась и тут же наткнулась взглядом на здоровенное зеркало в золоченой раме. «О! Можешь полюбоваться на свою бестолковую физиономию, склерозная госпожа!» — выругалась я и позвала Костю. В четыре руки мы затолкали последнее свидетельство моего идиотского поведения обратно в озеро.

Мокрая, как мышь, я присела на край бассейна.

— Ну что, Костя… — протянула я, покосившись на отвратительные темные пятна под мышками. — Тащи в спальню бабкино платье. От госпожи этого треклятого Потусторонья несет, как от ломовой лошади.

Приняв ванну и переодевшись, я усадила Ваську на диван в холле и плюхнулась напротив.

— Пора нам поговорить предметно, котяра.

Сперва кот отвечал охотно и то и дело подшучивал над моим внезапно проснувшимся рвением. Через какое-то время шуточки закончились, а еще пару часов спустя он уже сопровождал каждый ответ драматическими стонами и попытками упасть в голодный обморок. Но его актерский талант меня не разжалобил. Беседа, сильно смахивающая на допрос, закончилась ближе к середине ночи. Услышав долгожданное «ну, пока все…», Васька из измученной тряпочки мгновенно превратился в наглого с-кота.

— Если после этого всего ты забудешь меня покормить, то я познакомлю тебя со всем многообразием обитающих в преддверии Врат грызунов, — предупредил он.

— И в мыслях не было, — открестилась я, хотя и правда благополучно забыла про ужин.

На этот раз салат из свежих овощей с королевскими креветками меня совсем не порадовал. Перед глазами тут же мелькнул оборотень. «Дорвавшаяся самка шакала!» Брр… Неужели придется остаток вечности питаться овсянкой?

Судя по тому, как вытаращился Васька, я в очередной раз умудрилась подумать вслух.

— Зачем?!

— А черт его знает, сколько дней чьей-то жизни стоят эти креветки, — мрачно ковырнула вилкой салат я.

— Тьфу на тебя! Вечно в крайности впадаешь, — фыркнул кот. — Это все — живое. На него гораздо меньше силы уходит, потому что оно и само возрождается. Не представляю, почему так. Мавра в еде себе никогда не отказывала или в платье. Правда, таких расфуфыренных, как ты, никогда не…

В мозгу что-то щелкнуло, и я выскочила из-за стола:

— Костя, а откуда ты бабкины платья достаешь? Показывай!

Через пару минут я прохаживалась вдоль длинного ряда вещей в гардеробной. Мысль, осенившая мою бедную голову, оказалась верной. Да, в одежде себя Мавра не ограничивала. Тут были и платья, и пальто, и юбки с кардиганами. Но все это объединял один признак: только натуральные ткани.

Хотя нет… Было еще кое-что. Все это устарело лет на восемьдесят. Наткнувшись на полки с болванками, на которых красовались разнообразные капоры и шляпки-таблетки с вуалетками и искусственными цветами, я поморщилась и закрыла шкаф.

Возвращать все это в озеро особого смысла уже не было, а заниматься разборкой просто ради разборки тем более не возникло желания. Да я и не представляла, зачем бы мне понадобилась такая огромная комната под тряпки. Вся моя одежда из прошлой, еще нормальной жизни

прекрасно умещалась в обычном двустворчатом шкафу гораздо меньше того монстра, что красовался в нынешней спальне.

Я в очередной, и что-то мне подсказывало, что далеко не в последний, раз обругала хамоватых оборотней-юристов. Сунуть мне в руки ненормальное наследство и зашвырнуть сюда у них ума хватило, а посоветовать собрать вещи или хотя бы подсказать запихнуть в карман запасные трусы не удосужились. «Шовинистические свиньи… То есть волки, лисы и кто там еще среди них водится?» — проворчала я себе под нос.

Возвращаться в столовую допивать брошенный чай не хотелось, и я занялась ставшим уже привычным вечерним ритуалом: душ, постирушки, бесформенная бабкина ночнушка. В тот момент, когда я развешивала белье на водопроводной трубе на просушку, в голове забрезжила смутная идея.

Теперь я знала, что за пределами ворот никак не отличаюсь от обычных людей. Нет у меня ни эльфийских ушей, ни нимба над головой. Даже особого запаха и то не наблюдается. То есть если меня не опознают чисто визуально, то и мимо пройдут.

Потому-то и бабка в детдом приходила: чтобы посмотреть, а потом через Струнное озеро подглядывать по мере надобности, живая я или надо другую наследницу себе искать.

То есть чисто теоретически я вполне могла бы сходить домой, собрать вещи, документы. И не пришлось бы тратить чью-то жизнь на собственные трусы. Заодно стоило уволиться из архива, чтоб меня, как злостную прогульщицу, не начали с милицией разыскивать. Есть у нас там одна не по годам энергичная старушка…

Одна проблема. Слишком много нелюдей крутилось у ворот. И если те же вампиры, напавшие на машину Вольфа, вряд ли успели хорошо рассмотреть девицу, которую постоянно загораживал Лис, то оборотни и до того на меня насмотрелись. А сам Волк так и вовсе мог давно за мной следить. Недаром же Васька проболтался, что волчара убеждал бабку в моей профнепригодности.

Итак, если я хочу без приключений сбегать домой, то мне надо, чтобы меня не смогли встретить как минимум оборотни и вампир Георгий. Хотя его-то я как раз опасалась в последнюю очередь. Но выслушивать велеречивые приветствия в его духе где-нибудь посреди улицы, ежеминутно рискуя увидеть обозленных оборотней… увольте.

В конце концов, решив, что идти куда-то среди ночи значит найти неприятности на собственную пятую точку и без помощи нелюдей, я плюнула и завалилась спать.

А во сне меня снова поджидал давешний невидимка. И мы, как тогда, жарко целовались ровно до того момента, когда я спросила, кто он такой. Тихое, обреченное «не помню» шелестело в ушах, пока я проваливалась сквозь кремовые облака, уже зная, что сейчас очнусь в своей кровати.

Наутро я свою идею так и не оставила. Ваське, понимая, что кот мои планы точно не одобрит, решила ничего не говорить и, едва покончив с завтраком, побежала в подвал.

Зеленый бассейн не подвел: Георгий, судя по теням, что-то внимательно читал, а оборотни вообще дрыхли. Только лысый Снейк завтракал. Это меня более чем устраивало. Проверив наличие в карманах ключей и мелочи, я выскочила в холл.

Котяра, видимо, отсыпался после вчерашнего допроса. Костя тоже куда-то отошел. Останавливать меня было некому. Выскользнув из дома, я рванула к воротам. Впрочем, у выхода все же пришлось притормозить. Повинуясь приказу, туман между коваными прутьями рассеялся, показывая мне кусок дороги и ближайшие кусты. На первый взгляд все было тихо.

Понаблюдав таким образом за окрестностями минут пять, я коснулась железа ладонью и, не встречая никакого сопротивления, просочилась в обычный мир. Замерла, готовая в любую секунду броситься обратно. Но вокруг царил покой. В кустах чирикали воробьи, ветер лениво шевелил листья. «Отлично!» — сказала себе я и быстро зашагала по потрескавшемуся выщербленному асфальту в сторону видневшихся за деревьями домов.

Я плохо представляла себе, как отсюда добираться домой, но не сомневалась, что хоть какой-нибудь транспорт до центра найдется, а там уж разобраться труда не составит.

Так и получилось. Минут сорок спустя я уже шла по своей улице. Яркое солнце приятно ласкало кожу теплыми лучами, а люди вокруг казались красивыми и добрыми. «Совсем одичала, — мысленно ухмыльнулась я. — Уже от нормального солнца отвыкла. Хорошо хоть от людей пока не шарахаюсь».

Одна из витрин неожиданно привлекла мое внимание. «Одежда из экологически чистых материалов», — гласила вывеска. Я резко свернула туда. Магазин не разочаровал. Я долго бродила между длинными рядами манекенов и вешалок. Этикетки буквально ласкали свежеобретенную жабу: сплошной хлопок и лен, слегка разбавленный натуральным шелком. Такие штаны не обойдутся в пять лет жизни какого-нибудь дегервана. Цены в рублях, правда, радовали гораздо меньше: за одну маечку предлагалось отдать мою месячную зарплату. Но я и не собиралась ничего покупать. По крайней мере, не за деньги и не сейчас.

Вдоволь налюбовавшись и наметив первоочередные покупки, я вышла из магазина, сопровождаемая злобными взглядами продавцов-консультантов, и, купив по пути мороженое, пошлепала домой.

А вот дома меня ждал сюрприз. Открыв дверь комнаты, я чуть не села прямо на порог: здесь все было перевернуто вверх тормашками. Какой-то вандал не только вывалил из шкафов все мои невеликие пожитки от одежды до тарелок, но и вспорол обивку дивана, не говоря уже про такую ерунду, как подушки.

В желудок упала глыба льда. В комнате прятаться некуда. А вот в коридоре полно укромных мест, откуда сейчас может выскочить… Я вскочила и поспешно задвинула толстый стальной засов, оставшийся от прежних жильцов. Прижавшись спиной к двери и судорожно пытаясь дышать хоть чуть-чуть потише, я попыталась прислушаться. Но все было спокойно.

То ли неведомый грабитель решил не нападать, то ли, что более вероятно, давно убрался восвояси, в любом случае в дверь никто не ломился. Я кое-как перевела дух и схватила лежавший поверх кучи круп коричневый рюкзак. Когда-то давно детдомовцев с такими рюкзаками отправляли в летний лагерь. Я и не подозревала, что он у меня сохранился.

Впрочем, сейчас брезентовый мешок оказался очень кстати. Я с трудом нашла немного белья, пару футболок и единственные не пострадавшие от общения с осколками банки варенья джинсы. Паспорт мне разыскать не удалось, зато попалось свидетельство о рожденииЕго я тоже затолкала в рюкзак. Серую ветровку просто натянула на себя и огляделась. Понять в этом бардаке, надо ли забрать что-то еще и все ли вещи на месте, не представлялось возможным. Да я и не пыталась.

Уходя, я оставила здесь полный порядок. В случайных грабителей верить хотелось, но не получалось. Оставался только вариант, который не нравился мне больше всего: незваными гостями я обязана своему новому потустороннему статусу.

Осторожно высунувшись из комнаты, я прислушалась, убедившись, что квартира так же пуста: соседи на работе, их дети еще в школе. Мысленно извинившись, я зашла в общую ванную и забрала из шкафчика пожилой женщины, бывавшей дома раз в полгода, уродливый кудрявый парик. Кое-как запихала под него собственные русые волосы и заглянула в зеркало. В заляпанном брызгами зубной пасты стекле отразился коричневый пудель.

Понимая, что больше ничего не сделаю и в равной степени моя примитивная маскировка может оказаться как совершенно бесполезной, так и спасительной, я вышла из дома и, с трудом удерживаясь от того, чтобы перейти на бег, зашагала к остановке.

Теперь прохожие не казались мне симпатягами, а на солнце и вовсе было плевать. Напротив, я хотела только без проблем добраться до ворот и мысленно клялась больше носа за них не высовывать по таким глупым поводам. Вспоминались вчерашние Васькины рассказы о том, что без госпожи Врата уснут, и если не найдется наследница, то общины в конце концов просто погибнут.

«Дура, какая же я дура! — материлась я, ввинчиваясь в переполненную маршрутку. — Говорил же котяра, думай, прежде чем делать! А если бы я этого вора на месте застукала?! Дал бы мне по дурной головушке, и поминай как звали! Гениальный способ профукать шанс на безбедную и долгую жизнь. На такое только я способна! А если новый Ключ — это наивная дуреха вроде меня, которая и знать ничего не знает? Или вообще ребенок?!»

Но вопреки опасениям я без проблем пересела на автобус и добралась до начала разбитой дороги, которая огибала Ореховую горку и упиралась прямо в ворота. А вот тут мне стало по-настоящему жутко. Я припустила по дороге и, к собственному ужасу, вскоре услышала за спиной буханье гораздо более тяжелых ног. Благо до ворот оставалось буквально несколько метров. Не тратя силы на то, чтобы озираться, я ломанулась к ним. Почувствовала мощный рывок назад, услышала громкий треск материи и кувырком полетела по засыпанной прелыми листьями дорожке.

Оглядевшись и увидев вокруг ставшее вдруг таким родным пустынное кладбище, я едва не разрыдалась от облегчения. Как была, на четвереньках подползла к ближайшей покосившейся оградке и погладила ржавый металл:

— Склепики мои любимые, могилочки миленькие… Никуда больше от вас не уйду. Хорошие вы мои…

— Замуровать бы тебя в самом любимом, чтобы уж точно не ушла… — Из-за угла склепа, к ограде которого я так нежно прижималась, вышел Васька.

Котяра явно злился, нервно хлеща себя хвостом по бокам. Но я и его сейчас была рада видеть.

— Васенька, котик мой! Дай я тебе поцелую!

— Сейчас. Вот рожу твою бесстыжую расцарапаю, а потом можешь целовать, сколько хочешь, — фыркнул кот, вспахивая немаленькими когтями землю передо мной. — Ты куда бегала?

— За трусиками, — проблеяла я.

— Чего?! — Кот даже хвостом перестал размахивать, до того обалдел. — Я тут чуть не облез, как понял, что тебя в доме нет. Костя, бедолага, от расстройства едва сам не упокоился! А она… она… За трусами отправилась?! Тебе чем Струнное не угодило, зараза?! Суй руку и доставай хоть подштанники царя Гороха, хоть панталоны Бабы-яги! Но нет! Зачем?! Мы лучше в маго-зин прогуляемся!

— Я силу не хотела тратить, — таки разревелась я, выпуская наружу и недавний ужас, и нынешнее облегчение. — Ты сам говорил, что то колье много жизней стоить могло-о-о-о…

— Дура! — взвыл кот. — Сравнила полметра тряпки с ведром камней самоцветных! Да озеро тебе этими тряпками весь дом завалит, и никто даже не чихнет! Тебе же сила на прожитье положена! И на содержание дома и окрестностей! Это все тоже озеро питает! Кто ж тебя здесь в черном теле жить заставляет?.. Ну… Не реви… Не разводи сырость, я воду не люблю. Секлетинья… Ну успокойся, девочка. Все ошибаются. Главное, что ты не со зла. Не плачь, маленькая…

Я почувствовала, как под руку толкнулась пушистая голова, а по щеке прошелся шершавый, как наждачка, язык, и зарыдала еще громче, уткнувшись в рыжую шкуру.

Наверное, я долго так просидела, обнимая кота и поливая его слезами. Васька стоически терпел и бормотал что-то утешительное. Наконец я пришла в себя настолько, что сумела связно рассказать про разгромленную комнату и неизвестного преследователя.

— Жаль, сразу не сказала, — проворчал кот, пользуясь моментом и выпутываясь из моих рук. — Хоть бы посмотрели, кто там за тобой гнался.

— Оборотень! — шмыгнула носом я. — Так башмаками бухал, что земля дрожала. Вампиры, они все-таки полегче…

— В звериной форме оборотня ты и не услышишь, если сам не покажется, — качнул головой Васька.

— Этот как раз в человечьей форме был. Схватил — едва вырвалась.

Кот внимательно осмотрел порванный рюкзак, принюхался и покачал головой:

— Не знаю этот запах.

— Но ведь не вампир же?

— Нет, — вынужден был признать котяра. — Кровососы тленом пахнут. Живой это.

— Оборотень?

— Может быть, — отмахнулся кот, подергивая кончиком хвоста. — А может, человек, у которого дома собака имеется: псиной попахивает чуток.

— Никого больше сюда не пущу, — поежилась я. — Тем более в теле.

— Пока действительно не стоит, — согласился Васька. — Ладно. Домой пошли. Врата тебя, конечно, в случае чего вылечат, но зачем лечить, если можно не болеть?

Кот заставил меня подняться, и мы медленно пошли к особняку. Чуть позже из дверей выскочил Костя и, щелкая сразу всеми суставами, потащил в дом. Кто бы мог подумать, что в голых костях таится такая силища? Не обращая внимания на мои слабые протесты, меня раздели и сунули в горячую ванну, а после, так и не позволив встать на ноги, затолкали под одеяло. Меня колотила мелкая дрожь, но Васька запрыгнул на кровать и, устроившись на соседней подушке, громко замурчал. Постепенно я согрелась и перестала всхлипывать.

Уже засыпая, я со всей ясностью осознала, что все мои планы вроде «не понравится — вернусь обратно в архив» не стоят и выеденного яйца. Нормальная жизнь закончилась в тот момент, когда капля крови упала на старый пергамент с длинным списком причудливых имен. И вернуться к ней

мне не только не позволят, но я и сама не смогу. Да и не захочу, если совсем честно.

В тот момент я впервые поняла, что я такое и какая ответственность свалилась на мои плечи. Не то чтобы стало легче, нет, скорее наоборот. Но вот доверчивости точно поубавилось. К сожалению, впоследствии я узнала, что этого греха во мне поистине неисчерпаемые запасы. Но это случилось потом, а тем вечером я уснула спокойно и предчувствия меня не мучили… Даже любовники-невидимки с амнезией на мои сны не покушались.

ГЛАВА 10

Сказки на любой вкус. Кроме моего

Разбудил меня едва слышный скрип открывающейся двери. Я подскочила на кровати как ужаленная, но увидела всего лишь рыжую морду Васьки.

— Завтрак проспала, обед тоже, хоть ужин пожалей, — жалобно сказал он.

В животе тут же забурчало.

— Пожалею, — согласилась я, выбираясь из постели и натягивая безразмерный бабкин халат.

Впрочем, от халата у этого платья с пояском было только название. Он отлично запахнулся на груди и почти доходил до пола. Я потопталась по прикроватному коврику, пытаясь найти свои танки, и сообразила, что их-то у меня в последние дни как раз и не водилось. Как, впрочем, и множества других полезных вещей. Настроение тут же испортилось.

Бабка Мавра, как я уже успела выяснить в гардеробной, тапки не признавала и носила исключительно туфли. Уличные, домашние, на плоской подошве и небольшом каблучке, разные. Но я с большим успехом могла бы прогуляться в ластах: там хотя бы застежки подгонялись, в отличие от бабкиных лодочек сорок второго размера.

Проворчав что-то нецензурное, я натянула носки, которые лежали поверх выстиранных и отглаженных работящим Костей джинсов, и влезла в кроссовки. Подозреваю, что видок у меня был по меньшей мере странным, но ругать меня за сюрреализм в одежде никто не собирался.

Костя на радостях выставил на стол и обед и ужин одновременно, и Васька, временно забыв обо мне, набросился на еду. Я же вяло ковырялась в тарелке, заново переживая вчерашние события.

Наконец кот не выдержал:

— Лимонным соком принято поливать рыбу, а не курятину.

— В смысле?

— У тебя такая кислая физиономия, что мне кажется, будто я ем лимон под лимонным соусом и запиваю неразбавленным лимонным соком, — наморщил нос кот. — Если ты все еще мучаешься из-за промашки с самоцветами, то успокойся. Ошибки делают все. Главное их вовремя исправлять. Мавра, когда ее Яга сюда в первый раз привела, вообще две Струны порвала. И ничего. Все отделались легким испугом. Ну, кроме филейной части твоей уважаемой предшественницы, но об этом мы скромно помолчим.

— Да я не об этом, — невольно хмыкнув, отмахнулась я.

— А о чем тогда? Незваных гостей боишься? Брось. Никто сюда не войдет без твоего разрешения.

— Опять мимо, — слабо улыбнулась я. Неунывающий и безумно приставучий котяра мешал предаваться черной меланхолии.

— Я слушаю, — важно сообщил кот, убедившись, что на его тарелке не осталось ни кусочка мяса.

— Нечего особо слушать. Я не понимаю, что делать. Нормальную жизнь у меня отобрали, моим мнением не поинтересовавшись. Взамен вручили черт знает что. Требований вагон и маленькая тележка: «Следи за каждым словом, обдумывай каждый шаг, ибо ты такая-сякая всемогущая и натворить можешь полный армагеддец. А обязана ты причинять всем благо и справедливость по мере своих всемогущих сил и куцых способностей. Но ненавидеть мы тебя будем усердно и со вкусом, потому что… Впрочем, это „потому что“ тебя не касается. А заодно мы еще между собой все перегрыземся, но в подробности тебя не посвятим, ибо не твоего ума это дело…» Ну и так далее и тому подобное… Вот кому понадобилось обыскивать мою комнату? Какой гад на меня у ворот страху нагнал? Чем я им всем не угодила, а, Вась? Я же в Ключи не напрашивалась.

Кот покорно выслушал мой сумбурный монолог, почесал за ухом, прошелся взад-вперед по столу, но так ничего и не сказал.

— Не знаешь? — протянула я. — Вот и я не знаю.

— Я думаю! Не мешай. Не все же, как ты, сначала делают, а потом думают. Нормальные разумные наоборот поступают. В основном.

— Язва ты все-таки, Васенька, — вздохнула я, нанизывая на вилку жирную шпроту. Но кота мое

мнение интересовало мало.

— Кому-то ты очень сильно не угодила… — выдал он наконец. — Но кому, я никак не пойму. То ли никому ты не мешаешь, а то ли всем общинам сразу…

— Ты же тут сколько лет сидишь! Наверняка каждую эту общину как облупленную знаешь, — возмутилась я.

— Сень, я кот. Просто кот.

— Ага, — скептически скривилась я. — Просто кот, болтливый кот трехсот лет от роду. Что уж тут необычного? Скажи прямо, что помогать не хочешь.

— Да при чем тут «не хочу»?! — возмутился Васька. — Ты думаешь, со мной тут сильно считались и во всем советовались?! Черта с два! Там услышу, пока туфлей не кинут, тут посмотрю, пока меня самого не заметили. Особенно Мавра старалась. Считала, что я за ней подглядываю да матери ее докладываю. Сама Ключом стала, а так и не поняла, что Яга Врата за ней приглядывать приспособила, а не меня! Уже и Яга к живым ушла, а то и на Серые тропы, а Мавра все уняться не могла: нет-нет да и выскочит что-то такое… Вроде туфли…

— Погоди, — перебила я. — А как же предназначение? Преемственность? Тебе же бабка велела… Врал?!

— Нет. То есть не совсем, — прижал уши кот.

— А подробнее?

— Мавра, перед тем как в последний раз уйти, сама не своя была. То ли знала что-то, то ли подозревала. И, уходя, мне велела, если вдруг Ключ сюда явится, ничего не зная, помочь обряд принятия провести и про то, что Врата не сразу откроются, объяснить. А предназначение… Было у меня предназначение, еще до Мавры… А может, и нет. Может, я сам себе его придумал, чтобы совсем с ума не сойти…

В памяти сам собой всплыл разговор после первого неудачного визита оборотня. «Об ворота больно, я знаю — пробовал», — прозвучал в ушах Васькин мурлыкающий голос.

— Вась… — медленно протянула я. — А как ты вообще сюда попал?

— Яга привела, — буркнул кот.

— Зачем?

— Да не знаю я! — прошипел Васька, вскочив. — Не помню, ясно тебе?! Вроде как была причина какая-то. Но я не помню какая! А может, это только выдумка. Надо ж было как-то оправдывать собственное существование! Хотя какая вам, людям, разница?! У вас же вечно свои проблемы! Что вам до кота, который уже не кот, но еще не человек? Тебя вот обидели, бессмертие вручили, а об инструкции не позаботились. Мавра со своим любимым носилась да с племянницей воевала. Яга только о том, как к мужу побыстрее вернуться, и думала!

— Мне есть разница, — тихо проговорила я, вспомнив, как еще вчера в истерике зарывалась в рыжую шерсть, а кот слизывал ползущие по щекам слезы. — И мы все выясним…

— Не знаю, хочу ли я выяснять, — совсем по-человечьи качнул лобастой башкой Васька. — Вдруг нет никаких причин. Просто Яга притащила с собой любимую зверушку и, чтобы было не так скучно, научила ее разговаривать… Твоя прабабка многое могла. Только интереса к власти и бессмертию у нее не было. Как дочки ее в силу вошли, так и ушла отсюда. А я тут остался не пойми зачем…

— Что, совсем ничего не помнишь? — шепотом спросила я.

— Помню Ягу. Мужа ее помню. Там еще. Высокий такой мужик: борода лопатой, руки — как две твои ноги. Яга рядом с ним девочкой смотрелась. А ведь немаленькая была. Дочек ее помню: Марфа и Мавра. Дрались всегда, как мальчишки. А потом вот это все помню…

Он мотнул головой, будто очерчивая столовую.

— Так, может, она тебя заколдовала? А на самом деле ты человек. Принц какой-нибудь заколдованный.

— Ага, — невесело ухмыльнулся Васька. — Лжедмитрий Второй. То ли царский сын, то ли холопский, то ли вовсе бесовское отродье. Сказок ты начиталась, Секлетинья. А у нас тут беды совсем не сказочные. Яга ведьма была природная. Сил у нее своих немерено водилось. Она не

только коту дар речи подарить могла. А тут и ты всесилием обзавелась.

Я только головой покачала. Кот в очередной раз поставил меня в тупик: про Лжедмитрия рассуждать он может, а слово «магазин» до сих пор коверкает. Мышей ловит и «вискас» выпрашивает, но брюлики сразу опознал. Хотя сам же говорил, что ни бабка, ни прабабка ими не увлекались.

— Эй! — прервал мои размышления котяра. — Ты там не надумай чего. И Яга и Мавра хорошими Ключами были. И все по совести делали!

— Слушай! — вдруг осенило меня. — Если Мавра моя бабка, то что с ее дочкой случилось?!

— Не было у нее детей. Не в того влюбилась твоя бабка, да так и осталась одна.

— А я откуда взялась? — опешила я. — В капусте нашли?

— Мне как-то забыли об этом сообщить, — фыркнул кот. — И на крестины не позвали, олухи.

— Блин… — Я разочарованно сникла. — Всю жизнь хотела узнать, что с моей матерью стряслось.

— Узнаешь еще. У тебя сейчас вопросы посерьезнее. И знаешь что… Я, кажется, придумал, как искать ответы.

— Как? — подалась вперед я.

— Только две общины могли бы тебе напакостить. Вампиры да оборотни… Другие или слишком слабые, или слишком далеко и просто не успели бы подготовить такое.

— А если заранее? — предположила я, внутренне соглашаясь с Васькой.

— Мавра тебя прятала слишком хорошо. Сама не ходила, никому о тебе не рассказывала. Серый и то всего года три как узнал. А он бы Мавру не предал. Слишком многим обязан.

— Это чем же? — нахмурилась я.

Она ему жизнь спасла, когда его родителей убили. Прятала тут, а потом как-то все завязала так, что он, как отец, вожаком стал. У оборотней таким не шутят.

— Так это в него она влюбилась? — ляпнула я.

— Тьфу! Дура! Он ей заместо сына был.

— Панаша! — осенило меня.

— Угу, — буркнул кот. — Но это дело давнее и нас с тобой не касается.

— Да ладно! Вот почему оборотни такие наглые. Привыкли, что хозяйка Врат под их дудку пляшет!

— Ну раз ты такая умная и все знаешь, то я пошел мышей ловить, — всерьез обиделся Васька.

— Все, все! Молчу, не перебиваю. Внимаю со всем почтением, — рассмеялась я, перехватывая зверюгу на полдороге к двери и утаскивая обратно к столу.

— Ладно, — сменил гнев на милость котяра. — За пакетик «вискаса» я тебя, так и быть, прощу.

— Ты же полкурицы только что смолотил! — обалдела я.

— Я же кот. Умственный труд мне несвойствен и требует много сил. То есть еды!

— Лопнешь.

— Не дождешься.

— Ладно, черт с тобой. — Я кивнула Косте, и через несколько минут Васька с урчанием поедал коричневую массу.

— Надо их пригласить сюда. Обоих. Одновременно, — выдал кот, тщательно вылизав свою тарелку.

— Кого? — тупо переспросила я, решив, что ослышалась.

— Серого и кровососа твоего!

— Вась… Ты курицу с каким соусом ел? Не с грибным? Может, Костя чего напутал и какие-то не

такие грибочки тебе подсунул? Они же тут передерутся и поубивают друг друга. На Волка мне плевать, но Геру жалко.

— Не поубивают, — фыркнул рыжий стратег. — Я все продумал.

Надеюсь, в твой план не входит моя скоропостижная кончина? Судя по тому, что я видела за воротами, от попытки убить вампира Волка может отвлечь только желание убить меня.

— Я уже, пожалуй, не рискну сказать, что Серый тебе ничего плохого не желает. Но призраком он в любом случае вынужден будет оставить любые желания при себе.

Я в сердцах хлопнула себя по лбу: как можно было забыть?!

— Вот, — удовлетворенно муркнул Васька. — Пусть пообщаются. Когда кулаки недоступны, только языками и размахивать. А мы с тобой послушаем. Может, что интересное и услышим.

— Васька! Ты гений!

— Да, ты мне это уже говорила. Но можешь повторить еще разок, если тебя это успокаивает. Да. На твоей стороне гений, стратег и просто красавец я. Так что все будет хорошо.

— Болтун, — рассмеялась я.

— И на солнце бывают пятна, — степенно признал кот. — А теперь я предлагаю спать. Завтра подумаем, что им в приглашениях написать.

— Я и так весь день спала!

— Ты — может быть. А я нет. Коты вообще спят двадцать часов в сутки. Но раз тебе полезные привычки так сразу не привить, то посиди в библиотеке, почитай про вампиров и оборотней. Может, что интересное вычитаешь. Яга своим дочкам про все расы рассказывала, когда учила. — Васька смачно зевнул. — Завтра расскажешь, что начитала, если знакомые буквы найдешь.

С этими словами кот выплыл в коридор. Я подавила желание швырнуть ему вслед тарелку, не со зла, а так, для профилактики. Где-то в глубине души я понимала бабку и ее «туфли». Котяра мог вывести из себя святого своим специфическим юмором.

Впрочем, в его юморе была доля правды: почитать про чрезмерно активных общинников не помешало бы. Признав это, я поблагодарила Костю за ужин и пошлепала в библиотеку.

Разумеется, про общины, расселившиеся по Земле, я ничего толкового не нашла. Даже точное количество общинников и то в книгах не указывалось, что и понятно. Зато про их родные миры книг обнаружились воз и маленькая тележка. Я даже заподозрила, что некоторые Ключи каким-то образом таскали себе чтиво из других Вселенных: слишком уж причудливые предметы, напоминавшие книгу крайне отдаленно, порой находились на полках. Чего стоила, например, шкатулка с горстью разноцветных камушков, на каждом из которых были вырезаны короткие куски текста. Именно ее достал Костя, когда я попросила что-нибудь про гномов.

Какие-то книги, возможно, писали и сами запертые в особняке хозяйки вроде меня. Мне попадались сшитые толстыми нитками стопки листов, исписанные от руки. Притом одна рассказывала об укладе непонятных водных духов и их плавучих городах, мир которых полностью состоял из жидкости, а другая описывала странные существа вроде бабочек, живущие исключительно среди растений. Даже я, полный профан во всем этом иномирье, не могла не догадаться, что речь идет о разных Вселенных. Вот только и та и другая были написаны одним и тем же почерком.

Так и не определив, прогуливался ли кто-то из моих предшественниц между мирами или подробно расспрашивал призраков из подвала, я отложила бестолковые изыскания и велела Косте достать что-то про вампиров и оборотней. Костя, как всегда, оказался на высоте, а я в очередной раз опозорилась. «Точнее надо свои пожелания формулировать, точнее», — прозвучал в ушах ехидный голос Васьки, пока я разинув рот смотрела на быстро растущий монблан сведений, который мне и за год не осилить.

Когда стопка фолиантов на столе покосилась, грозя погрести меня под горой макулатуры, я спохватилась и, выбрав несколько томов с самыми многообещающими названиями, приказала убрать все остальное обратно.

Уже знакомая стопка грубо сшитых листов не разочаровала. Оборотни сразу стали немного понятнее, хотя мое отношение к ним от этого не улучшилось. В родном мире их жизнь чем-то напоминала уклад Киевской Руси. Те же небольшие городки-крепости, народное вече, более или менее крупные княжества и князья, разумеется, куда ж без них в таком случае. В частной жизни преобладали огромные семьи из множества поколений и жесткий патриархат, в силу того что

способность к обороту передавалась от отца и от него же зависело, в кого перекинется деточка по достижении совершеннолетия.

«Логично, — проворчала я, — от осинки не родятся апельсинки. В данном случае от кровожадного волка — трепетная лань». Впрочем, никаких упоминаний о ланях я в книжке не нашла. Исключительно разнообразные хищники от медведей и волков до змей и крокодилов.

Представив себе такой гостеприимный мирок, я передернулась и отложила книгу в сторону. Теперь было понятно, отчего Волка так коробит само мое существование. Наверняка в их понимании женщина вообще никак и ни в чем не должна быть выше мужчины. А тут Ключ, который и злить-то вроде как не рекомендуется, и баба «зарвавшаяся» в одном флаконе. Когнитивный диссонанс у зверушки получается. Вот и бесится, болезный.

А вот с вампирами дело обстояло интереснее. У них не было правителей как таковых. Ареалы — наследственные владения. Но на этом сходство с каким-нибудь нашим Средневековьем и заканчивалось. Детей, а значит, и наследников в человеческом понимании, у вампиров не было. Зато в их мире имелась вторая раса, вроде наших людей. Вот у них-то как раз с размножением дела обстояли как у нас. Они жили в деревнях, занимались сельским хозяйством для собственных нужд. И платили вампирам налоги кровью. Четко регламентировалось, к какому ареалу принадлежит та или иная деревенька. Залетный вампир не мог просто так вцепиться в горло первому встречному теплокровному — моментально огребал проблемы от его хозяина.

Среди теплокровных считалось честью и счастьем попасть в дом к местному кровососу: можно было заслужить обращение и как минимум обрести бессмертие и место в личной дружине или обучиться какой-нибудь профессии вроде оружейника или ювелира. А то и наследником стать. Впрочем, хоть неуязвимыми вампиры и не были, но жили долго, так что такой случай выпадал крайне редко.

Правда, имелась в этой бочке меда и своя ложка дегтя. Обращенный на уровне инстинктов беспрекословно подчинялся тому, кто его обратил. И снять это ярмо могла только смерть «отца» или «матери». К женщинам все вышесказанное относилось в равной степени, и ареалами они тоже владели. Учитывая, что личная сила и мощь вампира зависела не от пола или наследственности, а исключительно от возраста (чем старше, тем сильнее), то ничего удивительного в этом не было.

«Ну что… Вполне цивильно для тех условий», — решила я, откладывая очередную книгу.

От осознания, что кто-то от природы питается человеческой кровью, меня несколько коробило, но усилием воли я задавила инстинктивную брезгливость. Мало ли какие в каком мире порядки. Кому-то и человеческие привычки могут показаться апофеозом мерзости. Главное, чтобы не пытались подстроить новый мир под себя и уважали законы и порядки, принятые на новой родине. На мой взгляд, у вампиров это получалось куда лучше, чем у хамоватых оборотней.

Я читала до поздней ночи, а утром меня разбудил Васька. Вместе мы составили две записки-приглашения, украсив обе напоминанием о невозможности очередной драки под воротами. Под руководством кота я отправила их в бассейн с зеленой водой и снова пошла в библиотеку. Во Вселенной множество рас, и о большей их части я пока даже не подозреваю.

ГЛАВА 11

Оборотни, вампиры и прочие родственники

Гости, на этот раз для разнообразия званые, явились почти одновременно. Прежде чем проводить их за ворота, я из чистого любопытства посмотрела, что там творится. И ничего удивительного не увидела. Вампир и оборотень, временно прилипнув к кованой решетке, строили друг другу зверские рожи, а по бокам маячили общинники и пытались перещеголять своих предводителей в выражении презрения и ненависти противоположной партии.

Пожалуй, в этот момент я впервые действительно поняла, какую власть имеет над общинами хозяйка Врат. Оборотень и вампир, явно ненавидящие друг друга, стояли рядом, едва не соприкасаясь плечами. И даже — о чудо! — не пытались вцепиться друг другу в глотку.

«Жаль, — мимоходом подумала я, — что нельзя приказать им не приближаться к представителям другой общины ближе, чем на сто метров. Может, и послушаются, но тут же начнут ударными темпами осваивать огнестрельное оружие. Или на разные континенты их расселить?..» Тут я вспомнила про баллистические ядерные ракеты и прекратила мечтать о несбыточном.

Два призрака застыли в полуметре от Врат, и я, глубоко вздохнув, посмотрела в глаза вампиру:

— Разрешаю душе жить!

Вертевшийся рядом Васька недовольно сморщился, но я только показала ему кончик языка: оставаться один на один с хамоватым оборотнем не было никакого желания.

— Секлетинья! — Георгий тактично умолчал о моем требовании появиться исключительно в виде привидения и изящно поклонился.

— Добрый вечер, — улыбнулась я.

— Рад видеть вас снова так скоро. В прошлый раз мне пришлось так быстро уйти, что я очень многое не успел вам рассказать…

Я оценила обтекаемую форму. Где-то в глубине души затаилось опасение, что Георгий обиделся на молниеносный финал нашей последней встречи. Губы сами собой сложились в улыбку, но ляпнуть что-нибудь вроде «пожалуйста, проходите» мне не позволили острые когти. Васька, как бы мимоходом потеревшись о колено, умудрился заодно оцарапать мне ногу прямо через юбку. Вторая «ласка» в его исполнении буквально развернула меня на месте, ткнув носом в широкую грудь оборотня.

— Ах да… — пробормотала я.

— Разиня, — долетел до уха едва слышный шепот Васьки.

— Разрешаю душе жить! — неохотно проговорила я, посмотрев в серые глаза Волка.

— Ну и к чему этот театр? — рыкнул он, едва отмерев.

— И вам здравствуйте, господин Вольф, — вздохнула я.

— Если вы позволите, Секлетинья, — нежный голос Георгия контрастировал с рыком оборотня, как небо и земля, — разговоры о наших личных делах я отложу на потом.

— Да, разумеется. Прошу в дом, — отозвалась я, не обращая внимания на Волка, который, услышав про «личные дела», сжал губы в такую яростную тонкую линию, что становилось страшно, сможет ли он их вообще когда-нибудь снова разжать.

Терпения оборотня хватило ровно до того момента, как мы расселись на диванчиках в холле. Разумеется, для привидений в этом не было никакой необходимости, но дополнительно злить Волка-шовиниста мне не хотелось. Заставив его стоять перед женщиной, я рисковала вообще не услышать ничего связного, кроме ругани.

— Так зачем меня позвала?! Да еще вместе с этим кровососом?!

— Сергей… — покачал головой Георгий. — Мне стоит сообщить Секлетинье, как твою расу называют общинники?

— Как бы ни называли, но слова «убийцы» среди этих названий нет! — огрызнулся оборотень.

— Если ты считаешь, что «хищники» предпочтительнее, изволь, — пожал плечами вампир.

— Господа! — с укоризной воскликнула я, мысленно потирая руки: пока все шло по нашему с Васькой плану.

— Прошу прощения, Секлетинья, — Георгий послал мне извиняющуюся улыбку, — все время забываю, в чьем обществе нахожусь.

— И чем это мое общество тебе не угодило? — рыкнул оборотень.

— Я о хозяйке этого дома, зверь…

Я, не сдержавшись, хихикнула. Этого хватило, чтобы оборотень окончательно слетел с катушек:

Говори, зачем звала! Если вздумала стравить меня…

— С этой задачей вы и без меня прекрасно справляетесь, — перебила я. — У меня другие вопросы. И я хочу, чтобы на мои вопросы вы отвечали только правду и ничего, кроме правды. — Устроившийся на спинке моего кресла Васька запустил когти мне в плечо, и я, спохватившись, повернулась к вампиру. — Вас это тоже касается, Георгий. Вы будете отвечать мне только правду. Я уверена, что вы и без приказа не станете мне лгать, но, чтобы у господина Вольфа не возникло никаких сомнений… Равные условия, так сказать.

— Никаких проблем, Секлетинья, — с улыбкой кивнул вампир. — Я понимаю.

— А вы, господин Волк?

— За дурака меня держишь?! Что тут непонятного?

— Вот и отлично. Тогда объясните мне оба, что означают ваши постоянные драки прямо перед воротами? За последние несколько дней я наблюдала это безобразие уже дважды. Я понимаю, что особняк скрыт от посторонних глаз. Но на окрестные кусты это правило не распространяется. Хотите привлечь к этому месту внимание людей?

— Вот пусть он и объяснит, зачем его кровососы напали на нашу машину, когда мы привезли вас, дорогая хозяйка Врат, к особняку, — оскалился оборотень. — Что скажешь, кровосос?

— Тебе? Ровным счетом ничего. Ты сам все прекрасно знаешь, — пожал плечами Георгий. — А вам, Секлетинья… Не знаю, стоит ли обсуждать родственные связи в таком обществе.

— Родственные связи? — опешила я. — О чем вы, Георгий?

— О многом… Но, отвечая исключительно на вопрос… я не хотел продолжения царства оборотней, скажем так. Пока здесь хозяйничала Мавра, у нас не было ничего. Да что там… Нас даже призраками за ворота не допускали, а наши послания оставались без ответа. Подозреваю… Заметьте, только подозреваю, а не утверждаю, что и все мои одноплеменники без суда и следствия отправлялись обратно на Серые тропы. И это в лучшем случае. Оборотни нападали и убивали, но госпожа Потусторонья и не подумала как-то вмешаться. Вполне понятно, почему я не хотел, чтобы новая хозяйка Врат проводила ту же политику, вы не находите?

— Это не объясняет, почему вы напали на меня, — качнула головой я, краем глаза наблюдая, как оборотень «пытается молчать».

Зрелище было весьма показательным. Если, обсуждая этот план с Васькой, я сомневалась, что удастся столкнуть этих двоих лбами и сбить с Волка маску ледяного спокойствия, то теперь сомневалась, что сумею его заткнуть, если понадобится.

— На вас?! — удивился Георгий. — Мы напали на оборотней! Я должен был поговорить с вами. Я боялся, что, наслушавшись Мавру и этих вот, — он мотнул подбородком в сторону оборотня, — вы можете вообще уничтожить мою общину…

— Легче избавить мир от тараканов! — сорвался наконец оборотень. — Хотя я люблю сложные задачи. Если надумаешь, с удовольствием поспособствую.

Георгий развел руками, всем своим видом говоря: «Вот видишь? И как с ним разговаривать?»

— Буду иметь в виду, — поморщилась я. — Пока же я вынесла только то, что вы из-за своей беспочвенной ненависти…

— Беспочвенной?! — рявкнул Волк. — Этот мерзавец убил моего отца!

— А чего еще он ожидал, когда поднял руку на мою мать? — нахмурился Георгий.

— Она тебе такая же мать, как Снейк мне брат!

— Уж не знаю, с кем грешила ваша матушка…

— Только вякни что-то о моей матери!

— Тогда не вякай о чужих матерях, хищник!

— От таких матерей детей надо или держать подальше, или давить их в колыбели!

— Что вы и сделали, звери!

Я только глаза успевала переводить с одного на другого, радуясь, что сейчас они призраки и не могут в самом деле вцепиться друг другу в горло.

— Мы никого не убили!

— И поэтому вампиры должны были молча смотреть, как вы уводите их детей?!

— А что вам еще оставалось? — оскалился оборотень. — Трусливые кровососы!

— Вы напали на наших женщин во время праздника. Тогда, когда никого из воинов не было поблизости. И ты смеешь издеваться над тем, что те не смогли оказать сопротивления?! От подоспевших потом воинов-то вы храбро наступали в противоположном направлении! И те, кто не успел убежать, молили о пощаде!

— Никогда мой отец не стал бы тебя о чем-то молить!

— Ошибаешься! Он молил пощадить одного лохматого щенка. И знаешь, я получил огромное удовольствие, показав ему твою голову. О, как он выл! Воспоминание об этих звуках до сих пор утешает меня в самые черные дни моей бесконечной жизни!

— Лжец! Моя голова у меня на плечах, и у тебя руки коротки снять ее оттуда.

— Да? — притворно удивился вампир. — Действительно. Какая незадача. Значит, это была голова какого-то другого щенка. Как жаль, что твой папаша не успел узнать об ошибке. Слишком быстро умер, бедняга!

— Ах ты! Мало мы вас давили!

— Больше даже с поддержкой Ключа не получилось?

Васька запустил когти мне в плечи, намекая, что бесконтрольный балаган пора заканчивать.

— Хватит! — отмерла я. — Прекратите свару! Сейчас же!

— Вы где находитесь? — добавил кот. — Это Врата, а не подворотня!

Я заподозрила, что сделал он это исключительно ради того, чтобы привести в чувство своего драгоценного Серого, но решила пока не заострять. Волк в запале и так наговорил столько, что мне еще долго придется переваривать. Впрочем, и Георгий от него не отстал. Пытаясь отогнать висящее перед мысленным взором видение отрубленной головы какого-то мальчишки, я постаралась как можно незаметнее отодвинуться от вампира подальше.

Но тот заметил.

— Я разочаровал вас? — с грустью констатировал он.

— А вы как думаете? Как у вас рука поднялась на ребенка?

— Поверьте… на моем месте и у вас бы поднялась. После того как я увидел, что натворили среди наших слабых эти вот хищники, я был не в себе. Вампиры очень сплоченная община. В отличие от оборотней, которые расползлись по всему миру, как чума, мы живем кучно и очень привязаны к своим.

— Людям? — с долей скепсиса протянула я.

— И людям в том числе. Может, на нашей родине и не везде так, но здесь быстро учишься ценить возможность быть собой. А это выполнимо только среди тех, кто знает о твоей сущности и не шарахается от пакета крови у тебя в руках. А самое главное… неужели вы считаете, что раз у нас не может быть биологических детей, то мы и на любовь не способны? А любовь, она, знаете ли, не разбирает, кто перед ней: вампир, человек или вообще госпожа Потусторонья.

— Подонок! — выплюнул оборотень, не позволив мне задуматься над смыслом слов Георгия. — В людях тебя может привлечь только любимая группа крови!

— Ну разумеется, — отвернулся вампир.

— Вас ведь уже просили выбирать выражения, Сергей! — обозлилась я. Волк вздрогнул. — Лучше скажите мне, зачем ваши общинники напали на вампиров. Кого они там искали?

— Детей… — против собственной воли вынужден был ответить оборотень.

— И куда эти дети в итоге подевались? — не сумев сдержать отвращение в голосе, спросила я.

— В детские дома, — прохрипел Волк.

— В детские… — Я закусила губу, начиная понимать.

— Ваша матушка будет очень рада вас увидеть, — тихо проговорил Георгий.

— Моя кто? — осела я.

— Мать. Она едва оправилась после того, как вас украли. Тридцать лет назад хищники воспользовались праздником и налетели на замок, когда там оставались только женщины с детьми и молодые обращенные. Они убили обращенных и вывели всех детей, каких сумели поймать. И вас в том числе. Всего пятерых, и…

— Но подождите! Мне всего двадцать пять. Я никак не могла быть среди тех детей!

— Не хочешь объяснить, а, храбрый и безупречный предводитель оборотней, истинный сын своего папаши? — с сарказмом повернулся к Волку Георгий. — Нет? Тогда я сам.

— Да говорите уже! — не выдержала я.

— Мы тоже поначалу не догадались об исключительности того случая, — сдвинул брови вампир. — И до того бывало, что оборотни пытались украсть у нас детей. Мы, как вам известно, наделены способностью «выбирать» себе детей. Наши дети те, кого мы обратили. Но здесь это не так просто. Как можно бросить обычную жизнь и уйти в закрытую общину, порвав большую часть связей? На такое люди способны разве что по большой любви…

— По вашей большой любви к власти! — рыкнул Вольф. — Заманиваете людей и превращаете их в дойных коров. Или того хуже, в таких же кровососов! Ты про секты слышала, Секлетинья? Так вот у этих примерно такие же методы.

— Спасибо за иллюстрацию, — поморщился вампир. — Как раз собирался перейти к мнению хищников, а его и без меня обрисовали. На самом деле, Секлетинья, мы практически не обращаем взрослых. Исключение — партнеры истинных вампиров. И раньше мы были очень рады, если у таких женщин уже были дети. Они вырастали среди нас, видели нашу жизнь в нормальном свете и однажды становились такими же. Или не становились. Насильно никого не обращали.

— Так я тебе и поверил!

— А мне плевать, веришь ты или нет. Я не тебе рассказываю.

— Не смей говорить, пока я не прикажу, — окрысилась я на оборотня.

Васька тут же пустил в ход когти, демонстрируя свое недовольство, но сейчас мне это было безразлично.

— Хищники всегда изображали «спасителей», даже если их о спасении никто не просил и более того этому спасению противился. У них свое понимание блага, и чужое их не волновало. Они не раз и не два нападали на наши дома, иногда им даже удавалось украсть чью-то дочь или сына. В прошлом они даже убивали всю человеческую семью вампира, если считали, что на «путь истинный» людей уже не вернуть. Но врать не буду, такое случалось уже очень давно даже по моим меркам.

Георгий помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

— Разумеется, мы искали своих. Часто находили. И мстили, как же без этого. Но в тот раз дети будто испарились. Пленники ничего не знали или сумели смолчать. Мы обыскали все человеческие приюты, до каких только смогли дотянуться, следили за оборотнями, расспрашивали людей. Но в тот раз — безуспешно. Детей привезли в этот город, и больше их никто не видел.

— И что? — поторопила я снова замолчавшего вампира.

— Сестра Мавры, Марфа, изначально знала о существовании общин. Неудивительно, что она нашла себе пару среди нас. Как и ее дочь впоследствии. Кого сделало счастливым отцом ваше появление

на свет, история умалчивает. Он все равно об этом никогда не узнает. Но это была вполне нормальная практика в то время. Сейчас-то гораздо проще. ЭКО уже рутина.

— Тридцать лет, Георгий, — напомнила я.

— Особняк Врат, — в тон мне отозвался вампир. Как я теперь понимаю, именно тогда свиток отразил имя новой наследницы Врат, новый Ключ. И Мавра, так и не смирившаяся с выбором сестры, начала действовать. Она устроила налет оборотней. А детей спрятала в особняке. И вот этого вот — тоже, — он мотнул головой в сторону оборотня. — Как она здесь с вами управлялась, не знаю, но мы продолжали искать. В нашем понимании дети становились старше, росли. Таких мы и искали. А в особняке Врат никто не стареет. А дети… — Он опустил голову, и длинные волосы упали, скрывая его лицо.

— Не взрослеют… — ахнула я. — Но я ничего не помню.

— Когда отец этого вырвал вас из рук вашей матери, вам было примерно два года от роду.

— Васька?! — резко развернулась я. — Правду!

— Не знаю, — поспешно открестился кот. — Мне при Мавре ходу на верхние этажи не было — она запретила. У нее там полк квартировать мог. Или не мог, что тоже возможно.

— Георгий, вы можете говорить только правду, пока вы здесь. Я действительно провела первые годы своей жизни в вашей общине?

— Да.

— И моя мать до сих пор живет у вас?

— Да, как и ваша бабушка, — слабо улыбнулся он. — Они обращенные. И их никто к этому не принуждал.

— Говорите, Сергей! Были дети в этом доме?!

— Да, — отозвался оборотень.

— Сколько их тут держали?!

— Их — год. Тебя около шести.

— Но почему я ничего не помню?! Почему?!

— Хозяйка Потусторонья приказала тебе забыть, — признался оборотень.

Потрясенная, я плюхнулась обратно в кресло.

— Пойми ты! Мавра действовала во благо! Воспитанная кровососами девица не могла стать Ключом! Это стало бы концом всех общин! — Лицо оборотня выражало даже не страх или презрение, как обычно, а скорее отчаяние.

Вот только мне не было дела до его терзаний: со своими бы разобраться.

— Но Врата выбрали меня! Понятно тебе?! Вратам было плевать, кто меня воспитает! — рявкнула я.

— Но…

— «Но»?! Я выросла в детском доме, думая, что никому не нужна! Какое «но» может это оправдать?! — взорвалась я. — Молчи! Не хочу больше ничего слышать. И если я узнаю, что твои оборотни еще кого-то «облагодетельствовали» или «спасли» таким вот диким способом… Да что там… Если вы еще раз подойдете к вампирам ближе чем на расстояние выстрела, да хоть посмотрите как-то не так в их сторону… Твоя община повторит судьбу атлантов. Это я тебе обещаю, Волк!

— Секлетинья, — вампир обеспокоенно заглянул мне в глаза, — вы…

— Не сейчас, Георгий… — с трудом снизила гон я. — Пожалуйста. Я вам позв… О господи… Я должна это вот все осознать…

— Да. Я понимаю… Жаль, что я всего лишь отражение. Мне так жаль, что вы узнали все вот так. Я пытался сказать вам раньше, но… Не сложилось.

— Да, — как сомнамбула, кивнула я. — Уходите, пожалуйста, Георгий. Не хочу сейчас никого видеть. Даже вас.

Я отвернулась и натолкнулась взглядом на застывшую фигуру оборотня.

— И ты убирайся! Сейчас же!

Георгий коротко поклонился и направился к двери. Оборотень, явно нехотя переставляя ноги, пошел следом. Я не поленилась дойти за ними до самых ворот и, дождавшись, пока оба призрака скроются в мутной дымке, пожелала увидеть внешний мир.

Жаль, звуков слышно не было, но я видела, как вампир с той же грустной улыбкой кивнул кому-то в толпе своих друзей и, даже не взглянув в сторону оборотней, пошел к ним. Волк тоже шел к своим, тяжело передвигая ноги и низко опустив голову, он едва не налетел на выскочившего вперед Лиса. Тот попытался хлопнуть его по плечу, но едва успел увернуться от взвившегося в воздух пудового кулака. Больше ни на кого не глядя, Волк сел в поджидавшую его машину.

Несколько минут спустя поляна опустела окончательно. А я продолжала стоять, опираясь на витой столб, и бездумно смотреть на скачущих в кустарнике по ту сторону Врат воробьев. Необходимость возвращаться в дом, а главное, думать о том, что только что узнала, вызывала почти панический ужас.

ГЛАВА 12

И еще родственники

— Эй… Ты как? — боднул меня лобастой башкой Васька, неслышно подойдя к воротам.

— А ты как думаешь? — с горечью буркнула я, отворачиваясь от ставшей вдруг такой притягательной и желанной картины в рамке из мутного тумана.

— Я уверен, Мавра не желала тебе зла, — осторожно проговорил кот.

Я вскинула голову, и он шарахнулся в сторону.

— Да не бойся ты, — сплюнула я. — Ничего я тебе не сделаю.

— Кто тебя знает… — проворчал Васька. — Новости-то не из приятных, в сердцах можно многое вытворить, а сказать еще больше. А ты тут всесильна, если помнишь. Такого можешь натворить, сорвавшись…

— Значит, самое время учиться держать себя в руках. Ну. Повтори, что ты там сказал про Мавру? Тренироваться буду.

— Мм… Она не желала тебе зла…

— Как и добра, — продолжила я с сарказмом. — Додумалась же до такого. Старая карга!

— С этим не поспоришь. Да и не больно-то хочется. Но Серый дает…

— А вот про него — не надо. До подавления жажды убийства в этом случае мне еще тренироваться и тренироваться…

— Понял. Переносим тренировки на более нейтральную почву. Мышку хочешь?

— Чего?! — обалдела я. — Только попробуй!

— Что? Крыса будет предпочтительнее? — ангельским тоном уточнил Васька.

— Я тебе дам крысу! — возмутилась я, рванув за вышагивающим чуть впереди котярой.

— Переходим к физическим упражнениям… — воскликнул тот, срываясь с места. — Начнем с тяжелого галопа!

— Галоп?! Ах ты!

Я попыталась догнать нахала, но тот увернулся, резко сменив направление.

— Отлично! Еще чуть-чуть, и ты меня поймаешь! — издевался он, уверенно держась на расстоянии вытянутой руки. — Ногами перебираем быстрее, не забываем следить за дыханием!

— Не уйдешь, скотина! — рявкнула я и в ту же секунду полетела в прелые листья, споткнувшись о невидимый корень.

— За ногами тоже следим! — подзуживал кот. — Напоминаю: люди передвигаются на двух!

— Да-а-а? — притворно удивилась я, кое-как поднимаясь и снова бросаясь за мелькнувшим за ближайшим склепом рыжим хвостом. — Вот оборву тебе лишние лапы, и тоже человеком станешь!

— Интересная мысль. Я подумаю над этим. А пока займемся бегом с нагрузкой. Лестница для этого подойдет как нельзя лучше!

Я с удивлением поняла, что мы уже не только успели влететь в дом, но и проскочили широкий холл. Пушистый рыжий хвост мазнул по лицу, и я тут же об этом забыла.

— Прибью, скотина!

— За дыханием следим! — мрякнул кот, взмыв на перила. — Вперед!

Я пронеслась по коридору, почти поймала наглое животное в самом конце, но поганец умудрился, повиснув на дверной ручке, открыть дверь и заскочить в какую-то комнату:

— Финишная прямая! Не сдавайся!

— Ах ты… — Влетев следом, я даже не сразу поняла, куда он спрятался.

— Почти у цели! — донеслось сверху.

С-кот устроился на высоком шкафчике с полотенцами. Недолго думая я подтащила стоявший в углу диванчик и, взгромоздив на него пуфик, полезла наверх.

— Отлично! Несколько силовых упражнений. И немного на растяжку тоже полезно, — комментировал Васька, пока я, балансируя на шаткой конструкции, пыталась дотянуться до свисающего в сантиметре от моих пальцев рыжего хвоста. — Вот так, еще немного. И…

Хвост хлестнул меня по физиономии, и я с визгом полетела в наполненную водой ванну.

— И переходи к водным процедурам! — заключил кот.

Одновременно с этими словами моя тушка врезалась в воду. Окатило все вокруг, в том числе и Ваську.

— Я сказал «переходи», а не «переходим»… — мрачно сообщил он, пока вода стекала по его шкуре, собиралась в ручеек где-то в районе хвоста и весело капала с обвисших усов.

Я расхохоталась, невольно снова окунувшись с головой. Вынырнула, кашляя, отплевываясь и давясь неудержимым смехом. Живая иллюстрация к пословице про выкопанные для других ямы, пытаясь сохранить достоинство, спрыгнула со шкафа. Важной походке помешали разъезжающиеся на мокрой плитке лапы, и Васька с самым плебейским воем укатился куда-то под ванну.

Это окончательно примирило меня с внеплановым купанием в частности и жизнью вообще. Пока на свете существует этот невыносимый кот, погрузиться в депрессию мне явно не удастся.

Благодаря Ваське я чувствовала себя вполне сносно, как-то незаметно пропустив фазу осознания свалившихся на мою голову новостей. Теперь я знала, что у меня была нормальная мать, а не шизанутая кукушка, и рассталась она со мной не по своей воле. А вот о том, что «было бы, если бы», не задумывалась. Что есть, то есть, без всяких «бы».

Я согласилась с котом, что вызывать в особняк Марфу и ее дочь прямо сегодня вечером не стоит. И лучше дать Георгию время рассказать им обо всем самостоятельно. Хотя подобное решение и стоило уймы усилий, но кое-как мне удалось уговорить саму себя, что, мечтая об этой встрече больше двадцати лет, вполне можно подождать еще один день, чтобы сделать ее приятнее для родных. В конце концов, чтобы мою маму огорошили новостями так, как это произошло со мной, я вовсе не хотела.

Даже упоминания об оборотнях не вызывали больше приступов неконтролируемой ярости. Жажду мести удалось утихомирить, слегка истончив причитающуюся им Струну. И то сделала я это, только проконсультировавшись с котом и древней книгой о Струнах и убедившись, что лишь немного ослаблю чисто физическую силу взрослых оборотней да отсрочу на пару лет первый оборот молодых.

Волк и его прихвостни, болтаясь в непосредственной близости от источника, должны были сразу почувствовать изменения и понять, что я не шутила насчет запрета трогать вампиров. А большего мне в данный момент и не требовалось.

— И все же зря ты… — проворчал Васька, когда я с удовлетворением любовалась делом рук своих. — Тех, кто тебе эту веселуху устроил, и в живых-то уже нет.

— Ничего… — упрямо отозвалась я. — Зато потомкам будет наука. Еще кто-то из древних сказал: «Болезнь легче предупредить, чем лечить». Превентивные меры, так сказать.

— Мр-ре… Серому это не понравится.

— Знаешь, где я видала его одобрение?

— Если мне не изменяет память, то нигде, — фыркнул кот.

— Вот именно, — вздернула нос я и только потом спохватилась: — Что?!

— Да это я так… В порядке приверженности к истине.

— Ну-ну, — проворчала я и повела ладонью над зеленой мутью Струнного озера. — Как думаешь, они уже сообразили, что я не шутила?

В толще воды стали медленно проступать знакомые очертания конторы мнимых юристов.

— Серый еще здесь сообразил, — буркнул кот. — Можешь мне поверить.

— Верю. И все же посмотрю. Помолчи, — отмахнулась я.

— Думаешь, это только начало? — наполнил подвал голос рыжеволосого Лиса.

— А ты сомневаешься? — с горечью бросил Волк.

«Ух ты, какая трагедия в облике, — невольно подумала я с долей сарказма. — Сам же старательно нарывался на неприятности!»

— Честности бы тебе поменьше, — разочарованно махнул рукой Лис.

— Да при чем тут моя честность?!

— Девушка молодая, симпатичная. Сказал бы ей парочку комплиментов, подружился…

— С кем? С Ключом? Смеешься?

— Твой отец с предыдущим Ключом дружил, — напомнил Лис.

— И куда его это завело? — огрызнулся Волк, зарываясь пальцами в растрепанные седые волосы.

— В любом случае излишне откровенные высказывания были явно…

— Да ты что, не понимаешь?! — взорвался Серый. — Никто меня не спрашивал, хочу ли я быть откровенным. Когда хозяйка приказывает *там* — противиться невозможно! Ноги сами идут, язык сам говорит… Она приказала сказать, что думаю, и я говорю. И пофиг, ч*то* я за минуту до того думал или минутой позже! Озвучишь, как диктофон, указанный отрезок, даже если сам его не запомнил! А соврать или как-то выкрутиться, если велят правду выдать, тем более невозможно!

— Она хозяйка без году неделя, — тоже начал заводиться рыжий. — Откуда ей знать, как правильно приказывать?!

— А вот знает, прикинь! — рявкнул Волк. — Кот ее подучил, книжек начиталась. А может, сама такая умная, шакалья дочь. Формулировочки выдает похлеще нашего Змея — никаких разночтений.

— Ну, кровосос же как-то выкрутился!

— С кровососами у нее особые отношения, — буркнул Серый. — Ладно… Я виноват — мне и разбираться.

— Ты понимаешь, что на малом они не успокоятся? — тревожно вскинулся Лис.

— А ты понимаешь, что у меня за спиной община? Сегодня вот это. А завтра что будет? Хочешь не хочешь, а придется с кровососом общаться предметно. Попробую поумерить его аппетиты…

— Ничему их жизнь не учит, — зло прошипела я, заглушив ответ Лиса.

— А ты бы на его месте иначе сейчас выражалась? — буркнул Васька.

— Я бы на его месте вообще до такого не доводила.

— Ох ты… Идеальная и безупречная и ни разу не ошиблась? — хмыкнул кот.

Моментально сообразив, на что он намекает, я нахмурилась.

— Неидеальная. Но, как правильно заметил рыжий, хоть и по неправильному поводу, хозяйка без году неделя. Можно было, если не посоветовать, то хотя бы высказать свое удивление несколько более вежливо. И потом… Вась, Волк меня с самого начала терпеть не мог. Ты бы видел, как он со мной в их конторе разговаривал: три слова, как собаке, бросил великим одолжением, и на том все. Нельзя было сказать, что меня тут вообще поджидает? Да я Костю увидела — чуть заикой не стала, не говоря уже о некоторых болтливых котах. А ведь твой любимый Серый тут бывал. И вас обоих знает.

— И как ты себе это представляешь? «Здравствуйте, дорогая Секлетинья. Мы умеем превращаться в здоровенных зверюг. Ваша мать сейчас вампир, а вам в наследство случайно достались рыжий кот, неупокоенный скелет и бюро ритуальных услуг с поэтическим названием „Покой нам только снится“». Да ты бы прямо там заикой стала.

— Как, как бюро называется? — расхохоталась я.

— «Покой нам только снится». Это Мавра придумала, когда ее достали сильно. Молодая была,

веселая.

— Оригинально, — ухмыльнулась я. — Может, она не моя родственница, а твоя? Юморок такой, с кошачьим душком.

— С кем поведешься, — хмыкнул кот. — Я ж ее почти с самого рождения знаю. Вот и нахваталась девочка от дяди Котика…

— …плохого, — хохотнула я.

— С каких это пор юмор — это что-то плохое?

— Смотря какой юмор.

— У меня самый лучший юмор, — задрал нос кот. — И вообще. Хватит подглядывать. Ужинать пора.

— Кто про что, а Васька про еду. — Я поднялась. — Ладно, пошли, голодающий. На этих смотреть — только аппетит испортить.

Впрочем, в воде все равно уже давно не было ничего, кроме зеленой мути. Стоило мне отвлечься, как картинка пропала, и восстанавливать ее у меня желания не возникло. «Пусть помучаются неизвестностью. Может, дойдет, — решила я, шагая в столовую. — Будут вести себя нормально, через недельку-другую все обратно верну. И, кстати, надо будет у Георгия выяснить, сколько у него общинников, и посчитать, какая им Струна причитается. А то, возможно, не я одна такая хитрая и Мавра тоже что-то подобное проворачивала».

Но поесть в тот день мне было не суждено. Едва я нацелилась вилкой на кусок жареного мяса, как ударил гонг. Мы с Васькой переглянулись. Кого-кого, а гостей сегодня точно не ожидалось. Пока я соображала, как на это реагировать, гонг ударил во второй раз.

«Ну, если это опять оборотни — мало им не покажется!» — в сердцах подумала я, бросая вилку на стол.

Из тумана за воротами торчали две руки. Тонкие, явно женские, с аккуратными розовыми ноготками, пальцы нервно сжимались в кулаки и снова безвольно расслаблялись. Сердце на мгновение остановилось, а потом зашлось в заполошном ритме испуганной птицы. Я знала, кто стоял с другой стороны.

На остатках самоконтроля я заставила себя заглянуть в мир людей, прежде чем хвататься за эти руки. Но за воротами стояла одна-единственная женщина и, не отрываясь, глядела прямо на меня. Не медля больше ни секунды, я прикоснулась к прохладной нежной коже и провела ее через туман. Миг спустя я смотрела в темно-карие, почти черные глаза. Свои глаза…

— Разрешаю душе жить, — спохватилась я, уже повиснув у гостьи на шее.

— Сэтти! — выдохнула она мне в ухо, и сильные руки притянули меня еще ближе к ней, хотя я и так прижималась всем телом. — Сэтти…

— Мама… — В глазах закипали слезы, горячими каплями стекали по щекам и впитывались в мягкую ткань летнего платья.

— Я не знала, Сэтти. Я ничего не знала, — шептала она. — Никто не думал, что тетка может дойти до такого… Прости меня, Сэтти! Я должна была спрятать тебя! Увезти куда-нибудь! Прости!

Не знаю, сколько времени я простояла так, вдыхая ее чуть сладковатый незнакомый запах, впитывая бессвязный шепот, наслаждаясь каждым прикосновением. Еще больше времени прошло, прежде чем я снова смогла связно мыслить и говорить. Кое-как я сумела составить приглашение пройти в дом, подходящее для вампира. А потом снова молча плакала, сидя рядом с ней на диванчике в холле.

Возможно, это прозвучит странно, но первые несколько часов мы почти не разговаривали. Просто сидеть рядом, глядя, как пляшут языки пламени в камине, уже было счастьем. Тем самым счастьем, которого я по прихоти Мавры с ее какими-то непонятными планами никогда не знала.

— Почему она так поступила? — В какой-то момент невнятная мысль оформилась в вопрос.

— Ненависть. Может быть, зависть, — покачала головой мама.

Теперь я знала, что ее имя — Лэтта, но даже про себя не звала ее так.

— Чему завидовать? — пожала плечами я, рассеянно поворошив угли в камине.

— Может, тому, что так и не узнала, что такое настоящая семья? — предположила мама. — Мать никогда не говорила со мной об этом. Как и сама Мавра. Ее я вообще никогда не видела.

— А почему ты стала вампиром? — попыталась сменить тему я. И снова ошиблась: по ее лицу скользнула тень грусти.

— Я выросла среди них. К другой жизни не привыкла. Да и мать настаивала. Особенно после…

Можешь не говорить, если не хочешь, — поспешно вставила я, уловив едва заметную паузу.

— Да нет. Тут нечего скрывать. — Она с деланым равнодушием пожала плечами. — После того налета оборотней я потеряла не только тебя, но и еще не рожденного ребенка. Как и способность вообще иметь детей.

— Извини, — опустила голову я.

И тут же почувствовала, как мама ласково погладила меня по волосам.

— Это ничего. Это уже прошло. Зато ты жива. Я чувствовала, что ты жива… Чувствовала. Если бы я только знала, что она прячет тебя здесь…

— Это тебе Георгий рассказал?

— Нет. Я случайно услышала его разговор с твоей бабушкой и сразу побежала сюда. Муж вообще предпочитает…

— Какой муж?

— Георгий.

— Подожди, — замотала головой я, припоминая все странные взгляды и намеки красивого вампира. — Это что же получается? Георгий мой отчим?

— Ну, формально нет. Я знаю, так принято у людей. У вампиров немного другие порядки. Но он станет твоим отцом, если ты пройдешь через обращение. Вряд ли он позволит сделать это кому-то другому. Даже мне.

— Мам… я вообще-то не собиралась… обращаться…

— У тебя будет время подумать об этом, — отмахнулась она. — Еще бабка Яга говорила, что вечность гораздо быстрее надоедает, чем заканчивается. И на примере Мавры я вижу, что это действительно так. Она столько всего натворила, чтобы стать Ключом. А потом еще больше, чтобы перестать им быть…

— А что она натворила? — спросила я, радуясь возможности сменить тему, потому что не понимала, как относиться к неожиданно выплывшей информации.

— Да хоть тебя вот украла, — грустно улыбнулась Лэтта. — А подробнее — это тебе надо с бабушкой Марфой говорить. Она от Мавры отбивалась, как умела. Не сумела…

Я буквально услышала скрип собственных зубов.

— Ой! — подскочила вдруг мама. — Я же ей не сказала, куда ушла.

— А должна была? — Я вздернула бровь, не понимая, почему взрослый человек должен отчитываться в своих перемещениях перед кем бы то ни было.

— Волноваться же будут. С этими бешеными хищниками все на ушах стоят — паранойя процветает. Наверное, меня уже ищут.

— Давай им записку отправим.

— Нет, — покачала головой она. — Лучше я сама все объясню. Нехорошо за дочкину спину прятаться.

— Я думала, ты сегодня со мной останешься… — разочарованно проговорила я.

— Я бы и сама с радостью. — Лэтта явно колебалась, но потом упрямо тряхнула волной безупречных локонов. — Я завтра приду. Если ты захочешь.

— Ты еще спрашиваешь?! — возмутилась я. — Конечно, захочу.

Я проводила ее до самых ворот, а там, не сдержавшись, снова повисла у нее на шее.

— До завтра!

— До завтра, милая. — Лэтта осторожно поцеловала меня в макушку и коснулась витой решетки Врат.

— Отпускаю, — выдохнула я, и ее затянуло в серый туман.

Когда я сумела унять слезы и посмотрела за ворота, поляна была пуста.

ГЛАВА 13

Мне стали сниться вещие кошмары

Заснула я далеко за полночь и то только с помощью Васьки: умурлыкал в конце концов. Но и во сне перегруженный мозг не желал отдыхать, и, вместо того чтобы провалиться в черный омут, я вдруг осознала, что сижу за грубо сколоченным столом и вглядываюсь в маленькое зеркальце. Я понимала, что это всего лишь сон, но он был куда реальнее яви. Я видела себя будто со стороны и в то же время чувствовала все то, что должна была бы чувствовать, будь я там, в своей второй ипостаси.

Сквозь тонкое полотно рубахи я чувствовала локтем неровности столешницы. Пламя свечи, стоявшей передо мной, согревало щеку. Под полом шуршали мыши. Вскрикивала какая-то ночная птица за черным прямоугольником маленького окошка. А я не отрывала глаз от отражения свечи в зеркале.

— Суженый-ряженый, лунным светом приваженный, — шептала я едва слышно, — на луну припрошенный, снегом припорошенный. Ставней тихо хлопни, о порог притопни. Встань передо мной тот, который мой!

И стоило мне договорить, как в глазах помутилось. Отражение огонька в зеркальце расплылось, превращаясь в настоящее солнце, откуда-то повеял ветерок, напоенный запахами цветов и гудением шмелей. А с пригорка уже махал рукой парень в белой рубахе с широкими рукавами и светлых штанах, подпоясанных алым кушаком.

— Эй! Птаха!

— Рось! — воскликнула я и побежала туда.

Мгновение спустя он уже подхватил меня на руки и закружил по лугу. С радостным смехом мы рухнули в высокую траву.

— Ты пришла…

— Пришла. — Я почувствовала, как щеки заливает краской.

— Птаха. — Он мягко коснулся моих губ, даже не целуя, а будто обозначая поцелуй.

От него пахло медом.

— Не вольничай, — проворчала я, дав себе несколько секунд насладиться этой мимолетной лаской. — А то убегу.

— Не убежишь, — покачал головой он. — Я тебя везде найду.

— Колдун, — беззлобно хмыкнула я.

— Неправда ваша, хозяюшка, — съехидничал он. — Мы люди честные, православные!

— Да ну? А почто вас батюшка в церкви басурманами кличет?

— Так то ты у него спроси. Мож, потому, что батька ему не стал за так коня подковывать? — усмехнулся Рось, но по его лицу пробежала тень.

— А мож, потому, что люди бают недоброе? — поддразнила я.

— Люди бают, что собаки лают, — махнул рукой он.

— И собаки запросто так не лают, — настаивала я. — Говорят, брат твой старшой с лесной ведьмой спутался. Правда ли?

— Тебе что до моего брата? — неожиданно рассердился Рось. — Али на него засматривалась?!

— Что ты, что ты! — испугалась я. — Никто мне, кроме тебя, не нужен!

— То добре, — кивнул парень, снова умащивая голову у меня на коленях.

«Тоже мне собственник нашелся!» — подумала я, наконец сумев отделить себя от своего двойника.

— Рось, а Рось?

— Чего? — сонно отозвался парень.

— А куда твой брат подевался-то?

— С купцами ушел, — буркнул Рось.

Настойчивость подружки явно не доставляла ему радости, зато та я, которая сидела сейчас в траве, все никак не успокаивалась.

— Дядька Плех, когда на ярмарку в город ездил, встречал тех купцов. И про брата твово поспрошал. Слыхом они про твово брата не слыхивали.

— То в селе так бают? — снова сел парень.

— А то. Бают, что видали его с ведьмой лесной за оврагом.

— Да нет никакой ведьмы! Байки это, — сердито буркнул парень, отводя глаза в сторону.

Это уже заметила не только я со своего невидимого насеста, но и моя розовощекая копия внизу.

— Рось… Пошто неправду сказываешь?

— Неправду? — взвился было тот, но тут же махнул рукой, снова опустив голову.

— Рось? — В голосе девушки зазвучало беспокойство.

— Любишь меня?! — вдруг воскликнул он.

— А то ты сам не знаешь, — зарделась моя копия.

— Нет, ты скажи. Любишь? — настаивал парень.

— Люблю…

— Сильно любишь?

— Сильно…

— И замуж за меня пойдешь?

— Пойду. — Ее голос звучал едва слышно, а мне уже видна была только русая макушка и алые кончики ушей.

— А будь я кривой да страшный, как смертный грех, пошла бы?

— С лица воды не пить.

— Тогда смотри!

Он почти силой заставил подругу поднять голову и отошел на несколько шагов. И вдруг подпрыгнул и кувыркнулся через спину, как акробат в цирке. Вот только на траву приземлился уже не человек, а здоровенная пятнистая зверюга с пастью, полной острых зубов, и кисточками на ушах. Хищник стоял на месте, нервно хлеща себя хвостом по бокам, и, не отрываясь, смотрел на девушку.

— Рось… Рось… Рысь… — проблеяла моя разом растерявшая все краски с лица перепуганная копия и закатила глаза.

И тут помутилось в глазах уже у меня. Вокруг замелькали какие-то тени и картинки, сливаясь в безумный водоворот цветных пятен. То я видела пылающую крышу какого-то дома. То бегущую куда-то толпу народа. Прямо перед носом просвистели окровавленные вилы. Но я даже испугаться толком не успела, как они сменились еловыми лапами и мелькнувшей между ними толстой растрепанной русой косой.

А в следующую секунду над лесом пронесся безумный визг. Меня словно на аркане протащило через круговерть еловых веток и могучих стволов и буквально вышвырнуло на залитую лунным светом поляну. В черной траве с разорванным в клочья горлом лежала я. А рядом катался клубок из двух обезумевших хищников, с утробным рычанием рвущих друг друга зубами и когтями.

Я замотала головой, пытаясь поскорее проснуться, вцепилась ногтями себе в кожу, но кошмарный сон не желал уходить. На поляне появились какие-то люди, еще больше зверей. И над всем этим висел тоскливый, на одной ноте, то ли стон, то ли вой.

Над мертвой девушкой склонилась какая-то высокая статная женщина:

— Вернись к тому, кто тебя ждет… — прошептала она, касаясь ее лба испачканными кровью

шершавыми пальцами. — Торопись… Время на исходе…

И я вдруг, совсем как в начале этого бредового сна, почувствовала чужую кожу как свою и ощутила что-то влажное и теплое на своем лице. На этот раз мне удалось завизжать во все горло, обеими руками отталкивая мокрые пальцы.

— Полегче! Больно же! — взвыла женщина голосом Васьки, и я рывком села на постели.

У резной спинки моей кровати с кряхтеньем копошился кот. Подо мной были влажные от пота простыни, а над головой маячил украшенный лепниной потолок спальни.

— Мать твою… — выдохнула я, падая обратно на подушки. — Приснится же такое!

— Не знаю, что тебе снилось, но мне это в любом случае не нравится, — проворчал Васька, наконец встав на лапы. — Еще раз так меня швырнешь, останешься без мудрого наставника. Я уже старый, и кости у меня хрупкие, шкурка нежная…

— Вась… Мне такое приснилось… — прошептала я, поежившись. — Такой кошмар.

— Похоже, вещий, — отбросил шутливый тон Васька. — Непотребное что-то за воротами творится, хозяйка.

— Кого опять принесло? — взвыла я, посмотрев на часы и убедившись, что стрелки показывают половину пятого утра.

— Не кого, а что. Только ты помнишь, что я тебе говорил? Нормальные разумные сначала думают, потом еще раз думают и только потом, и то не всегда, делают, — буркнул кот и, посмотрев куда-то мне за спину, добавил: — Костя, давай.

— Эй! Это что еще за заговор?! — перепугалась я.

И тут мне в руки легла карточка. Да не какая-нибудь, а с пылающей кромкой. Я даже попыталась ее оттолкнуть, испугавшись реальных ожогов. Но пламя, похоже, существовало где-то в другом измерении: я его даже не почувствовала. Зато текст обжег куда хуже.

«Они напали ночью. Мы просим сил, чтобы выжить. Пощади, Ключ!»

— Вампиры? — только и смогла проговорить я, узнавая тиснение на обороте. — Откуда это?!

— Костя принял из Струнного озера, — отозвался Васька. — Только разберись сперва! Это может быть обманом!

Последние слова он прокричал уже мне в спину. Не тратя времени на поиски кроссовок, я вылетела в коридор. Путаясь в подоле длинной ночнушки, я сбежала по лестнице и ворвалась в подвал.

— Секлетинья! Не спеши! Посмотри сначала! — Кот нагнал меня уже у бассейна.

Бросив на кота яростный взгляд, я все же выкрикнула в зеленую воду:

— Мама! Я хочу увидеть маму!

Минуты, пока с глубины проступали пятна и линии, тянулись как резина. Мне удавалось терпеть только потому, что моя ладонь лежала на Струне общины оборотней. Пальцы, готовые в любой момент сжаться, дрожали от нетерпения. И тут я ее увидела.

Она лежала, бессильно запрокинув голову. Вокруг суетились какие-то тени. А рядом сидел Георгий, придерживая явно сломанную руку.

— Тебе нужны еще доказательства? — прошипела я, не глядя на кота.

Струна оборотней под моими пальцами загудела, и тут по ушам полоснул стон:

— Сэтти… Моя Сэтти… — Мама, не открывая глаз, тянула куда-то руки, пытаясь нащупать несуществующее.

Я мгновенно забыла про оборотней, одним движением увеличивая поток энергии, питающий источник вампиров, почти вдвое.

— Сэтти… — снова застонала мама.

— Стоять! — рявкнула я, буквально пригвоздив к полу пытавшегося бочком убраться из подвала Ваську. — Где они?! Как мне попасть туда немедленно?! Отвечай! Правду!

— Войди в воду, коснись их Струны и ныряй, — механическим, растерявшим всякие эмоции голосом ответил кот.

Не раздумывая, я вскочила на парапет.

— Стой! — отмер Васька. — Куда?! С ума сошла?!

— Там мама. — Я вырвала край ночнушки из его когтей и вошла в воду.

— И вампиры! А если тут что-то случится без тебя?!

— Отправишь мне сообщение, — отмахнулась я.

Вода была густой и вязкой, как кисель, и совсем не мокрой. Она была не водой… Но вот передвигалась я с трудом, буквально раздвигая плотные слои.

— Но я не могу! — взвыл кот. — Я не могу отправлять слова в озеро!

— Учись, — выдохнула я и на вдохе нырнула в зеленую муть…

А вынырнула уже совсем в другом месте. Вокруг были мраморные стены, под ногами полыхала зеленью маленькая копия моего бассейна, только без Струн, а прямо передо мной лежала мама.

Охнув, я бросилась к ней, оттолкнув с дороги какого-то вампира:

— Мамочка! Мама!

Лэтта вздрогнула и с заметным трудом повернула голову:

— Сэтти… Зачем… Уходи…

Я непонимающе воззрилась на нее, а в следующую секунду за спиной раздались мерные громкие хлопки.

— Кто бы мог подумать, что в моем новом ареале мне сразу удастся затравить такую дичь, — проговорил Аррей, с плотоядной улыбкой смерив меня взглядом с головы до ног. — Одна беда — это было слишком просто.

— Чем сложнее план, тем чаще что-то идет не так, — холодно уронила высокая статная женщина лет сорока.

— Что вам от меня нужно?! — сглотнув, сумела выдавить из себя я.

— Для начала побольше почтения, внученька, — отозвалась она. — А там поговорим более предметно.

— Оставь ее, Марфа! Оставь ее в покое! — Лэтта приподнялась на локте, пытаясь встать.

— О… Кое-что от щедрот моей непочтительной внучки досталось моей негодной дочери? — приподняла бровь Марфа и едва заметно шевельнула пальцем. — Уберите ее отсюда.

Какой-то незнакомый вампир одним ударом швырнул Лэтту на пол. Двое других подхватили за руки и ноги и потащили прочь. Я даже дернуться толком не успела, как мне заломили руки.

— Отпустите ее, твари! — рванулась я.

— Детей надо воспитывать еще до обращения, — пожал плечами Аррей и вдруг отвесил мне такую оплеуху, что мне показалось, будто голову сорвало с шеи и унесло в неизвестном направлении. Губы тут же залило кровью.

— Осторожнее, — попеняла бабка Марфа. — Убьешь.

— Она всего лишь человечка.

— Она Ключ! Сколько раз тебе объяснять?! — рявкнула Марфа.

В следующую секунду я испытала наибольшее удовольствие, какое только было возможно в моем незавидном положении: Аррей так же походя, только уже кулаком, заехал моей подлой бабке в нос. Да так, что она кувырком улетела в угол.

— Мне казалось, я уже продемонстрировал, что не терплю, когда со мной разговаривают подобным тоном. Еще одна ошибка, и я приду к выводу, что от тебя больше вреда, чем пользы, — заметил он, даже не взглянув в сторону с кряхтеньем поднимающейся на ноги бабки. — Теперь что касается

вас, Ключ. Вы готовы исполнять приказы, как положено законопослушной человечке?

— Здесь другие законы, Аррей. Вы не понимаете…

— Я понимаю, — совершенно спокойно кивнул он. — Здесь неправильные законы. Но я наведу порядок, и все войдет в норму. Люди будут пахать землю и платить налоги. Вампиры — заботиться о них.

— Это не ваш ареал, Аррей, — попыталась воззвать к здравому смыслу я. — Здесь семь миллиардов людей. Никаких вампиров не хватит, чтобы…

— Вы правы и не правы одновременно, Ключ. Правы в том, что семь миллиардов — это гораздо больше, чем необходимо. Марфа мне об этом не рассказала. Придется потратить время и отобрать самых лучших особей. А не правы… Судьба привела меня сюда с Серых троп. Значит, это теперь мой ареал. — Он едва заметно усмехнулся. — Ну, по крайней мере, до тех пор, пока не найдется тот, кто сумеет меня убить. И я наведу здесь порядок.

— Но…

— Но я вижу, что вы до сих пор не понимаете, что мне не нужны советы человечки, будь она хоть трижды Ключ. Вы просто в силу своей человечьей ограниченности не способны осознать величие и мощь моего замысла. Отведите ее в камеру.

Меня тут же подхватили под локти, но чокнутый кровосос, оказывается, еще не закончил.

— И кстати, Марфа рассказала мне, что если бы достаточно долго будете отсутствовать в особняке, то Врата уснут. Уснут источники в общинах. А вместе с ними уснут вечным сном и общинники. Вампиры же как вершина эволюции не так зависимы от источников. И умирать будут медленнее, гораздо медленнее. Мне хватит времени, чтобы получить от вас новый Ключ и дождаться ее совершеннолетия. То есть я все равно сделаю то, что должно. А вы? Вы выдержите груз тысяч смертей, которых не было бы, если бы не ваше упрямство? Увести ее.

Несколько минут спустя я очутилась в каменном мешке, а над моей головой с грохотом захлопнулась толстая решетка и лязгнул замок. Я всадила ногти в ладони, пытаясь сдержать слезы. Говорил же мне Васька!

Несколько ударов кулаком в каменную кладку слегка привели меня в чувство. В ушах прозвучал насмешливый голос котяры: «А ты головой попробуй! Глядишь, через трещину в черепе и какие-нибудь умные мысли в мозги забредут».

Мимоходом удивившись, что умудрилась так привыкнуть к рыжей язве, что уже сама придумываю, что бы он сказал в том или ином случае, я присела на клеенчатый матрас в углу камеры. Из соседней стены торчал водопроводный кран, под ним в полу чернела дыра, видимо служившая одновременно и унитазом и умывальником. Впрочем, этим обстановка и исчерпывалась. Даже дверь, и та отсутствовала. Ее заменял круглый люк в потолке, забранный толстой решеткой. Я поковыряла ногтем стену из гладко отесанного камня.

«Я же говорил, головой попробуй. Авось пробьешь», — тут же подсказала шизофрения голосом Васьки.

«Тьфу ты, черт, — мысленно выругалась я. — Даже в камере-одиночке от него покоя нет!»

Но шутки шутками, а выбираться надо было срочно. Что бы там ни наплела спятившему вампиру Марфа, ничем хорошим это не закончится. И ладно бы только для меня. Для такой дуры самый закономерный финал. Удивительно только то, что я умудрилась не свернуть себе шею раньше. Госпожа Потусторонья, слабоумная, блин…

Сейчас с высоты тонкого клеенчатого матраса я видела по меньшей мере полдюжины вариантов, как можно было бы поступить, чтобы и самой не вляпаться в дерьмо, и маму спасти.

— Раньше бы тебе быть такой умной! — проворчала я себе под нос.

«Или хотя бы умных советов послушаться», — поддакнул внутренний голос в образе Васьки.

Я чуть не огрызнулась, но, сообразив, что, по сути, собралась ругаться сама с собой, прикусила язык.

Но, как я ни прикидывала свои шансы выбраться живой из этой передряги, не угробив параллельно большую часть общин, получалось, что сделать это возможно, только вернувшись в особняк. Но и Аррей с такой советчицей, как Марфа, не мог этого не понимать. А значит, он сделает все, чтобы не допустить подобный исход.

«И как меня только угораздило так ошибиться?!» — тряхнула головой я, припомнив, что сама же выпустила этого подонка в мир всего несколько дней назад. Впрочем, вопрос «как?» больше не стоял. Полоумный вампир был настолько уверен в собственной правоте и праве причинять всем благо в своем понимании, что почитал себя чуть ли не мессией. Отсюда его спокойные и уверенные ответы у Струнного озера. Отсюда ореол доброжелательного любопытства и ничего более.

Теперь-то я понимала, почему Мавра, какая бы она ни была, так подолгу просиживала в подвале, решая, как поступить с новоприбывшими. Вот что мне стоило тоже расспросить поганца получше?! Или хотя бы непонятные слова в словаре уточнить! Достаточно было выяснить, что для вампира «ареал» — это наследственное владение, где он царь и бог.

— Ничего… Дальше буду умнее, — проворчала я себе под нос. — Главное, чтобы это «дальше» вообще случилось.

Васькошизофрения вопреки обыкновению промолчала. Ободренная этим фактом, я отложила сожаления о прошлом и обещания на будущее и занялась настоящим. А вот настоящее выглядело непрезентабельно. Самые простые идеи вроде покричать и позвать на помощь или отпустить на волю постоянно маячащую на границе сознания истерику я задавила в зародыше.

Также, хоть и с большим трудом, постаралась выкинуть из головы беспокойство о маме. Когда ее уносили, она была жива. Большего мне пока не узнать. И самое главное, в любом случае сделать для нее хоть что-нибудь я смогу, только вернувшись в особняк.

А вот с «возвращением» наблюдалась проблема. Большая такая, жирная, как Васькины крысы. Я не представляла, как обмануть вампира, разменявшего не одну сотню лет, да еще с такой советчицей, как Марфа. Кто ее разберет, эту чертову ведьму, сколько всего она успела узнать о Вратах у своей матери Яги. Уж ее-то мне точно не обдурить. Не говоря уже о том, что я вообще врать не умею. Меня даже нянечки в детдоме насквозь видели. Потому и там я всегда оставалась в одиночестве и в детские делишки меня никогда не вовлекали. «У тебя все вранье на физиономии написано», — объяснила мне как-то одна из старших девочек. И вот как с такими исходными данными врать хитрой Марфе и одуревшему от собственной мнимой исключительности вампиру?

Единственный шанс, который видела я, это сыграть на уверенности кровососа в собственной правоте. Вдруг он поверит, что я прониклась его идеалами? Понимаю, идейка так себе. Но других у меня все равно не было.

Проходил час за часом. Меня никто не тревожил, и я, свернувшись на матрасе, едва не дословно продумывала, что и как сказать, чтобы поганый кровосос позволил мне вернуться в особняк. «Для начала в любом случае изобразить недовольство. Только повежливее. — Я осторожно потрогала языком распухшую губу с коркой запекшейся крови. — Потом втянуть его в разговор. Мол, я тоже мечтаю, чтобы всем было хорошо, и не будет ли он столь любезен поделиться подробностями того миропорядка, за который он так результативно агитирует…»

Понимая, как жалко звучат мои потуги, я нервно встала и начала вышагивать по каменному мешку из угла в угол. Убеждать кровосос умел, и явно очень неплохо. Убедить вампиров одним махом противопоставить себя всем общинам сразу — это надо обладать поистине безумным даром красноречия. Хотя, похоже, задурить головы всем ему все же не удалось. Ни Георгий, которого я еще успела увидеть в озере, ни тем более мама смене политики партии не обрадовались. Возможно, есть и другие недовольные…

Так или иначе, но одна попытка у меня будет. И если не выгорит с этим кровососом, может, удастся заронить сомнения в других. Оставалось только надеяться, что после недавней размолвки хоть Марфа не будет маячить за плечом.

В эту секунду решетка над головой натужно заскрипела, и в проем упала легкая бамбуковая лестница. «Прогресс…» — криво ухмыльнувшись, подумала я, припомнив, как утром меня сюда спускали, попросту прихватив за кисти рук: чуть ноги не переломала, грохнувшись с метровой высоты.

— Вылезай! — приказал какой-то незнакомый вампир.

Я молча полезла наверх, стараясь не наступить себе на подол ночнушки.

Не нарываемся, ведем себя спокойно. Главное — убедить этих уродов, что я согласилась с ролью бестолковой человечки, которой просто необходимо чуткое руководство одного шизанутого кровососа!

Но все мои благие намерения пошли прахом, стоило только выбраться из дыры и поднять голову: прямо напротив меня, скрестив на груди холеные руки, стояла Марфа и с брезгливой улыбкой наблюдала, как у меня отвисает челюсть.

— Ну, здравствуй еще раз, внучка, — ледяным тоном процедила она.

ГЛАВА 14

Учиться, учиться и еще раз учиться

Я молча смотрела на женщину, гадая, что ей нужно. Поведет к Аррею? Но почему тогда ушел тот вампир, который открыл дверь? Хочет поговорить? Тогда зачем вытащила из камеры?

— Действительно, — прервала мои размышления она, — воспитанием и не пахнет. В какой клоаке Мавра тебя прятала? Пошли.

— Куда? — не сдвинулась с места я.

— Подальше отсюда, — буркнула Марфа, крепко прихватив меня за плечо и подталкивая к выходу. — Или тебе сильно понравились идеи Аррея?

Упираться я и не пыталась, она шла вперед с неотвратимостью асфальтоукладчика.

— А мама?

— Ее увез Георгий, — не оборачиваясь, отозвалась женщина. — Он питает странную слабость к моей бесполезной дочери. Или считает, что еще сможет разыграть эту карту. Не знаю.

— Откуда мне знать, что ты не врешь? — буркнула я, поджидая подходящий момент, чтобы вырваться.

— Доедем — узнаешь, — отмахнулась она.

Марфа вела меня какими-то подземными коридорами, иногда очень пыльными и полутемными, иногда ярко освещенными, но всегда совершенно пустыми. Порой откуда-то сверху долетал гомон и топот, но я не успевала понять, что это значит, потому что женщина тут же ускоряла шаг, волоча меня за собой. И с попытками удрать дело обстояло не лучше. Я не представляла, куда бежать, не говоря уже о том, что она ни на секунду не выпускала мое плечо.

Неожиданно за очередной неприметной дверью обнаружился огромный подземный гараж. Пока я хлопала глазами, Марфа вытащила из кармана брелок, и серебристая, будто игрушечная спортивная машина, коротко гуднув, приветливо мигнула фарами.

— Чертова сигнализация, — едва слышно выругалась Марфа, обеспокоенно озираясь. Но все было тихо. Она толкнула меня к машине и быстро уселась на водительское место. — Садись уже!

— Куда вы меня…

— Садись, дура! — взорвалась женщина.

Я попятилась, готовясь в любой момент пуститься наутек. Не то чтобы я и правда надеялась убежать от в разы более быстрой и сильной вампирши, но ее так явно раздражали любые задержки, что я понадеялась сыграть именно на этом.

— О… — Марфа на мгновение закатила глаза. — В особняк я тебя отвезу! К Вратам! И даже если ты мне не веришь, то все равно согласишься, что здесь тебе оставаться совершенно ни к чему! Садись! По дороге все расскажу!

Из двух зол я выбрала неизвестное, хотя сильно сомневалась, что оно окажется меньшим. Почему? Наверное, потому, что женщина явно боялась тех, кто мог в любой момент явиться в гараж. Тех, с кем мне самой крайне не хотелось встречаться.

Едва я успела захлопнуть дверцу, как Марфа снова щелкнула кнопкой на брелоке, и ворота гаража медленно поползли вверх. Машина сорвалась с места гораздо раньше, чем они завершили свое движение. Мне даже показалось, что нижняя кромка скрежетнула по крыше. Но секунду спустя мне стало не до таких мелочей.

Марфа заложила крутой вираж, преодолевая узкий бетонный серпантин выезда, и мы вылетели под красноватые лучи заходящего солнца. Краем глаза я успела заметить повисшие на одной петле красивые кованые ворота и чуть не вышибла головой боковое стекло на очередном повороте.

— Пристегнись! — приказала вампирша.

Но я уже и сама лихорадочно нашаривала ремень. Какое там «выскочить на ходу», как я успела надумать, пока препиралась с ней в гараже. Это был бы прыжок сразу в гроб. Причем в закрытый и очень маленький.

— Да что вообще происходит?! — рявкнула я, на очередном вираже едва не откусив себе язык.

— Хищники налетели, — отозвалась Марфа, не отрывая глаз от дороги. — Я предупреждала этого самовлюбленного дурака, что такое резкое возвышение вампиров добром не кончится, что все надо делать постепенно… Но нет. Он все знает лучше. Идиот… Такой шанс испоганил.

Я проглотила замечание о том, что этот шанс она же ему и подарила, распустив не ко времени язык.

— Аррей решил, что человечка быстро примет все его условия. И не спрашивай меня, почему он такой идиот.

— Так почему же вы его не остановили? — таки не сдержалась я.

— Его остановишь, — фыркнула Марфа. — И потом, в какой-то момент я и сама чуть не поверила, что все может получиться. Понадеялась, что хищники не сразу решатся напасть, учитывая твой запрет. И ошиблась. Видишь, я полностью с тобой откровенна. И надеюсь на взаимность.

— Откровенность? — опешила я.

— Зачем мне твоя откровенность? У тебя на лице все написано, — хмыкнула Марфа.

— Тогда что? — спросила я только ради того, чтобы не молчать.

О… Сейчас я пообещаю ей все что угодно. И даже угрызениями совести не буду мучиться по поводу этой лжи. Пусть только она доставит меня в особняк. А там уж разберемся, какую взаимность и кто заслуживает.

— Взаимовыгодное сотрудничество.

— Интересно, в какой области?

— Не язви, — хмыкнула Марфа.

— И в мыслях не было, — слегка покривила душой я, обругав себя за неуместное ерничанье в стиле Васьки.

— Мавра в очередной раз доказала, что была никуда не годным Ключом, — пояснила свою мысль женщина, когда на въезде в город мы встали в вечернюю пробку. — Она не удосужилась обучить свою наследницу. Ты уже наделала множество ошибок. А наделаешь еще больше. Если, конечно, успеешь, прежде чем какой-нибудь псих вроде Аррея тебя убьет. Я могу научить тебя тому, что должна знать Ключ.

— Вы? — ахнула я.

— Почему нет? Мать учила меня. К сожалению, Врата почему-то выбрали эту бестолочь Мавру, мою младшую сестру. Но это не значит, что я забыла все, что мне рассказывали.

— А вам-то какая от этого выгода? Я так понимаю, что наследовать мне вы не сможете в любом случае.

— Правильно понимаешь. Но в будущем я могу обучить твою дочь.

— Вы так уверены, что я отдам вам свою дочь, буде она у меня появится? — прищурилась я.

— А кому тебе еще ее отдать? — пожала плечами Марфа, как будто говорила о какой-то мелочи. — Не мамаше же твоей бесхребетной. Она не сможет ни защитить, ни научить.

— Меня и вы защитить не смогли, — напомнила я.

— От Ключа невозможно защитить, — едва заметно нахмурилась она. — В особняке Ключ практически всесилен. Он может узнать то, что хочет, подгадать момент, приказать любому общиннику. Ни одна община не рискнет обидеть Ключ отказом.

— Оно и видно, — проворчала я, потрогав кончиком языка разбитую губу и припомнив, как «рискнул» проклятый оборотень.

— Я же сказала: в особняке всесилен… А не выскакивая в самое сердце раздираемой переделом власти общины в одной ночной сорочке. Кстати, вкус у тебя такой же отвратительный, как и у моей сестры.

Тут впереди наконец появился просвет в потоке машин, и Марфа нажала на газ.

— Кроме того, я не хочу впутываться в разбирательства между Георгием и Арреем. А особняк самое лучшее место, чтобы пересидеть бурю.

Марфа замолчала. Я же, подавив ехидное замечание, задумалась. Пускать странную родственницу в особняк глупо. Вряд ли она согласится, что я возьму только отражение ее души, а тело брошу перед воротами. С другой стороны, кто лучше ее сможет рассказать мне о Ключе и его работе, как не та, которая сама собиралась стать этим самым Ключом?

Уткнувшись подбородком в свою руку, я притворилась дремлющей. Марфа даже не смотрела в мою сторону, что меня вполне устраивало. У неожиданного предложения имелись и плюсы и минусы. И наверняка куча примечаний мелким шрифтом, о которых я и не подозревала. Ну не верилось мне во внезапный альтруизм бабули-вампирши. Уж точно не после того, что мне довелось наблюдать в логове Аррея.

Но от нее можно было получить многое, и самое главное — знания, которых мне так не хватало. Врать старушка не станет. Во-первых, она не знает, что мне уже известно, и нарваться на пинок под зад не захочет. Во-вторых, я могу попросту приказать говорить правду, и об этом она вряд ли позабыла. Напасть тоже не сможет. Догадаться, что я обвешаю ее приказами, как новогоднюю елку конфетами, несложно. Так что же ей нужно?!

Ответить на этот вопрос я так и не сумела. И, соответственно, даже когда мы уже бросили машину у начала ухабистой асфальтовой дороги, ведущей к воротам, я все еще не знала, возьму ли бабку с собой. Сама она будто ни о чем не тревожилась и целенаправленно топала вперед, иногда подгоняя меня недовольными взглядами.

«Сама бы погуляла тут босиком», — мысленно проворчала я, наступив на очередной острый камешек.

Впрочем, стоило мне услышать какой-то шорох в кустах, как все неудобства были забыты, и я понеслась к воротам едва не быстрее вампирши. Та ухмыльнулась и бросила горсть камней, заставив кусты зашуршать уже с другой стороны. Вздорную бабу я, разумеется, обматерила, но про себя, так как благодаря ее хитрости сумела преодолеть последние, самые раздолбанные метры дороги.

У ворот Марфа протянула мне ладонь:

— Вместе войдем. А то вдруг забудешь меня здесь… Случайно.

Подавив идиотское «а что, так можно было?», я взяла ее за руку и шагнула в свое личное межмирье. Учитывая, что вампирша стояла между решеткой и мной, особого выбора у меня не было.

К счастью, за воротами никаких сюрпризов не возникло. Над кладбищем летел отголосок привычного гонга, а рядом застыла неподвижная фигура Марфы. Я со вздохом облегчения выпустила холодные пальцы. По дорожке огромными скачками уже несся Васька.

Я плюхнулась на колени, раскрыв объятия ему навстречу, и тут же покатилась по дорожке, впечатавшись затылком в воротный столб. А кот уже молотил лапищами всюду, куда мог дотянуться.

— Ты!.. Ты!.. Спасли! Дура!

Слава всем богам, когти он не выпускал, но ощущения все равно были не из приятных. Казалось, что меня молотят чулками, набитыми песком.

— Васька! — Я попыталась прикрыться руками. — Успокойся!

— Я спокоен! — прошипел котище, не прекращая, впрочем, своего занятия.

— Не бей меня!

— Я не бью, я радуюсь! — фыркнул кот, наконец-то спрыгнув с меня на дорожку.

— Теперь я поняла, как умирают от радости, — хмыкнула я.

— Я бы тебе еще не так порадовался, — Васька сверкнул когтями, — да Маврину ночнушку пожалел. Все-таки историческая вещь. Можно сказать, антиквариат!

— Тьфу ты… Тряпку он пожалел! А меня?!

— А тебя что жалеть?! Если правду говорят, что бог хранит пьяниц и дураков, то ты у нас скорбная умом никогда не просыхающая пьянчуга.

— Эй! — нахмурилась я. — Ты выражения-то выбирай. Я ведь и обидеться могу!

— Обидеться? — Кот пошел вперед, нахлестывая себя хвостом по бокам. — Бедненькая ты наша… Обидели ее, дурочкой назвали… А нам что говорить? Нас-то как обидели… Такое вот чучело безголовое на хозяйское место посадили! За какие такие прегрешения Господь на нас, грешных, так рассердился, эту окаянную самоубийцу…

— Замри! — выкрикнула я, когда острые когти просвистели в непосредственной близости от моего носа. — Вась, все хорошо. Я вернулась! Не надо меня на лоскутки раздирать. — Я осторожно погладила рыжую шерсть. — Глупость сделала. И не одну. Но теперь все по-другому будет. Я тебе обещаю, Вась. Отомри…

Васька сердито фыркнул мне в лицо, а потом толкнул лобастой башкой:

— Я уж думал, все… потеряли.

— Честно говоря, были моменты, когда я сама думала примерно так же, — вполголоса призналась я.

— А кого это ты притащила? — Кот наконец соизволил заметить застывшую у ворот Марфу. — Это же не…

— Э-э… Я тебе обещала учиться, вот и…

— И ты собралась учиться у этого вот… архитектурного излишества? — обманчиво мягко уточнил Васька. — Может, просто ее на какой-нибудь склеп установим? Там и более страшные фигуры имеются. Одной больше, одной меньше — никто и не заметит…

— Вась. Мне надо разобраться, кем я стала. И она может помочь.

— Хм… — Кот прошелся по дорожке. — Поправь меня, если я ошибаюсь… Тебя дурили все кому не лень, ты угодила в вампирью ловушку. Выбралась оттуда буквально чудом… Я ничего не пропустил?

— Ну разве что одного кровососа, отягощенного идеей мирового господства, которого я сама же и отпустила отсюда, и оборотней, нарушивших мое требование не лезть к вампирам… — усмехнулась я. Но кот не поддержал шутливый тон.

— Про оборотней потом поговорим, — отмахнулся он. — В общем, вокруг тебя одни враги, все хотят тебя как-то использовать, кому верить — непонятно, и большую часть всех этих проблем ты организовала себе сама. Так?

— Ну, в общем, да, — вынуждена была признать я.

— Милая моя, — нежно, как умственно отсталой, Васька заглянул мне в глаза, — как ты думаешь, что нужно сделать в первую очередь, если вдруг обнаружил, что оказался в яме?

— Выбираться? — кое-как подавила смешок я.

— Первым делом нужно перестать копать! — рявкнул кот. — Ты зачем ее сюда притащила? Да еще во плоти?! Это же Марфа! Она тебя как минимум на четыреста лет старше, раз в сто умнее и в миллион раз беспринципнее! Да она убедит тебя в том, что черное — это белое и наоборот, за полторы минуты! И то минута из этого времени у нее уйдет на осмеивание такой простой задачи. Да она…

— Вась, — наконец сумела вклиниться в экспрессивный монолог хвостатого обличителя я, — я знаю. Я все это знаю. Хотя нет, про возраст это я не знала… Хорошо сохранилась бабулька. Но в остальном…

— Тогда почему?!

— Мне нужно разобраться со своим наследством. Разобраться, пока меня кто-нибудь не убил или, того хуже, я сама кого-нибудь не убила из-за собственной неосведомленности.

— А ты так уверена, что эта захочет тебя учить?

— Ну… это она и предложила. А вот чтобы ее предложение обошлось без пунктов мелким шрифтом, нам придется постараться. Мы же здесь всесильны. Главное — правильные приказы отдавать. Поможешь, а, Вась?

— Разобраться тебе надо, это верно… — протянул кот. — Но Марфа… Тут надо подумать…

— Кстати, а как она прожила столько? — запоздало удивилась я, в очередной раз покосившись на Марфу. — Сюда ее, я так понимаю, особо не приглашали. Вампиром стала лет восемьдесят назад от

силы…

— Ведьмина кровь, — рассеянно отозвался Васька.

— А… — глубокомысленно протянула я.

— Ладно… Подумаем.

Минут сорок мы с котом обсуждали, как бы так связать запретами хитроумную Марфу, чтобы учить меня она смогла, а напакостить — нет. Наконец подходящая формулировка была готова. Периодически поглядывая в бумажку, я зачитала ее бабке и произнесла формулу оживления.

— Все продумала? — усмехнулась та, глубоко вздохнув. — Больше не боишься меня?

— А что бояться? — вздернула нос я, старательно игнорируя неприятный холодок в животе. — Здесь я хозяйка.

— Хозяйка. Это верно. Так, может, в дом пригласишь, хозяйка?

— Конечно, смутилась я. — Прошу, заходите.

— Ну вот и еще одна ошибка, — как ни в чем не бывало заявила Марфа, направляясь к особняку. — Итак, урок первый. Пригласить и позволить войти — две разные вещи. Приглашают гостей, тех, кто имеет какие-никакие если не права, то свободы. Пригласила один раз, в другой — сам войдет, не спросится. Позволила войти — это именно разрешение на один конкретный момент. Это понятно?

— Понятно, — кивнула я, скрипнув зубами.

— Дальше, — продолжила она, устроившись на диване в холле и закинув ногу ка ногу. — Ты не уточнила, куда именно приглашаешь войти. Дом — понятие растяжимое. Вряд ли ты захочешь меня увидеть у себя в спальне или у Струнного озера.

— Агр-р-р…

— Не рычи. От кота этого дурного уличных манер нахваталась, что ли? — поморщилась Марфа. — Госпожа Потусторонья должна внушать почтение. Не брезгливость. Не презрение. И уж тем более не жалость, которую вызывают твои попытки казаться невозмутимой. Тогда никому и в голову не придет искать лазейки в твоих приказах. А они есть практически всегда, уж можешь мне поверить. Особенно всякие долгоиграющие вроде тех, которыми ты опутала меня. Точнее, думаешь, что опутала. Так, например, ты приказала мне не прикасаться к тебе и прочим обитателям особняка даже пальцем. Отлично. Но если я захочу тебя убить, то какой из твоих приказов помешает мне подсыпать тебе какой-нибудь яд?

Мы с Васькой переглянулись. Заметив это, Марфа рассмеялась:

— Не бойся. Я не собираюсь тебя убивать. Мне нужен нормальный Ключ. Чтобы не было никаких потрясений вроде истории с Арреем. Глядишь, и ты со временем проникнешься к бабушке доверием и будешь прислушиваться к советам.

— Щаз-з-з — не сдержалась я.

— «Щаз» — это вряд ли, — ничуть не обиделась вампирша. — Я сказала «со временем». Учись различать такие нюансы, если не хочешь быть дурочкой, которую обманывают все кому не лень.

— От приказа говорить исключительно правду не отвертеться даже вам, бабушка, — вложив в последнее слово весь доступный мне сарказм, оскалилась я.

— Верно. Но если тот, который придет к тебе, сам будет верить в свои слова…

— Блин!

— Фи… Ты или не матерись, или матерись по-человечески. Еще пирожком бы ругнулась. В общем, почти любой запрет можно обойти. Поэтому никогда и никого не пускай сюда «во плоти» и всегда перепроверяй любую полученную информацию. Лучше не один раз. Это касается всех: мамы, любовника, кумира юности, черта лысого.

— Это уже второй урок? — скривилась я.

— Нет, милая. Все еще первый. Зато самый важный. Вкратце он будет звучать так: «Не доверяй. Никогда. Никому». Просто, не правда ли?

— Да уж… — проворчала я.

Так началось мое обучение у Марфы. Не то чтобы оно было слишком долгим. Как она и предсказывала, всякие нюансы и способы управления Струнами и возможности самих Врат вампирша обрисовала мне дней за десять. И делилась знаниями бабуля честно. Не раз и не два я перепроверяла сказанное в библиотеке, отправив «наставницу» в ее комнату, но ни разу не смогла найти хотя бы намек на ложь или хотя бы неточность.

Даже Васька признавал, что ничего подозрительного в ее уроках нет, если не считать сам факт этих уроков. И вот тут кот был непреклонен. «Одним желанием избежать в будущем катаклизмов внезапная сознательность Марфы не объясняется, — говорил он. — Ей нужно что-то еще».

В душе я была согласна с Василием. Но все попытки выяснить, что же такое затаила чертова родственница, не увенчались успехом. То ли она действительно не желала ничего неоговоренного. То ли, что более вероятно, я просто так и не сумела правильно задать вопрос.

Я даже запретила ей выходить куда-либо из ее комнат без моего или Васькиного сопровождения, благо небольшой санузел там имелся. Но Марфу и это не смутило. Правда, теперь она таскалась за мной, куда бы я ни пошла. Но то же самое было и до запрета.

В общем, я чувствовала, что что-то упускаю, но что, хоть убей, не понимала. Зато уроки оказались более чем интересными и полезными. Марфа открывала такие грани моего положения и возможностей, что сама бы я додумалась до этого лет эдак через сто. Или вообще не додумалась никогда. Например, я, оказывается, могла создать себе «привязку» в любой точке Земли и перемещаться туда-обратно в мгновение ока. Конечно, если я не бывала там раньше, самый первый перенос стоил просто безумного количества энергии Струн, но такие мелочи Марфу не беспокоили. Хотя по моему настоянию она и озвучила «цены».

Цену имело все. И я как Ключ даже могла выбирать, платить ли из своих личных ресурсов, разложить плату на все общины или заставить раскошелиться какую-то одну. Но если не думать об этом, то мои возможности были практически безграничны. Силой Струнного озера я могла убить или покалечить. И с тем же успехом омолодить дряхлого старика или поставить на ноги безнадежного больного. Правда, для этого необходимо было присутствие «пациента», так сказать, во плоти, так что Марфа категорически не рекомендовала заниматься благотворительностью.

Вампирша вообще мне особо не перечила и охотно делилась как знаниями о Струнах и общинах, так и историями из своей жизни. Она была почти на сто лет старше Мавры и даже без обращения прожила бы как минимум лет триста, а уж после обращения и подавно. Мать свою Ягу едва не боготворила, а вот сестру ненавидела той самой чистой и незамутненной ненавистью, какая бывает только у детей и сумасшедших.

Марфа считала, что сестра отняла у нее возможность стать Ключом. И такие мелочи, как то, что Врата, оказывается, выбирали Ключ из потомков какой-то давно забытой ведьмы по лишь им известным признакам, вампиршу не смущали. Впрочем, это не помешало ей подробно разъяснить мне странные родственные связи. Ну не понимала я, кто у кого и когда родился из моих родственничков.

Сама Марфа была дочерью какого-то польского рыцаря, который понравился Яге, и та на несколько лет задержала его у себя в избушке. Потом сама же и выгнала, кстати. А вот Мавра родилась уже по большой любви, и о ее папаше Марфа сообщила только: «Медведь. Тупой, грубый, отвратительный деревенский медведь». Это вполне совпало с описанием Васьки, и я не стала допытываться. И так понятно, что отношения с отчимом у почти столетней на тот момент девочки не сложились.

В общем, незаметно для себя я привыкла к Марфе и общалась с ней почти нормально. Возможно, если бы не ее собственные ежечасные напоминания о вреде доверчивости, и вовсе простила бы ей гостевание у Аррея. В конце концов, маму я с тех пор не раз видела в Струнном озере, и с ней явно было все в порядке. Однажды я даже застала ее целующейся с Георгием и после этого перестала подглядывать. Не то чтобы сцена меня так расстроила. Нет. Но все же было какое-то неприятное чувство. Да и Марфа уж больно противно хихикала, когда увидела выражение моего лица. Не иначе догадалась.

Марфа настояла на том, чтобы я пока не вмешивалась в разборки вампиров. И, подумав, я с ней согласилась. Община после налета оборотней, по сути, раскололась на две части. Большая ушла куда-то вместе с Георгием, и даже Марфа не знала, где они скрываются. А меньшая осталась в общинном доме с Арреем. Тот вел себя тихо, нападать ни на кого не спешил. Да и Ключ, то есть меня, упустил, а значит, и возможность серьезно навредить другим общинам утратил. И я решила, что даже мизерный шанс, что лорд Аррей разберется в местных порядках и угомонится, стоит использовать. Тем более что мне и без этого вампира хватало дел.

Оборотни просили о встрече, но их писулька так и осталась лежать на серебряном подносе. Какая может быть встреча, когда у меня тут Марфа болтается, да и учеба практически не оставляет

времени. Еще не хватало что-нибудь напортачить замороченными мозгами во время приема. Кое-как мне удалось убедить Ваську, что хищники вполне могут подождать недельку, с них не убудет.

Кстати, так удачно случившийся налет на вамнирье гнездо организовал не кто иной, как Васька. Лис за каким-то фигом приперся к Вратам, и кот, моментально сориентировавшись, сунул ему в ладонь записку с требованием спасать Ключ, то есть меня. Бумажку написал Костя, он же и вытолкнул Лисью лапу обратно в мир живых. После того как Марфа разъяснила, что скелет служил Ключам секретарем, меня такие умения уже не удивляли.

Но если Васька, рассказав об этом, хотел разбудить во мне чувство благодарности оборотням, то сильно просчитался. Припомнив последний разговор Лиса с Волком, я тут же сообразила, зачем рыжий приходил, и разозлилась пуще прежнего. Только такого рода ловеласа тут еще не было. «Брутальный самец» уже командовать пытался, «нежный романтик», на поверку оказавшийся мужем моей же матери, тоже мелькал. Осталось еще с рыжим жигало пообщаться.

Зато с котом, если не считать разногласий по хищникам, у меня сложилось полное взаимопонимание. С тех пор как в особняке поселилась Марфа, он утробно рычал всякий раз, когда та приближалась ко мне ближе, чем это было необходимо, а ночевал исключительно со мной. Мы болтали о всяких пустяках, и мне удавалось хоть чуть-чуть отдохнуть от той атмосферы прогрессирующей паранойи, которую насаждала своими уроками Марфа.

Наконец настал день, когда Марфа заявила, что уже научила меня всему, что знала сама, и хочет уйти. По-моему, после этого сообщения даже доспехи в холле с облегчением выдохнули.

Подозрительно довольная, она шла к воротам степенной походкой королевы-матери, я же будто ступала по раскаленным углям. Что-то было не так. Что-то было очень сильно не так…

ГЛАВА 15

Дурдом и зоопарк в одном флаконе

Марфа остановилась, коснувшись ладонью витых прутьев решетки:

— Ну что ж, давай прощаться, Секлетинья.

Но я, окидывая взглядом привычно-величественную позу бабки, медлила. Над ней витал флер торжества и какого-то облегчения, что ли. Будто она чего-то опасалась, и, как выяснилось, зря. Вот этот едва уловимый даже не аромат, а так, намек на него не давал мне просто отпустить бабку, избавившись от ее присутствия. И тут в голове вдруг словно что-то щелкнуло, и я вспомнила вопрос, который так и не удосужилась ей задать.

— Еще один нюанс, бабушка, — с кривой улыбкой проговорила я.

Она приподняла бровь.

— Вы же помните, что я хочу, чтобы вы говорили мне исключительно правду.

— Да ты мне это раз десять на все лады повторила, — усмехнулась Марфа. — Не подкопаешься.

— Отлично, тогда скажите, как умерла Мавра, ваша сестра.

Бабку на мгновение перекосило.

— Понятия не имею, — быстро отозвалась она, но я уже поняла, что нащупала именно то, что нужно.

— Ее убили?

— Да.

— Вы?

— Нет.

— А кто ее убил?

— Какой-то человек.

— Почему он это сделал?

— Я дала ему денег, — прохрипела Марфа.

Она не хотела отвечать. О, как она не хотела отвечать… Она даже пыталась противиться магии Врат, но, разумеется, безуспешно.

— И зачем вы это сделали? — тихо спросила я, присев на корточки и почесывая за ухом глухо зарычавшего Ваську.

— Мне нужен был свиток! — выкрикнула Марфа, окончательно потеряв контроль над собой.

— Какой свиток? Зачем? — холодно уточнила я.

Именно в этот момент я поняла, что пыталась втолковать мне хитрая бабка, раз за разом требуя правильно формулировать приказы. Не формулировка была важна. Точнее, не только она. Я должна была в своей собственной голове четко представлять, что хочу получить, будь то правдивый ответ или определенный вариант поведения. И вот сейчас мне даже смотреть на ошарашенную вампиршу не возникало необходимости. Я знала, что впервые все делаю правильно.

— Список наследниц. Я хотела знать, когда появится новая наследница Врат и кто ей станет. Тот человеческий выродок должен был просто напугать мою дуру-сестру и отобрать у нее свиток. Но он ударил ее слишком сильно! Я этого не планировала!

— А что вы планировали, Марфа?

— Просто получить свиток! И найти наследницу первой. Свиток дает такую возможность. Покидая Врата, Ключ должна носить свиток при себе на случай каких-то непредвиденных обстоятельств! Без него невозможно ввести наследницу в права наследства, и, окажись он запертым в пустых Вратах, конец всем общинам! Кто ж знал, что гадкая девчонка отдала свиток ненавистным хищникам?..

— Вы поэтому помогли мне выбраться из плена Аррея?

— И поэтому тоже. И потому, что тебя нужно было учить. Ты Ключ, нравится мне это или нет.

— Вы так радовались, когда шли по этой тропке к воротам… — Все так же не глядя на нее, я протянула руку. — Отдайте мне то, что взяли здесь.

— Ах ты! — Ее лицо исказила звериная злоба. Но приказ не касаться меня даже пальцем все еще действовал. Да и магия требовала выполнения нового указания. Ругаясь похабными словами, она вытащила из-за пояса небольшой сверток со сломанными печатями и сунула мне в ладонь. — Маленькая хитрая дрянь! Но теперь-то, когда ты получила все, что хотела, отпусти меня!

— Я, может, и не самый опытный Ключ, бабушка, — медленно проговорила я, поднимаясь на ноги. — Но я усердная ученица. А вы… Вы хороший учитель. Как вы наставляли? «Не доверяй. Никогда. Никому».

Она вытаращилась на меня широко распахнутыми от ужаса глазами. Держу пари, она уже в тот момент поняла, что я собираюсь сделать. Но успела только отшатнуться.

А потом я заговорила:

— Замри! Забудь все, что здесь происходило, каждое слово, каждый жест, каждый звук. — Холодные слова падали медленно, как хлопья мокрого снега. — Забудь все, что знаешь о Ключах и Вратах, о Струнном озере и Серых тропах. Помни только, что есть госпожа Потусторонья и нарушить ее приказ для тебя смерти подобно. А теперь уходи!

Словно зомби, Марфа развернулась на каблуках и послушно шагнула в серую муть. Едва она скрылась, я повела перед собой рукой, в которой все еще держала вскрытый сверток, и туманная дымка рассеялась, открывая мне мир по ту сторону Врат. На поляне, как я и ожидала, стоял Аррей и тормошил безвольную, как тряпичная кукла, вампиршу. Я знала, что она не скоро придет в себя. Слишком большой кусок я вырвала из ее памяти. Но сейчас меня это не трогало. Меня вообще ничего не трогало…

— Знаешь, — Васька боднул меня лобастой башкой под колено, — самое лучшее, что сейчас можно было бы сделать, это помыться.

— Ты же не любишь мыться, — невольно хмыкнула я.

— После такого? Обожаю! — фыркнул кот.

Я рассмеялась, и мы пошли обратно в дом. Васька был прав, сперва мне надо смыть с себя весь тот липкий тлен, которым замарала меня зловредная бабка. А потом уже можно и о будущем подумать.

В тот день я так больше и не вспомнила, что я — Ключ. Точнее, сознательно отложила на завтра все те дела, которые меня ждали. Понежившись в горячей воде, я впервые за последнюю неделю поужинала без презрительного хмыканья Марфы над моими отсутствующими манерами. А потом затеяла пускать мыльные пузыри в холле.

Васька, позабыв свою всегдашнюю величавость, скакал, как котенок, еще на взлете сшибая радужные шарики когтистыми лапами. Умаявшись окончательно, мы так и уснули на одном из диванов, невообразимо перепутав лапы-ноги-руки-хвосты. Сквозь дрему я еще успела почувствовать, как Костя заботливо укрыл меня пледом, и провалилась в сон. Вот только вместо розовых пони или, на худой конец, очередного вещего кошмара приснилась мне какая-то муть.

Русская изба с огромной беленой печкой. Бородатый мужик в косоворотке сидел у стены, упираясь локтями в столешницу. Незнакомая женщина в сарафане суетилась у печки, сноровисто орудуя какой-то длинной палкой глубоко внутри. И все… «Декорации прямо из детской сказки. Сейчас какого-нибудь Колобка достанет, — недовольно подумала я. — Нормальных снов у моего подсознания для хозяйки не нашлось? Или кошмарики, или эта вот пастораль?»

«А так?» — снова ожила Васькошизофрения, и комнату наполнил тяжелый тоскливый вой смертельно раненного животного. Подскочила даже бестелесная я, что уж говорить об обитателях избы? Тетка чуть не выронила ухват с каким-то горшком, а хозяин, дернувшись, со всей дури грохнул кулаком по столу. И самое страшное, что так напугавший всех звук шел не с улицы, а откуда-то снизу, будто из подвала.

«Лучше пастораль…» — буркнула я, на всякий случай взлетев под самый потолок.

Шизофрения ответить не успела. Зато заговорил бородатый:

— Сколько можно-то?! Сделай что-нибудь!

— Что могла — сделала, — спокойно отозвалась женщина.

Она достала с полки пучок каких-то сушеных трав и что-то зашептала. Над ее ладонями появилась тонкая ленточка дыма, и колдунья, поспешно приоткрыв крышку погреба, бросила тлеющий пучок вниз.

Серая струйка достигла потолка, и я принюхалась. Пахло лесной поляной и земляникой. Я закрыла глаза, наслаждаясь этим ароматом. А когда открыла, то обнаружила, что стою именно на такой залитой солнечными лучами полянке. Повинуясь неожиданной догадке, я опустилась на колени. Под первым же листиком нашлась алая ароматная ягода.

За несколько минут я набрала целую горсть и присела на прогретый солнцем пригорок под березой.

— Устала? — участливо спросил кто-то.

— Ага… — отозвалась я машинально и, спохватившись, добавила: — Кто здесь?

— Я, — не замедлили отозваться, и я завертела головой. — Я всегда здесь.

Трава на том краю поляны, который примыкал к темному ельнику, шевельнулась. Я напряглась в ожидании представления «Кошмар вещий. Серия вторая». Но из густой зелени поднялся всего лишь обычный парень. Но эта обычность была кажущейся. И я тут же осознала свою ошибку: молодое лицо обрамляли совершенно седые волосы. А стоило ему подойти ближе, на меня взглянули усталые бесцветные глаза столетнего старика.

Хоть и с трудом, но я узнала Роса из своего недавнего сна и, невольно попытавшись отползти, ткнулась спиной в толстый березовый ствол.

— Не бойся. — Заметив мое движение, он тут же остановился. — Я не причиню тебе вреда. Здесь я вообще ни для кого не опасен.

— А где это «здесь»? — с некоторой опаской уточнила я.

Умом я осознавала, что вижу всего лишь сон и в любой момент могу проснуться. И тем не менее предпочитала не рисковать. Мало ли что?

— «Здесь» — это здесь. — Он неопределенно взмахнул рукой, очерчивая сразу и поляну, и деревья, и даже меня.

— Понятно, — кивнула я, хотя не поняла ровным счетом ничего. Впрочем, опасностью от парня действительно не пахло, а я уже привыкла немного доверять своему странному «чутью». Основной проблемой оставалась правильная интерпретация запахов. Припомнив Аррея, я поморщилась.

— Если тебе так спокойнее, то я останусь тут. — Парень по-своему истолковал мою гримасу и сел в траву почти в центре поляны.

— А как тебя зовут? — спросила я просто ради того, чтобы что-нибудь сказать.

— Не помню, — спокойно отозвался он. — А тебя?

— Сэтти.

— Хорошее имя, — кивнул он и снова умолк.

Почему я назвалась именем, данным мне вампирами, я не знала. Оно словно выскочило само собой. Впрочем, я тут же обругала себя за идиотские мысли. В конце концов, это мой сон и я могу назваться тут как угодно. Хоть царицей Савской. Я откинулась спиной на ствол березы и, прикрыв глаза, одну за другой стала поедать ароматные ягоды земляники.

Рос продолжал сидеть посреди полянки под прямыми лучами жаркого солнца и, задумчиво теребя в бескровных губах изжеванную травинку, смотрел на меня.

— Я тебе не мешаю? — поинтересовалась я, чувствуя себя какой-то бабочкой в банке у энтомолога.

— Ничуть, — едва заметно пожал плечами он. — С тобой пришло солнце. Стало тепло. Я люблю солнце. Наверное…

— Со мной пришло?

— Угу. — Рос сорвал новую травинку взамен той, которую выплюнул. — Обычно тут холодно. И

дождь.

— Так зачем ты здесь сидишь? — удивилась я. — Иди домой.

— Так надо… — буркнул он и без малейшей паузы добавил: — Хочешь земляники?

Рос протянул мне раскрытую ладонь, полную спелых ягод. «Не доверяй. Никогда. Никому», — прозвучал в ушах голос Марфы. Я заколебалась. Видимо, что-то такое отразилось у меня на лице, потому что парень сник и опустил руку, сминая ягоды. Сквозь его пальцы просочился сок, собираясь на костяшках алыми каплями.

И вместе с тем куда-то исчезло солнце, и едва заметный ветерок превратился в пронизывающий ветер.

— Эй! — окликнула я съежившегося парня. — Пошли отсюда. Сейчас дождь будет.

Но он, похоже, даже не услышал меня. Только зябко обхватил себя руками. На плечо мне упала первая тяжелая капля дождя. Потом еще и еще, и с неба хлынул настоящий поток. Я заполошно бросилась под деревья, но, запутавшись ногами в густой траве, шлепнулась прямо в глубокую лужу, которой две минуты назад тут не было и в помине.

Я кое-как протерла глаза и уставилась в огромную зубастую пасть в сантиметре от моего лица.

— Мама! — взвизгнула я, отпихивая монстра.

— А мне кого позвать?! Дедушку?! — раздался с противоположного конца дивана недовольный Васькин голос. — Вот и спасай ее, заразу, после этого!

— А? Чего?

— Да брыкалась ты тут, как лошадь. А добудиться тебя мы с Костей никак не могли, — ворчливо пояснил Васька. — Я уж думал, тебе после Марфы кошмар снится, ну и решил принять меры.

— А как-нибудь без водных процедур меня разбудить тебе в голову не пришло? — с сарказмом поинтересовалась я, приподняв за уголок насквозь мокрую подушку.

— А без водных не так интересно, — фыркнул кот. — Должен же я получить хоть какую-то компенсацию за сон, который ты своим пинком прервала на самом интересном месте.

— Ах компенсацию? — с преувеличенной нежностью уточнила я, хватая подушку поудобнее.

— Эй, — попятился наглый зверь, — положь подушку. Ее Костя еще не высушил.

— Серьезно? — притворно удивилась я. — Значит, сейчас и просушим…

Подушка впечаталась четко в то место, где сидел кот. Только зверюги там уже не было. Зато рыжий хвост как раз исчезал за приоткрытой дверью.

— Ну, погоди, с-кот! — крикнула я, снова хватая мокрый снаряд и соскакивая с дивана на пол.

— Брось каку, — крикнул из коридора котяра. — Тогда и погожу!

— А как же, — отозвалась я, подкрадываясь к двери. — Сейчас брошу. Еще секундочку, и…

Я рывком распахнула дверь и швырнула подушку туда, где, по моему мнению, должен был бы находиться Васька. И, как обычно, промахнулась. Какие-то доспехи лишились головы, то есть шлема. А котяра нагло ухмылялся с соседнего подоконника.

— Когда-нибудь я тебя достану, — пообещала я.

— Договорились, — кивнул Васька. — Когда-нибудь — обязательно. А сейчас я есть хочу. Так что пошли уже.

— Слушай… — с подозрением уточнила я. — А мне точно кошмар снился? Или ты просто жрать захотел, гад такой?

— Не знаю, кошмар или нет, но лягалась ты, как лошадь, — спокойно отозвался рыжий. — Меня пнула и разбудила. Ну, я и решил, что давно пора завтракать.

— Наглый ты все-таки, — плюнула я.

— Я не наглый. Я — практичный.

— Скажи Косте, пусть на стол накрывает, практичный ты мой, — невольно рассмеялась я.

Через полчаса мы уже беззлобно переругивались в столовой, и чувствовала я себя вполне довольной жизнью. Вот только странный сон занозой маячил где-то на границе сознания, не давая полностью наслаждаться завтраком.

Как обычно, Васька разделался со своей порцией гораздо раньше меня.

— Когда собираешься наводить порядок в общинах? — мимоходом поинтересовался он, убедившись, что нив тарелке, ни под ней не осталось ни крошки.

— Сами разберутся, — отмахнулась я.

Костя подал к завтраку какой-то невероятный паштет, и я наслаждалась буквально каждым кусочком.

— Это как это сами? — опешил кот.

— А вот так. — Я глотнула кофе и посмотрела коту прямо в глаза. — Именно сами. Решать внутренние проблемы общин — не моя задача. Это мне и Марфа говорила, и в тех книгах, что я потом просматривала, советуют не вмешиваться.

— Решать — это, значит, не к тебе, — сердито прищурился кот. — А создавать — это ты завсегда готова. Так получается? Скажешь, Аррей, а вместе с ним и раскол в вампирьей общине, и проблемы оборотней…

— Проблемы оборотней сюда не приплетай! — перебила я. — По поводу кровососа согласна. Моя ошибка. И за ним я буду присматривать. Если продолжит в том же духе — получит закономерный итог. Надеюсь, Марфа успела посвятить его в подробности и он знает, чем рискует. А вот раскол — это уже внутренняя проблема вампиров. И пока она остается внутри, я к ним не полезу.

— Оборотни…

— А про них вообще не напоминай! Я тут почитала, посчитала… Они и так последние полсотни лет как сыр в масле катались. Можно даже сказать, что я просто восстановила равновесие, нарушенное Маврой в угоду своим любимчикам.

— Равновесие, значит. Ладно… — спрыгнул со стола кот.

— Именно так! — Желание наслаждаться завтраком пропало окончательно, и я резко отодвинула кружку, расплескав недопитый кофе.

Васька остановился в дверях и бросил через плечо:

— А они о равновесии не думали, когда тебя спасать бросились? И на то, что сил у них поубавилось, потому как кое-кто уже успел их «уравновесить», не посмотрели. Подумай об этом.

С этими словами котяра, презрительно тряхнув пушистым хвостом, вышел вон.

— Тоже мне адвокат дьявола, то есть оборотня, нашелся! — обиженно крикнула я ему вслед. Но ответа, разумеется, не получила.

Не то чтобы я думала, будто Васька легко одобрит мое решение не возвращать хищникам обильную энергетическую подпитку. Но надеялась, что, выслушав мои доводы, он согласиться с ними. Как бы не так! Он даже слушать не стал эти самые доводы.

Я облокотилась на стол и уронила голову на руки. Ссора с Васькой причинила почти реальную боль. До сих пор он единственный понимал и принимал меня такой, как я есть. Да, подшучивал. Иногда довольно грубо подшучивал. Но всегда был на моей стороне. А теперь… Я тоскливо посмотрела на приоткрытую дверь.

Костя убирал со стола, не нарушая повисшую тишину даже привычным деловитым пощелкиванием.

— Тоже не одобряешь? — посмотрела я на него.

Судя по тому, что скелет продолжал собирать посуду, словно внезапно оглох, он не одобрял. Зло выдохнув, я встала из-за стола и пошла в библиотеку.

Старинные книги по струнным расчетам, которые подсунула мне Марфа, так и лежали на краю стола. Из-за того, что я увеличила процент, уходящий к вампирам, да еще и дополнительно прижала Струну, уходящую к хищникам, сейчас источник оборотней «пил» почти вдвое меньше энергии, чем раньше. Но даже теперь они все равно получали куда больше, чем им положено.

«Ладно… — проворчала я. — Ну ладно же… Сейчас пересчитаем еще разок. И потом тебя в эти расчеты ткнем рыжей мордой, чертов упрямец!»

Я разложила на столе свои выписки из картотеки, эдакую перепись населения на потусторонний манер и уже взялась было за перо, как наткнулась на сверток со сломанными печатями.

«Кстати… — обрадовалась возможности отложить скучные, а главное, ненужные вычисления я. — Пора бы уже посмотреть, что за свиток такой пыталась стащить драгоценная бабуля…»

Плотный конверт открылся легко, и на стол упал самый настоящий свиток. Желтоватый, из плотного пергамента. Тот самый свиток с длинным списком имен, который Лис однажды выпачкал моей кровью.

Я скользила взглядом по непривычным современному уху именам, пытаясь найти ту, с которой все началось. Но все новые и новые строчки будто всплывали перед глазами. В какой-то момент я сообразила, что все это никак не могло поместиться на небольшом куске пергамента, и уронила его на стол.

«Сколько же нас… — мелькнула в голове непрошеная мысль, и я откинулась на спинку стула, тупо глядя на такой невинный с виду свиток. — Сколько их было до меня? А сколько еще будет после? Тех, кто сунул свою жизнь, как штопор, в эти чертовы Врата, не давая им захлопнуться. Кто год за годом жил исключительно из чувства долга: обязанности, расчеты, справедливость… И не имел ничего для себя, кроме вечного одиночества и подозрительности. Не доверяй. Никому. Никогда. Потому что тебе дана огромная власть, и всегда найдется кто-то, кто захочет отщипнуть от нее кусочек, а твои ошибки оплачиваются кровью и болью».

Я поежилась и подняла с пола вскрытый конверт: убрать этот чертов свиток, пока я с воплями не убежала из этого дома куда глаза глядят. Но стоило мне прикоснуться к пергаменту, как какая-то неровность на чистой, не покрытой именами стороне привлекла мое внимание.

Свечи в канделябре давали слишком мало света, и я щелкнула пальцами, заставляя вспыхнуть люстру на потолке. Я наклонилась, пытаясь понять, что же такое меня обеспокоило, и тут в глазах помутилось.

Теряя равновесие, я схватилась за столешницу, но, не сумев удержаться, все же съехала со стула…

ГЛАВА 16

Без вины виноватый

Я падала на каменные плиты старинной библиотеки, а приземлилась в мягкую траву уже знакомой лесной поляны. И на этот раз сразу увидела ее обитателя. Он сидел ко мне спиной в той же позе, в какой я его оставила.

Под моим взглядом он зашевелился, с какой-то опаской опустил руки и недоверчиво покосился на небо. И тут же резко всем телом развернулся ко мне:

— Ты пришла!

— Привет, — неуверенно отозвалась я, не зная, что еще сказать.

— Она говорила, что ты придешь. Нужно только подождать, — легко улыбнулся парень.

— Да?

— Ага. Она сказала, мол, ты поможешь мне вспомнить… Не помню что… — По его лицу пробежала тень неуверенности. — Но мне кажется, я не должен вспоминать…

— Да о чем ты? — окончательно запутавшись, воскликнула я.

Должна признать, что раздражения в моем голосе было, пожалуй, куда больше, чем любопытства. Непонятные сны, приходящие, когда им заблагорассудится, даже не дожидаясь, чтобы я, собственно, заснула, начинали раздражать.

— Ты сердишься, — констатировал он, немного нахмурившись. — Я не помню почему, но знаю, что так правильно. Я виноват.

— Тьфу ты! — пробормотала я, крепко ущипнув себя за руку.

Разумеется, проснуться мне не удалось. Проклятые видения не только приходили по собственной воле, но и заканчивались так же. Что, черт возьми, происходит со мной на этот раз?! Крыша едет?!

Заметив, что парень сжался, услыхав мою ругань, а на поляне после этого заметно похолодало, я снова выругалась, но уже про себя.

Я видела его два раза во сне и теперь вот в этом… Ладно… Пусть будет тоже сон. Итого три раза. Только в первый раз он со мной лично не общался. Хотя это, наверное, не важно. Печка, изба, сарафаны… Может, он какой-нибудь мой предок вроде Мавры? Та тоже с того света приперлась, решив просветить нерадивую внученьку.

— Рось, а у тебя дети есть? — осторожно спросила я.

— Дети? — заметно опешил парень.

— Или жена? — попробовала зайти с другой стороны я и только теперь сообразила, какую чушь несу.

Я же видела его девушку. И что с ней стало, тоже видела! А судя по тому, что сидящий передо мной парень, если не смотреть ему в глаза и забыть про седину, ничуть не изменился, то…

Додумать я не успела.

По лицу Рося пробежала судорога. Пальцы сжались в кулаки, вырывая целые пучки травы, и по поляне прокатился тот страшный, полный боли и тоски звериный вой, который я однажды уже слышала в избушке.

От ужаса я шарахнулась назад и, не разбирая дороги, рванула в лес. Тоскливый вой подхлестывал не хуже плети. «Слава богу, я переделала Маврины платья в брюки», — мелькнула в голове бредовая мысль, и я кувырком полетела куда-то вниз.

Мне казалось, что я уже собрала своей многострадальной тушкой все торчавшие из обрыва корни и камни, но безумное кувыркание, иногда сменяющееся ощущением свободного полета, все никак не заканчивалось. «Больше никогда не буду смеяться в кинокомедиях», — подумала я и наконец шмякнулась, как большая жаба, на деревянный пол.

— Ну, здравствуй, потомок, — прозвучал над моей головой насмешливый женский голос.

Перед глазами поплыла алая пелена бешенства. Позабыв про возможные переломы и, несомненно, отбитые после такого приземления кишки, я вскочила на ноги:

— Опять неупокоенные предки?! Да как же вы меня задолбали! Что ж вам в гробиках-то спокойно не лежится?!

— Хе… — протянула тетка, совершенно не смутившись. — Это у кого же такое ласковое дитятко уродилось?

— А тебе какое дело?! — рыкнула я. — Ты-то давно покойница. Вот и покойся с миром!

Женщина в полотняном сарафане из предыдущего сна облокотилась плечом о печь и, сложив руки на груди, насмешливо посмотрела на меня:

— Остынь, девица…

— А мне пока остывать рано, — окрысилась я. — Вы вон тоже не торопитесь.

— Я-то уж давно остыла да прахом осыпалась, — усмехнулась она. — А может, где и снова землю топчу. То мне неведомо. Да и не о том у нас с тобой пойдет разговор.

— А вы так уверены, что у нас «пойдет разговор»? Впрочем, дело ваше, — фыркнула я. — Поговорите, пока я выход ищу.

— Не найти тебе выход ни отсюда, ни из сна твоего, пока не выслушаешь меня, — покачала головой женщина. — Хотя я уже и не больно-то уверена, что надо тебе меня слышать.

— Не надо! — тут же закивала я. — Давайте сразу перейдем к финальной части нашего общения. Когда мы дружески прощаемся и вы машете белым платочком мне вслед. Согласны?

— Не ради забавы я тебя сюда привела, — едва заметно нахмурилась тетка. — И не уйти тебе обратно, пока заговоренное не сладится.

— Не согласны, — констатировала я. — Ладно. Хорошо. Я вас внима-а-ательно слушаю. — Я плюхнулась на лавку, закинула ногу на ногу и, скрестив руки на груди, откинулась на бревенчатую стену. — А на то, что у меня глаза закрыты, не обращайте внимания. Мне тут всякие вещие кошмары и прочие чрезмерно общительные предки выспаться не дают. Объединим приятное с полезным.

— Бедная, — с преувеличенной заботливостью проговорила женщина. — Устала, девонька. Ну ляг вон на лавку, поспи. А после и поговорим.

— Тьфу ты! — Я открыла глаза и выпрямилась. — Ладно. Слушаю. Что такое так необходимо мне сообщить, что вам даже смерть не помешала?

— М-да… — Она окинула меня долгим взглядом. — Даже не верится, что это ты. Но никто другой мое послание прочитать не смог бы.

— Так, может, ошибочка вышла? Я никаких посланий в глаза не видела.

— Читать не только глазами можно, но и душой, — назидательно проговорила женщина. — Когда букв и в помине нет, а слова чужие в уме возникают.

— Это уже «шизофрения» называется, — буркнула я.

— Ну уж не знаю, как в твоем времени заговоры окрестили. Только на моей памяти у них название раз пять менялось.

— Не важно, — буркнула я, капитулируя. Ясно, что пока непонятная тетка не выскажется, мне из вывертов собственного подсознания не выбраться. — Давайте уже к делу. Не хочу, чтобы меня Васька в библиотеке нашел. У него какое-то нездоровое пристрастие к воде: опять в луже очухаюсь.

— Васька? — переспросила женщина, внезапно улыбнувшись. — И как он?

— Кот? — опешила я. — Нормально. Полон чувства собственной важности, уверен в абсолютной неотразимости. В общем, вполне нормальный кот, только говорящий.

— И как у тебя с ним отношения складываются? — продолжила допытываться она. — Не ради забавы спрашиваю. Надо так.

Я кое-как подавила очередной приступ злости: в бесполезности споров у меня уже был случай убедиться. Да и первоначальный шок от появления очередной говорливой родственницы уже

прошел, сменившись пока еще слабым голосом разума: «Одну бабку уже упокоила без разговоров, и куда тебя это привело?»

— Нормально складываются. Шуточки у него, конечно, могли бы быть и посмешнее. А так человек хороший. То есть кот хороший, разумеется.

— Хороший человек, это точно, — задумчиво повторила женщина, усаживаясь напротив меня. — А что из прошлой жизни вспомнила?

— В каком смысле? — снова опешила я. — Ничего.

— Да нет. Что-то да вспомнила, иначе заговор на свитке тебя бы сюда не привел…

— Вы уж извините, но я ничего не понимаю.

— Что, и сны тебе в последнее время странные не снились? — прищурилась женщина.

— Да мне в последнее время только такие и снятся. Вы вот, например, сейчас снитесь. Это считается?

— Считается, да только это уже конец, а мы с тобой пока с началом не разобрались.

— Слушайте… Вы меня сюда притащили, чтобы загадки загадывать? — снова начала злиться я.

— Ты не серчай, не серчай, — попеняла тетка. — Я же не просто так спрашиваю. Думаю, как тебе новости… точнее, «старости» сообщить так, чтобы не напугать еще больше.

— Ваши недомолвки уже напугали меня похлеще всех новостей. Пардон, «старостей», — скривилась я.

— Да? Странно. Я в твои годы больше всего боялась ответственность за чужую жизнь на свои плечи брать. Но, раз ты такая бесстрашная, изволь…

— Стоп! Какую еще чужую жизнь?!

— А, — усмехнулась женщина. — Все ж сначала начнем?

— Пожалуй, — пошла на попятный я.

— Изволь… Здравствуй, потомок. Зовут меня Яга, и я твоя нраира… уж и не знаю сколько раз прабабка.

Я почувствовала, как медленно отвисает челюсть, и поспешно захлопнула рот. Вот тебе и «предок»…

— Здрасте…

— Снятся тебе сны непонятные, странные, — нараспев продолжила Яга. — И пугают и притягивают так, что вырваться ты из них не можешь.

— Снятся…

— Ну вот. Не сны это, а жизнь твоя прошлая, прожитая. А может, и не одна…

— Чего? Это я в прошлой жизни мужиком была?!

— А? — сбилась с былинного напева женщина и уставилась на меня.

Настал мой черед любоваться, как она ловит отвисающую челюсть.

— Ага, — не отказала себе в удовольствии съязвить я. — Бегала по лесам, девок деревенских по лугам обжимала… Потом, правда, на полянке застряла. И, судя по тому, что жизнь «прошлая», там и померла с голоду.

— Девок… Поляна… — Яга вскинула на меня загоревшийся одновременно и пониманием и беспокойством взгляд. — Тебе Рос привиделся?!

— И не один раз, — подтвердила я. — Вы что, серьезно?! Он — это я?!

— Нет! Конечно, нет!

Фух…

— Но вот то, что ты его видела, это странно… Очень странно. А что еще ты видела вот такого, будто из прошлого?

— Девушку видела. Птаха! Так он ее назвал, — задумалась я, вспоминая ночной кошмар. — Она сначала с ним гуляла, потом он в рысь превратился. Потом видела ее мертвой, там еще звери дрались. Вас видела в этой вот избушке. Дядьку бородатого. И в подвале у вас кто-то выл… — Я невольно покосилась на прикрытый сейчас половиком люк в подпол.

Яга проследила за моим взглядом и нахмурилась еще больше:

— Не могла ты тот вой слышать… Разве что… Долго ты тут задержалась. Эх… знать бы раньше!

— Да объясните вы по-человечески! — взорвалась я. — Что это за девушка? Кто выл у вас в подвале?! И почему этот парень, Рось, сидит на какой-то поляне и ровным счетом ничего о себе не помнит, кроме того, что он плохой?!

— А погода? Погода там какая?! — Яга вскочила и заметалась по горнице из угла в угол.

— Погода? — ошалела я. — Солнце светит…

Она громко выдохнула и буквально упала обратно на лавку.

— Правда, Рось говорил, что это только когда я прихожу. А так дождь и холодно. Я видела. Вроде…

— Рос… Его зовут Рос… Господи, девонька… Что же я наделала, — схватилась за голову Яга и вдруг тихо заплакала.

С минуту я в полном отупении хлопала глазами. Но в этих слезах, медленно стекавших по пальцам и падавших на кипенно-белую скатерть, было столько тоски, что даже мне стало не по себе. Я встала и, обойдя стол, присела рядом с Ягой, осторожно погладив ее по плечу:

— Эй… Может, не все так плохо? Это же всего лишь сон?

— Очень длинный страшный сон… Только Рос об этом не знает, — качнула головой она. — Для него все по-настоящему: каждая минута… каждый год… или столетие… Ты сколько лет Ключ?

— Лет? Я еще и месяц не отметила.

— Уже легче. Мать твою как звали? А бабку? Были Ключи среди них?

— Нет, — качнула головой я. — Да вы и сами знаете. Бабка моя — Марфа. Ваша дочь. А Ключом я стала после Мавры. — Я назвала дату своего исторического похода за наследством, будь оно неладно.

— Вот оно что… — протянула Яга. — Триста…

— Что?

— Триста лет он там. Быстро ты вернулась. Да для него каждый день за сто лет идет, коли все так, как ты сказываешь. В общем, расскажу я тебе быль одну страшную. А ты уж рассудишь, что прабабка натворила, благо али пытку. Видела ты во сне свою жизнь прежнюю. И что увидала ее, едва Ключом став, признак хороший.

— Почему это?

— Потом объясню. Ты слушай. Было время, в одной из жизней стала я Ключом по матери своей. В тихие годы Врата под мою руку перешли. Жила я в свое удовольствие. И дочку прижила, Марфушу. То ли я ее разбаловала от любви чрезмерной, то ли отцовское что в ней проснулось, а стала она девицей жестокой да заносчивой. Да материнское сердце глаза слепит. Не углядела я в ней злого. И к Вратам с собой брала, рассказывала ей все, что сама знала. Только про жизни прошлые, что каждый Ключ с собой в новую берет, не сказывала. Ни к чему ей то было.

— Почему?

— Потому что Врата наследницу Ключу сразу по рождении отмечают. И имя ее в свиток пишут. Какое при рождении дадено, то и запишется. А коли имя сменится али наследница умрет, то и запись поменяется. Понятно? Знала я, что не быть Марфе Ключом. Оттого и таскала ее за собой к Вратам да к озеру, чтобы показать, что не дар это бесценный, а ярмо тяжелое.

— Понятно…

— Тебе понятно. А она не поняла ничего, — с сожалением покачала головой Яга. — Родилась у меня

вторая дочь. От мужа дорогого да любимого. И Врата ее наследницей признали. Глупость я сделала, Марфе о том сразу же и рассказала. А она обиду затаила. Дочь я сестре своей, знахарке деревенской, на воспитание передала. Чтобы успела девочка пожить жизнью живой, прежде чем к Вратам отправляться. Так в нашей семье спокон веку заведено было. Парень у нее завелся. Рос этот. Мужа моего брат названый. Я только обрадовалась. У оборотней век долгий, не Ключам чета, но и не человек-однодневка.

— Почему это однодневка? — перебила я.

— Потому что жизнь у них короткая. Ключ, если никакой беды не случится, и триста лет живет, и четыреста, и больше бывает. И уходит на Серые тропы своей волей. Нет для нас старости — Врата не дают, — пояснила Яга. — А вот любим мы один раз и навсегда.

— На всю жизнь? — почему-то шепотом переспросила я.

— На все жизни, — поправила женщина. — И за избранником одним по всем мирам пройдем, как и он за нами. Потому что наша кровь одна на все миры.

— То есть? — тупо переспросила я. — Мы что, не люди?

— Мы — Ключи. Нет для нас родной земли. Или все родные, это уж как тебе больше нравится, так и считай. Души наши меж мирами ходят. А тела… Тут уж как попадет.

— М-да… — протянула я.

— Вот тебе и «м-да». Сама понимаешь, об этом я Марфе тоже не сказывала. Вот так я и жила, горя не зная: одна дочь ведовство познавала, другую Врата выбрали. Ну и я с мужем любимым, которого таки дождалась в этом мире, с Серых троп встретила и… — Она оборвала саму себя и виновато посмотрела мне в глаза. — Недосмотрела я. Не прознала, когда Марфа дурное замыслила да сотворила. Очнулся Рос на лесной поляне в звериной шкуре, а рядом дочка моя, мертвая. Да память ему подсказывает: мол, тут ты ее ждал, приревновал да горло ей вырвал.

— Как… — охнула я. — Но ведь Мавра…

— Погоди, — отмахнулась Яга. — Ты дальше послушай. За такое беззаконие его свои же оборотни чуть в клочья не порвали. И порвали бы, да я с Гором подоспела. Мне-то Марфино ведовство глаза застить не могло. Сразу я негодную дочь на чистую воду вывела. Убила она сестру, а Роське сон наведенный послала, как он ее жизни лишил. Осерчала я шибко. Силы ведовской ее лишила. И оборотням дозволение дала убить, коли найдут. Не нашли. Потом уже я узнала, что к вампирам она подалась, у них и схоронилась.

Яга дотянулась до стоявшего на углу стола кувшина с водой и, не заботясь о падающих на скатерть каплях, отпила прямо из горлышка.

— Только поздно было. Дочь умерла, а Рос от горя да ужаса, что сотворил такое со своей зазнобой, умом повредился. Долго я пыталась до него достучаться, сказать, что нет на нем вины. Да так и не сумела. Хотела уж было отпустить его на Серые тропы, но не дало что-то. Теперь-то, пожалуй, понятно что. Дочка не позволила.

— Так она же умерла, — ляпнула я.

— Для любящих смерть не помеха. Тем более коли Ключ любит. И ведут нас Серые тропы в тот мир, где любовь оставили. И не через озеро, а прямо в жизнь. Такое уж наше племя. Умрет Ключ раньше своего избранника, обязательно вернется к нему. Да только иногда зря. Не доживет он до возвращения, или разминутся они. Всяко бывает. И получит Ключ жизнь без любви, только с памятью.

— Мавра… — пробормотала я, вспомнив двоюродную бабку.

— Вот и сидела я, как та лисица глупая да жадная, все рядила, как правильно будет, — продолжила Яга, не обратив на мое бормотание никакого внимания. — Коли Рос — избранник моей дочки, то может она в пустой мир вернуться и такую же пустую жизнь во Вратах прожить. И в моей власти это изменить, привязав его к Вратам таким заговором, что лишь ее душа увидеть и снять сможет.

— А если нет?

— А если нет… — эхом повторила женщина, — то обрекала я его этой привязкой на жизнь бесконечную и бесцельную. Или того хуже, на освобождение от любимой да нелюбящей. И если я раньше думала, что уснет его боль вместе с памятью в человечьем обличье, то теперь вижу, что ошиблась: только отделила одно от другого.

— И вы его все-таки привязали? — не выдержала я. — Иначе я бы Роса на поляне не встретила?

— Привязала. Гор меня уговорил. Привязала да морок накинула, чтобы Марфа, если паче чаяния к Вратам проберется, его не узнала да не сгубила. Силы ведовской у нее больше не было: не по силам ей сквозь мой туман видеть.

— Привязали… Морок накинули… Оборотень… Так это что? Это Васька, что ли?! — наконец додумалась я.

— Догадалась, — невесело усмехнулась Яга. — Да, он. А его память с болью я на той поляне заперла. Только думалось мне, что она спать будет. Да, видать, боль сильнее моих чар оказалась. Память связана, а боль не спит.

— Так почему же Мавра его не освободила, если выжила?! — обозлилась я.

— Мавра? — заметно опешила женщина. — А при чем тут меньшая дочь?

— Так, стоп. — Я потерла виски, пытаясь рассортировать мысли в гудящей голове. — Марфа — старшая дочь, бывшая ведьма и убийца. А Птаха — это младшая, Мавра. Так?

— Птаха — это Птаха, — удивленно качнула головой Яга. — Мавра уже после ее смерти родилась.

— Не понимаю. Васька как-то обмолвился, что помнит ваших дочек. Что они не ладили, дрались, как мальчишки, Марфу и Мавру.

— Это он себе так объяснил. Не может он их вдвоем помнить. Когда Мавра родилась, он уже котом по особняку озерному ходил. Она в его памяти Птаху заменила. Уж и не знаю, почему так вышло. Видать, сильно любил он мою доченьку, раз даже ведовством не все воспоминания у него отобрать удалось. И ты так долго уйти не могла, что и посмертные дни запомнила… Наверное…

— Я? Это что же получается, Птаха — это… я?!

— Конечно, — едва заметно пожала плечами Яга. — Свиток только душе Птахи открыться мог и сюда пустить. Жизнь ее ты вспоминала.

— Э… Знаете что… Это уже какой-то сюр! Я знать не знаю этого полоумного Роса. И уж точно не влюблена в собственного кота, пусть он хоть тысячу раз говорящий! — Я почувствовала, как начинает кружиться голова. — И вообще! Я — это я! И никакая не Птаха. У меня своя жизнь! И жить чужой я не собираюсь. Тем более я не буду любить непонятно кого только потому, что его любила она! Понятно вам?!

— Понятно. — Она грустно кивнула. — Что уж тут непонятного? Ты вольна и любить и жить, как пожелаешь. Ключом ты тогда стать не успела и жизни свои не вспомнила. Может, и не твой это избранник вовсе, а я, старая, себе придумала.

Я резко выдохнула и застыла с открытым ртом. Мне казалось, прабабка будет убеждать, что я и есть реинкарнация погибшей девушки, доказывать что-то, взывать к долгу… Что там еще делают в таких случаях? И собиралась отбиваться, защищая свою личность. А вот к такому спокойному принятию оказалась совершенно не готова.

— Исполни просьбу. Точнее, исправь прабабкину ошибку. Отпусти его. Расскажи ему все и отпусти. Довольно он настрадался. Пусть идет на Серые тропы и, может быть, где-нибудь однажды найдет свою Птаху.

— Я не знаю как. — Я беспомощно развела руками, разом растеряв всю боевитость.

— Хозяйка во Вратах всесильна, — напомнила Яга. — Тебе достаточно позвать его по имени и приказать пропасть мороку и путам. Только расскажи ему правду еще там, на поляне. Пусть очнется, зная, что не убивал любимого человека. А потом отпусти. Струнное озеро примет тело и проводит душу на Серые тропы.

— Это вы мне предлагаете казнь совершить, что ли?!

— Нет… освобождение. Спроси себя, твой это избранник или нет. И если нет, то отпусти. Только не думай долго. Помни о той поляне.

— И о том, как там бывает холодно, — неожиданно для самой себя проговорила я. В ушах снова загудел тоскливый, полный боли вой, и я вдруг поняла, что переступлю через собственное неприятие такого исхода и послушаюсь прабабку. Потому что сама бы на его месте точно хотела, чтобы меня отпустили.

ГЛАВА 17

Решать — дело сложное

Очертания предметов поплыли, подернулось дымкой грустное, словно разом постаревшее лицо Яги. Голова закружилась, и я почувствовала, как снова куда-то падаю. Только на этот раз обошлось без паники. Все еще под впечатлением от услышанного, мыслями я была слишком далеко. Но если бы кто-то спросил, где именно, я вряд ли сумела бы ответить.

Какая-то часть меня вспоминала лесную поляну и легкую улыбку, будто осветившую изнутри измученное лицо запертого в собственной памяти Роса. Другая — пыталась осознать, что такое накрутила прабабка в своем колдовстве.

С оборотнем все было более-менее понятно. Это не трансформер какой-нибудь, у которого нужные части изнутри выдвигаются и туда же, внутрь, убираются. Куда-то же девается их вторая форма при превращении. Вот это «куда-то» и использовала ведьма: заперла там человеческую ипостась Роса вместе с болью и, наверное, как-то заблокированной памятью, привязав звериную к особняку.

А вот во всем, что касалось лично меня, я не понимала ровным счетом ничего. Принять, что действительно видела во сне себя, просто в каком-то другом облике, оказалось неожиданно трудно. Конечно, за последнее время я выяснила о себе столько нового и интересного, что одной странностью меньше, одной больше, особо роли уже не играло. Но такое… Возможно, было бы легче, если бы не россказни про великую любовь «одну на все жизни».

Додумать я не успела, вдруг сообразив, что замерзла. А холодно мне потому, что лежанкой мне служат каменные плиты пола в библиотеке. Я открыла глаза и увидела над головой медленно приближающееся серебристое пятно смутно знакомой формы.

Примерно три секунды мне понадобилось, чтобы опознать предмет и завизжать. А на четвертой ведро опрокинулось, и хлынувшая вода залила и глаза, и рот, и даже уши. Визг захлебнулся и в прямом и в переносном смысле, и я забарахталась, пытаясь увернуться.

— О! — Васька, как всегда, был невозмутим. — Очнулась. Припадочная какая-то нам хозяйка в этот раз досталась, да, Костя?

— Ах ты, скотина! — рявкнула я, кое-как поднимаясь на четвереньки. — Мне что, на каждый кран тут запрет наложить, чтобы исключить внеплановые купания?!

— Ты внеплановый отдых исключи, и купания не понадобятся, — парировал Васька.

Он обошел меня вокруг, зачем-то понюхал мое ухо и, удовлетворенно кивнув, отошел, брезгливо встряхивая мокрые лапы. Очередная порция воды, прилетевшая в лицо, взбесила меня окончательно.

— Все! Допрыгался, вредитель лохматый! Отправляйся мышей ловить! Там тебе самое мес… — Я осеклась.

— Да, да? — переспросил кот с видом оскорбленной невинности.

— Нет, ничего, — махнула рукой я и поплелась переодеваться.

Котяра разве что рот не разинул от удивления, проводив меня ошалевшим взглядом, но сейчас это трогало мало. Чувствовала я себя, прямо скажем, странно. Отправить «погулять» в очередной раз отличившегося кота — это нормально. А поступить так с человеком? Ну хорошо, не совсем с человеком и тем не менее с разумным существом. Хотя назвать разумным Ваську, особенно когда по его указке только что получила ведро воды на голову… А… блин!

В сердцах я пнула подвернувшийся под ноги пуфик и, стащив насквозь мокрый костюм, достала из шкафчика большое полотенце. Выбросить из головы безумную поляну в несуществующем лесу никак не получалось. Но и как воплотить в жизнь решение, принятое после разговора с Ягой, я совершенно не представляла. Яростно растирая влажную кожу, я пыталась представить себе будущий разговор. Представлялся почему-то исключительно бред с оттенком низкопробного сериала.

«Здравствуй, Рос. Ты не убивал свою невесту. Это сделала моя полоумная бабка. Сейчас я верну тебе твою хвостатую ипостась и покажу дорогу на Серые тропы». Чушь! Попробуем по-другому.

«Здравствуй, Рос. Я про тебя сон видела. И сейчас тоже вижу…» Еще хуже!

Я снова пнула многострадальный пуфик и перебралась в гардеробную. Одно из платьев Мавры безропотно превратилось в спортивный костюм. Не знаю, из каких глубин памяти выплыла эта

модель, но даже в своем теперешнем состоянии я вытаращилась на собственное творение, как баран на новые ворота. Черно-белое нечто, разукрашенное надписями «adidas». Где я умудрилась увидеть этот шедевр китайской швейной промышленности, не представляю. Но костюмчик получился аутентичным до последней кривой строчки и перекошенной молнии. Даже нитки кое-где свисали.

Впрочем, удивлялась я недолго: плюнула и принялась одеваться. Какая, к черту, разница, что на мне надето? По швам не расползается, Костя в обморок от ужаса не падает, и ладно. У меня и без недель высокой моды проблем хватает.

Но вернуться к главной проблеме, занимающей мои мысли, я не успела. Потому что эта самая проблема пришла сама и скромно поскреблась в дверь.

— Сень, ты одета? Можно к тебе?

Обалдев от совершенно несвойственной коту вежливости, я чуть не села мимо стула.

— Сень? — уже обеспокоенно позвал Васька. — Ты в порядке?

— А если не в порядке, опять Костю за ведром пошлешь? — ухмыльнулась я.

Дверь скрипнула, и в щель просочился кот.

— Я ж не сразу за ведром, — слегка пристыженно проговорил он. — Я сперва своими силами пытался.

— Надеюсь, без попыток сделать искусственное дыхание рот в рот, — ляпнула я, прежде чем успела подумать.

— А это как? — заинтересовался Василий.

Видение приближающейся к лицу зубастой морды настолько перекликалось с тем сумбуром, который творился в моих мыслях и чувствах, что меня вполне реально передернуло.

— Никак, — поспешно сказала я. — Без зоофилии обойдемся.

— А это что?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Ты чего пришел-то?

— Так это… — Васька всем своим видом демонстрировал раскаяние. — Я же не со зла тебя водой. Просто испугался очень. А ты воду любишь — сразу очухиваешься.

— На этот раз я очухалась за секунду до того, как ты меня искупал. И воду не люблю!

— Не любишь?

— Ну то есть люблю, конечно. Но не в таких количествах. В смысле и в таких тоже, но не там… Тьфу! Совсем ты меня запутал.

— Я? Это ты сама постаралась, — фыркнул кот. — Я, вообще, извиниться пришел.

— Извиняйся, — охотно кивнула я. — Хотя нет, погоди. Сейчас я приму приличествующую такому историческому событию позу. Настроюсь. Это же такая редкость. Можно сказать, исключительное явление.

Я сложила руки на коленях и с преувеличенным вниманием уставилась на кота.

— Вот и чего ты все в фарс превращаешь? — насупился Васька. — Я же и правда извиниться хотел.

Перед глазами снова всплыла чертова поляна, и шутить тут же расхотелось.

— Ладно, Вась. Проехали.

— Сень, — с подозрением прищурился он. — С тобой точно все в порядке?

«Вот же ж гад проницательный! — мысленно ругнулась я. — И что ему отвечать прикажете?!»

— Ты не злись на меня, — неожиданно спокойно заявил Васька, по-своему истолковав мое молчание. — Я к тебе привязался уже. Ты, конечно, безголовая и иногда такие фортели выкидываешь, что удивительно, как тут еще ничего не развалилось. И вообще не знаю, была ли еще у Врат такая недохозяйка…

— Ты же вроде извиняться собирался, — хмыкнула я.

— Но ты никому зла не желаешь. — Кот проигнорировал мою ремарку. — И сделать пытаешься не так, как хочется или просто, а по справедливости. А вот этим на моей памяти разве что Яга похвастать могла. И то не всегда…

Пока я ловила стремительно отвисающую челюсть, кот подошел и боднул меня в бок лобастой башкой.

— Если я тебя ругаю, то это потому, что боюсь за тебя. Ты ж так и норовишь шею на ровном месте свернуть. А теперь еще и обмороки эти… Но Вратам нужна такая хозяйка. И мне нужна.

Я молча почесала его за ухом, совершенно запутавшись в собственных чувствах и мыслях. Зловредный, хамоватый, болтливый кот. И единственный в этом безумном мирке друг. Единственный, кто ничего от меня не хочет, кроме добра мне же. И вот как его такого отправить на Серые тропы? А самой как потом? Без него?

«Но это никакая не любовь! — поспешно додумала я. — Он мой друг! Вот он кто!»

И тут же в ушах зазвучал отдаленный и еле слышный, но от этого не менее тоскливый звериный вой.

Больше мы в тот день к извинениям не возвращались. Зато я ходила как пыльным мешком пристукнутая, то вспоминая поляну и ругая себя за эгоизм, то уговаривая, что Васька-то вот он и ни о каких полянах не знает и как бы хуже не сделать всякими откровенностями.

Кое-как я промаялась до обеда. Васька, будто чувствуя мою нервозность, постоянно крутился рядом, что не добавляло мне спокойствия. Наверное, именно поэтому, когда вдруг ударил гонг, я, наплевав на решение ни с кем пока не встречаться, бодро поскакала к воротам.

Но, как говорят, если день не твой, то он не твой во всем. Я надеялась увидеть маму. В крайнем случае Георгия с просьбой вмешаться в дела общины вампиров. А вместо этого за туманной дымкой обнаружился Лис. Мало того, я прибежала так быстро, что еще успела увидеть, как он нетерпеливо махнул рукой Серому, и тот быстро скрылся в придорожном кустарнике.

«План по охмурению глупой госпожи Потусторонья переведен в активную фазу? — зло подумала я. — Ну держись, зверюга хитрохвостая».

Не стирая с лица презрительную ухмылку, навеянную воспоминаниями о случайно подслушанном разговоре, я взяла оборотня за руку и провела через Врата. Бесплотный призрак завис в миллиметре над тропкой, а там, в реальном мире, тело Лиса выгнулось дугой и обмякло. Он не упал, а словно очень глубоко задумался, бессильно опустив плечи и свесив голову на грудь. Кусты снова зашевелились, и среди нижних веток мелькнуло что-то серое. «Залег, гад!» — фыркнула я и развернулась к Лису.

— Здесь и сейчас ты будешь только смотреть и слушать! — приказала я, прямо посмотрев в пустые глаза оборотня. — Разрешаю душе жить.

Он глубоко вздохнул и склонил голову, будто приветствуя меня. Его губы дрогнули, но магия Врат не позволила ему заговорить. С саркастической улыбкой я наблюдала, как недоумение на его лице сменяется пониманием, а потом настоящей паникой.

— Лучший способ не быть обманутой — не слушать ложь, — сказала я.

Лис быстро замотал головой и даже руками замахал, демонстрируя, как, но его мнению, я не права. Но теперь меня не так просто было сбить с толку.

— Не поднимайте ветер, — буркнула я, — терпеть не могу пыль. Или вам заодно запретить двигаться?

Мужчина замер, прикусив губу.

— Так уж получилось, — продолжила я, желая внести ясность как можно скорее, — что я слышала ваш разговор с Волком. «Подружись с девочкой…» Так? Я знаю, зачем вы явились. Поэтому позволила себе избежать лживых комплиментов и прочей ерунды, попросту запретив вам болтать, господин Фокс.

Внезапно оборотень вскинул голову и, сжав ладони перед грудью, бухнулся на колени. От неожиданности я шарахнулась назад, а он, не обратив на это никакого внимания, демонстративно провел пальцами по губам и снова протянул ко мне сцепленные в замок руки. Я почувствовала, как медленно закипаю. Сцена отдавала грубой театральщиной из дрянного сериала. Кажется, после

этого смазливый герой обязательно сообщал героине, что не может без нее жить.

— Вы отвратительны! — выдохнула я, кое-как справившись с непослушным горлом. — Ни перед чем не остановитесь, да? Так вот, уважаемый… Хотя что это я? Какой там «уважаемый»?! Как раз совсем наоборот! Неужели так сложно понять, что решение уже принято и обжалованию не подлежит?!

Оборотень отшатнулся, неверяще глядя на меня снизу вверх, но я уже справилась с первоначальным шоком, и его гримасы ничего не меняли. Разве что отвращение только усилилось. За кого они меня принимают, если думают, что я куплюсь на сценку из бульварного романа и поспешно растекусь послушной розовой массой у их ног?!

— Я все сказала, — отрезала я, опасаясь, что сорвусь и попросту обматерю мерзавца. — Убирайтесь отсюда! Немедленно!

Рука сама взлетела в воздух, указав в сторону Врат, и оборотень, слава всем богам, подчинился. Он встал, дернулся, будто собираясь отряхнуть брюки, но вовремя спохватившись, выпрямился и шагнул в туман.

Я видела, как там, в реальном мире, он пошатнулся, когда Врата вдруг перестали удерживать его руку. Как широко распахнулись его глаза, а губы судорожно втянули воздух. Брезгливое отвращение накрыло меня высокой волной, и я отвернулась.

«Теперь всегда будет только так? — тоскливо подумала я, едва передвигая ноги идя к особняку. — Фальшивые трагедии, фальшивые взгляды и не менее фальшивое отношение? Черт… Пожалуй, уж лучше Волк с его матерщиной. Тот хотя бы говорил, что думал, и не пытался изображать восхищение там, где ему не место. И вот как я должна отпустить Ваську?! Как? Да я же с ума сойду один на один с такой массой лжи!»

«А он там, на поляне, с ума не сойдет один на один с самим собой?» — тут же ожил внутренний голос, и мне захотелось срочно постучать головой о какую-нибудь стену.

Ну почему я должна делать такой выбор?! Почему?!

— Эй! Ты чего какая-то перевернутая? — выплыл из-за угла особняка Васька, легок на помине, и потерся плечом о мои ноги.

— А ты, можно подумать, не подслушивал, — проворчала я.

— К сожалению, нет, — качнул головой котяра и, спохватившись, поправился: — То есть я хотел сказать «разумеется»! Разумеется, я не подслушивал!

— Ну конечно, — невольно усмехнулась я. — И гонг не услышал, да?

— Услышал. Но я на заднем дворе был. Ты же меня мышей ловить отправила. Я подумал, что самое время. Ну и не уйти было.

Припомнив собственный приказ, я слегка порозовела и не стала уточнять, не смог он уйти или не захотел.

— Кстати, — напомнил о себе Васька. — Хочешь мышку?

— Нет! — подскочила я, разом позабыв об угрызениях совести.

— Жаль. Я так старался. Может, все-таки…

— Я же сказала: нет! — взвыла я, на всякий случай оглядываясь, не поджидает ли меня где-нибудь отвратный кошачий трофей.

— Точно? — ангельским тоном уточнил кот, и до меня наконец дошло, что меня тонко и беспардонно троллят.

— Ну ты и жук! — ухмыльнулась я.

— Я — кот! — гордо заявил Васька.

— С-скот ты.

— Согласен.

— Да?

— Разумеется, — с достоинством ответил нахал. — Я тут уточнил, зачем ты все время это «эс» добавляешь. Словари почитал всякие. И разобрался.

— И зачем же?

— Так это же иноземная приставка «супер» так сокращается. Есть у них там в заморских странах всякие разные герои: X-Men, S-man. Ну а я, значит, с-кот, то есть суперкот.

— Супернахал ты, — рассмеялась я, окончательно приходя в себя после натянутой сцены у ворот. — И психотерапевт по совместительству. Уточни как-нибудь, что это значит.

— А я и так знаю, — важно выдал Васька. — От Мавры слышал. Это тот, кто женские бредни слушает и деньги за это получает.

Я задохнулась от смеха и продолжить разговор не сумела. Однако Васька не был бы Васькой, если бы забывал свои вопросы. Или если бы выбирал для них подходящее время.

— Так кто приходил-то? — спросил он, едва мы сели обедать и я поднесла ко рту первую ложку супа.

Бульон полился не в то горло, и я, чихая и кашляя, чуть не перевернула тарелку себе на колени.

— Вот надо ж тебе было именно сейчас об этом напомнить? Только аппетит испортил!

— Мр-р? — удивленно прижал уши Васька.

— Хищник твой любимый приходил, — буркнула я.

— Серый?!

— Нет, рыжий… В смысле Лис. Все никак не угомонятся, сволочи.

— Я тебе говорил, что они не могут «угомониться», — проворчал кот. — Для них твоя «уравниловка» — это вопрос жизни и смерти.

— Да, да, — отмахнулась я, заново переживая отвратительную сцену у ворот. — Привыкли Мавре голову морочить, а мне не получается. Ой-ой-ой, как обидно. А давайте на нее орать, вдруг испугается. Не вышло? Ладно. Тогда мы ей романтику предложим, авось купится? Срочно воплощаем в жизнь самые душещипательные моменты из любовных романов!

— Слушай, — замотал головой котяра. — Ты о чем вообще? Какие романы?

— Да Лис твой ненаглядный меня глазами поедал и на колени передо мной падал…

— Споткнулся? — на полном серьезе уточнил Васька.

— Как он мог споткнуться? Он же призрак! — взорвалась я. — Я что, дура, чтобы после всего случившегося сюда хоть кого-то во плоти пускать?!

— Погоди, — вытаращился кот. — Это Лис у тебя что-то на коленях выпрашивал?!

— А я тебе о чем?! Совсем с ума посходили там с этим источником. Разожрались при Мавре и…

— Что он тебе сказал? — Васька, словно и не услышав меня, продолжал гнуть свое.

— Ничего! — окрысилась я. — Я, может, и дура, но дура всесильная. И очередную сказку в исполнении твоего любимого хищника выслушивать не обязана.

Кот мотнул головой, словно отказываясь верить в то, что слышал. Он даже забыл про недоеденную рыбу и, проскочив мимо тарелки, как мимо пустого места, прыгнул ко мне.

— Перед тобой оборотень на коленях стоял и ты его не выслушала?!

— Да! — рявкнула я, обозлившись уже всерьез. — На меня театральные эффекты не действуют!

— Сень… — Васька явно сделал над собой усилие, пытаясь говорить спокойно. — Если оборотень на колени встал, значит, припекло сильно. И вряд ли это что-то личное. Они гордые очень.

— Видела я, какие они гордые, — огрызнулась я, но какое-то сомнение уже шевельнулось глубоко в душе: неужели меня угораздило опять где-то не разобраться.

— Ты можешь мне не верить, но я все равно скажу. Никогда ни Волк, ни папаша его ничего у Мавры не просили. И у Яги тоже. И Лис тут бывал не раз. Я его хорошо помню. Веселый, обходительный. Но ни одной просьбы никто от него не слышал. Да, других видел. Иных и за разумных признать

сложно. И выпрашивали, и обмануть пытались. А оборотни — нет.

— Хорошо, если ты так настаиваешь, я еще раз посчитаю, — сбавила тон я. — Но, хоть убей, не понимаю, что у них такого жизненно необходимого! И так по всем расчетам получается, что на их общину до сих пор куда больше силы уходит, чем на такое количество жителей положено!

— Да откуда ты можешь знать, сколько у них теперь жителей?! — зашипел Васька. — Ты же с ними встречаться и расспрашивать их отказываешься!

— Так. Все! — резко отодвинула тарелку я. — Сейчас пойду и займусь этой ерундой снова. Но если опять получится, что все верно, больше мне о них не напоминай. А то вообще до полной нормы урежу, адвокат хвостатый!

— Детей не забудь сосчитать, если сумеешь, счетоводка фигова, — бросил мне вслед кот, когда я уже была в коридоре.

От этих слов я споткнулась на ровном месте, едва не врезавшись в какие-то доспехи. А действительно. Это же не вампиры. У них дети бывают! И как в таком случае распределяется энергия?!

Уже подозревая, что снова села в здоровенную калошу, я поспешила в библиотеку. Вот когда я научусь читать всю книгу полностью, а не только ту главу, которая понадобилась в данный момент?!

ГЛАВА 18

Рос

Но заняться расчетами мне опять не удалось. Задерганная собственными сомнениями и обвинениями Васьки, я, не подумав, смахнула в сторону свиток наследниц. Сообразив, *что именно* только что улетело вниз вместе с мусором, я выругалась и полезла под стол. И стоило мне взяться за проклятый пергамент, как в глазах снова помутилось. «Поспеши…» — услышала я тихий голос Яги, проваливаясь в странный мир несуществующего леса.

Поляна встретила меня пожухлой травой и голыми ветками деревьев. «Осень», — мелькнула в мозгу почему-то испуганная мысль, и я завертела головой, высматривая Роса. Тот лежал, подтянув колени к груди, под отяжелевшими от воды еловыми лапами, словно в маленьком шалаше. Опасаясь трогать мокрые ветки, чтобы не вызвать над парнем локальный ливень, я осторожно присела рядом на корточки.

— Рос? Ты спишь?

— Нет, — не оборачиваясь, тихо отозвался он.

— Вылезай. Дождь кончился.

— Он сейчас опять пойдет. Так всегда бывает, когда я отсюда выбираюсь.

Он говорил вроде спокойно, но было в его голосе что-то такое, от чего я невольно поежилась.

— Не пойдет. Ты же говорил, что, когда я прихожу, солнце светит.

— Да? Не помню, — сказал парень, но все же одним кошачьим движением вывернулся из-под мокрых веток и присел на пожухлую траву рядом со мной.

— Видишь, нет дождя, — озвучила очевидное я.

Мне было совершенно не ясно, как вываливать на парня откровения, которыми нагрузила меня прабабка. И в то же время я буквально нутром чувствовала, что ему нельзя здесь больше оставаться. Несуществующий лес умирал. Можно было бы назвать это осенью, но что будет, когда придет зима?

— Вижу, — кивнул он, слабо улыбнувшись. — Тебя и небо и лес любят.

— И тебя любят.

— Наверное. — Он то ли равнодушно, то ли безнадежно пожал плечами. — Раньше я гулял там. Теперь не пускает.

— Кто?

— Лес. Он больше не пускает меня к себе. Я сделал там что-то плохое. — Голос Роса упал почти до шепота, а руки словно сами собой зябко обхватили плечи.

— Ты не сделал ничего плохого! — воскликнула я.

— Сделал! — Парня начала бить крупная дрожь.

Не осознавая, что делаю, я потянула его к себе, пытаясь согреть.

— Нет. Ты ошибаешься.

— Да? — Его лицо на мгновение осветилось надеждой, но лишь на мгновение. — Нет! Я знаю! Я убил ее! Не трогай меня! Отойди!

Он вырвался и отскочил назад, врезавшись спиной в мокрые еловые лапы.

— Рос, я…

— Не подходи! Я — зверь! Я опасен! — выкрикнул он, вжимаясь в колючие ветки. — Я не хочу навредить и тебе! Уходи!

— Да нет же! — воскликнула я.

Но парень словно не услышал. В его глазах плескалась откровенная паника. И постепенно она же завладевала и мной. Поляна умирала. Лес, судя по тому, что Рос больше не может туда ходить, уже

умер. Что будет, когда погибнет весь этот несуществующий островок? Дрожащее от нестерпимого холода тело, бесконечно умирающее в сугробе под высохшей елкой? Или тогда он все же умрет окончательно? И что будет с Васькой? Тысячи вопросов роились в моей гудящей голове, и я понимала, что знаю ответы.

Что мне подсказывало, интуиция или знания из какой-то прежней жизни? Неизвестно. Но я знала, что когда исчезнет несуществующее убежище, исчезнет и человеческая ипостась Роса. Не уйдет на Серые тропы, чтобы переродиться где-нибудь еще, — просто исчезнет навсегда. Васька превратится в обычного кота, а когда истощатся наговоры Яги — в одомашненную рысь и даже говорить в конце концов разучится.

Меня передернуло, и я, не обращая внимания на ледяные капли, посыпавшиеся с хвои, рванулась к забившемуся в самую гущу веток человеку.

— Рос, выслушай меня!

— Не подходи!

— Так я тебя и послушалась, — буркнула я себе под нос, обнимая дрожащего словно в лихорадке парня.

Он попытался вырваться, но ствол ели и толстые ветки держали крепче моих рук.

— Ты ничего ей не сделал! Ее убил не ты! Все, что ты видел, — мираж, видение, которое подсунула тебе Марфа! Это она убила Птаху, а не ты! — отрывисто выдыхала я куда-то ему в ключицу. — Ты ни в чем не виноват!

— Но я видел… Я видел…

— Ничего ты не видел! — выкрикнула я, чуть отстраняясь, чтобы видеть его лицо. — Ничего, кроме морока треклятой Марфы! Когда ты пришел на ту поляну, Птаха уже была мертва!

— Марфа? — Кусая губы до крови, Рос всматривался мне в глаза, словно впервые увидел. — Она сказала, что Птаха ждет меня там. Что у нее что-то случилось! Я прибежал, а она… она… Она обнимала Гора! И он ее целовал! И тогда я убил ее!!!

Он рванулся с такой силой, что одна из веток с треском обломилась, выпуская его из елового плена. Острый сук проехался по ребрам, распарывая и рубаху и кожу. На седую от инея траву закапала алая кровь.

— Нет, черт возьми! — рявкнула я. — Тебе это только привиделось!

— Нет!

— Да! Если Гор там был, то почему не вмешался, когда ты убивал Птаху?!

— Почему? — Рос застыл. — Гор… Он пропал…

— Чушь! Его там и не было! И тебя не было! И Птахи! Ее убила Марфа!

— Но… Но зачем? — Он поднял на меня взгляд, полный непонимания. — Зачем она убила ее? Зачем заставила меня поверить, что я…

— Дрянь потому что завистливая, — отрезала я.

В тот момент я искренне жалела, что отобрала у бабки всего лишь память. Слишком малая расплата за все, что она сделала с этим парнем. За все, что она сделала… со мной?.. Мысль обожгла, словно вымоченная в рассоле плеть.

Какой стала бы та моя жизнь, не вмешайся в нее чертова Марфа? Я помнила сны, знала, что Птаха вроде бы любила этого человека… оборотня… По крайней мере, его поцелуи явно не вызывали у нее отвращения. И он любил ее больше жизни, раз столько времени казнил себя за ее смерть. А теперь? Он почти сумасшедший. А я не испытываю ничего, кроме жалости… Проклятая бабка!

Злость помогла мне выпутаться из веток, и я как раз успела схватить Роса за рваную рубаху. Ткань затрещала, но выдержала, и парень застыл. Я посмотрела ему в глаза и со всей возможной убедительностью проговорила:

— Это не ты. Поверь мне. И Яга и Гор говорили тебе то же самое, но ты их не слышал. Ты не виноват в ее смерти…

Он уже не противился, когда я взяла его за руки, и покорно позволил обнять себя.

— Это не ты, — повторила я, все так же удерживая зрительный контакт, хотя для этого пришлось до хруста в позвонках запрокинуть голову. — Ты не убийца.

И тут произошло нечто, что я так никогда и не смогла ни понять, ни повторить. Мы вместе будто провалились в мои воспоминания и сны. Рос не отводил взгляд, но теперь уже он удерживал меня рядом с собой. А вокруг мелькали знакомые и незнакомые сцены: Птаха, вглядывающаяся в зеркало, Рос, кружащий ее на руках по залитому солнечными лучами лугу, молодая Марфа, заносящая над головой странную железяку с многочисленными острыми крючьями, боль, от которой у меня потемнело в глазах, и тоскливый звериный вой, рвущий души обитателей лесной избушки.

Но это бы еще ладно. А вот когда пошли картинки из моей нынешней жизни, меня повело уже по-настоящему. Я смотрела в желтоватые глаза Роса, а видела… Видела одинаковые кровати в детдомовской спальне и как кубарем влетела в ворота особняка в первый раз. Как кричала на Ваську и как отвратительно таяла под гипнозом хитрого Георгия. Громыхнули в ушах злые слова: «Знать не знаю этого Роса и уж точно не влюблена в собственного кота!» Перед внутренним взором мелькнули мои перекошенные злой гримасой губы и пальцы, сдавившие Струну оборотней; Лис, протянувший ко мне сведенные ладони, и моя собственная рука, взметнувшаяся в сторону ворот.

А потом я вдруг очнулась на полу в библиотеке в гордом одиночестве. Голова гудела, перед глазами плавали мутные круги, а судорожно сомкнутые пальцы стискивали свиток наследниц. Со свистом втянув воздух сквозь сжатые зубы, я отшвырнула пергамент, как ядовитую змею. Вокруг не было никого, но мне почему-то казалось, что меня только что провели голой через улюлюкающую толпу.

Ну, спасибо, бабуся-Ягуся, за принудительный сеанс морального стриптиза!

Я с трудом поднялась на ноги. И то удалось мне это лишь после того, как из коридора послышались цокающие шаги Кости. Опять воду несет?

Скелет действительно появился в дверях и, распахнув створку пошире, с поклоном указал на выход.

— Что? Опять кого-то черти принесли, пока я в отключке валялась? — проворчала я.

Разумеется, Костя мне не ответил. Я покосилась на разложенные на столе книги и со вздохом пошла к дверям. В некоторых случаях скелет бывал куда настырнее Васьки. А с ним я, кстати, совершенно не понимала, что теперь делать. Нет, наставления вредной прабабки из памяти никуда не делись: «Позвать по имени и приказать исчезнуть мороку и путам, а потом отпустить в Струнное». Вот только как взглянуть в человеческие глаза того, кто только что заглядывал мне в душу, я не представляла. Не предлагать же ему прогуляться на задний двор за мышкой!

«Может, подождать немного», — малодушно подумала я, входя в холл, куда меня так настойчиво заталкивал Костя.

Но судьба (или злой рок, как кому больше нравится) в очередной раз решила все за меня. Васька лежал на полу у самой двери, вытянувшись в струну, и тяжело дышал. Забыв обо всем, я рванула к нему.

— Вась? Васька! Ты что?! Рос? Или Рось?! Ну, очнись уже!

Чувствуя, как на глазах закипают слезы, я тормошила тяжелое пушистое тело. Но все было напрасно. Кот не желал приходить в себя. И я вдруг поняла, что готова отдать все что угодно, лишь бы еще раз услышать нахальное «мышку хочешь?».

— Пусть исчезнут путы! — прошептала я. Но ничего не произошло. Тогда я выкрикнула эти слова уже в голос и снова принялась тормошить безвольное тело.

О мраморные плиты пола брякнуло железо, и я непонимающе подняла голову. Рядом стояло знакомое жестяное ведро, полное воды. Не думая, что делаю, я схватилась за дужку и с размаху окатила кота от усов до самого хвоста. Надо было видеть, с каким шипением он вскочил на лапы, одновременно брезгливо отряхиваясь.

— Смотри-ка, подействовало, — вне себя от облегчения ляпнула я.

— К твоему сведению, купаться я предпочитаю в человеческой ипостаси, — ворчливо выдал кот, встряхнув мокрым хвостом и обдав меня целым потоком брызг.

Я только расхохоталась. Живой, язвительный и, как всегда, вреднючий друг снова был со мной. «Надолго ли?» — не замедлил приглушить мою радость внутренний голос, и я подавилась очередным смешком.

— Но я прощу тебе это безобразие, если ты все-таки вернешь мне нормальный облик, — совсем по-

старому подмигнул зверь. — Чувствую себя полным идиотом в виде кота. Так и тянет за мышкой на задний двор сбегать…

Окончательно растеряв понимание происходящего, я глупо моргнула и хлопнула себя по лбу:

— Чувствовала же, что что-то забыла. Прочь, морок!

Кот вдруг начал плавиться, будто раскрашенная восковая кукла. Голова закружилась, и я оглянулась, пытаясь схватиться хоть за что-то. Как обычно, этим «чем-то» оказался Костя, услужливо подхвативший меня под локоть. А когда я восстановила равновесие, в луже посреди холла уже стояла крупная пятнистая рысь.

— Мр-р… — выдала она… он.

Я снова заморгала.

— Ну, ну… — качнул головой хищник. — Я все тот же мудрый зверь и добрый наставник.

— Да?

— Да. Могу доказать.

— Оцарапать? — слабо улыбнулась я, чувствуя, как медленно отпускает напряжение.

— Нет! — В звериных глазах мелькнуло что-то такое, от чего я почувствовала себя распоследней дурой. — Но могу поймать мышку…

— Нет! — подскочила я. — То есть спасибо, не стоит, э-э… Рос…

Рысь фыркнула, обозначив смешок.

— Не надо со мной, как с хрустальной вазой. Я все помню. И все понимаю. И тогда бы понял, если бы знал, что ты — Ключ.

— И ты так спокойно… — удивилась я и тут же прикусила язык, обругав собственную болтливость.

— Не спокойно… Но и истерику закатывать не буду, — качнул головой он. — Или буду. Но не здесь и не сейчас. Отложу на потом. Таких, как я, этому учат. Не умея держать себя в руках, невозможно удержать под контролем своего зверя. Сейчас я бы предпочел не решать что-то такое глобальное, а просто пройтись на двух ногах. Можно?

— Конечно! — облегченно выдохнула я. — Тебе что-то мешает? Я еще умудрилась что-то забыть?

— Ага, — серьезно кивнул он. — Штаны.

Щеки залило удушающим жаром.

— Да! Я сейчас. То есть Костя принесет…

Воспользовавшись предлогом, я резво вымелась из холла и, не сбавляя темпа, дала деру по коридору, не заботясь о том, идет ли за мной скелет. Тот явился в гардеробную минуты через три, неодобрительно пощелкивая челюстью.

— Ладно, ладно… — проворчала я, чувствуя, что уши пылают до сих пор. — Кто мне это чертово ведро подсунул? Вот и чувствую себя сейчас полной дурой.

Монотонное ворчание успокаивало, и попытки с десятой мне таки удалось сотворить из очередного Мавриного платья приличный спортивный костюм, а не отрыжку китайского подвальчика. Я даже про белье вспомнила и, вручив Косте стопку новой одежды, обессиленно плюхнулась на пуфик.

— И что теперь? — спросила я у длинного ряда старомодных туфель. — Пожалуйте в загробный мир? Идиотизм какой!

Наверное, я бы еще долго ломала голову над этой безумной дилеммой, если бы в дверь тихонько не поскреблись. Решив, что какая-то одежка не подошла по размеру и скелет вернулся, я без задней мысли крикнула:

— Заходи!

Но это оказался не Костя.

— Ты чего тут спряталась? — поинтересовался Рос. — Смотри, я тебе мышку поймал.

— Что?! — взвизгнула я, взлетая с ногами на пуфик.

— Да шучу я, шучу, — усмехнулся он. — Просто хочу знать, все ли я правильно надел.

— П-правильно, — отозвалась я, пытаясь унять одышку загнанной лошади.

Спортивный костюм, кстати, действительно сидел на нем как влитой, выгодно подчеркивая узкие бедра и широкие плечи атлета. И вообще, без маски застарелого ужаса и серого пепла вины, словно саваном укутывавшего его на поляне, Рос оказался просто красавцем с обложки журнала. Яркие зеленые глаза, волнистые русые волосы, чистая, разве что чуть бледноватая кожа. Модель, да и только. «Как раз такой красавчик, какие… Какие никогда не интересовались дурнушками вроде тебя», — неожиданно подумалось мне, и эта мысль быстро привела меня в чувство.

Понимая, что снова краснею, я отвела взгляд.

— Удобно?

— Вполне, — пожал плечами он.

— Отлично, — поднялась я. — Тогда ты тут осваивайся, а я пойду поработаю…

Протиснувшись мимо него, я поспешно направилась в библиотеку. Заняться чем угодно, лишь бы не думать об этой безумной истории хотя бы какое-то время, иначе я свихнусь!

Несколько дней я вполне успешно избегала встреч с бывшим котом. Просиживала за запертой дверью в библиотеке. Ела у себя в комнате. Слава всем богам, ни гостей, ни записок в особняке больше не появлялось. Сам Рос тоже не попадался на глаза. Иногда из окна я видела, как он быстрым шагом наматывает круги по дорожкам кладбища. Но ни к воротам, ни ко мне он не приближался. Пытаясь отвлечься от дикой патовой ситуации, я одну за другой читала толстые книги о расах, привычках и обычаях их представителей, дневники давно забытых Ключей и теоретические выкладки о Струнах.

Вот и в тот день я села за стол и подтянула к себе толстый, пахнущий пылью фолиант «Теория Струн» и чернильницу с пером. «Надо будет нормальной ручкой озаботиться», — мимоходом отметила я, открывая книгу.

С трудом продираясь сквозь хоть и превратившиеся в русские, но от этого не менее витиеватые устаревшие обороты, я кое-как сумела выбросить из головы мысли про обновленного обитателя особняка и сосредоточиться на том, что, собственно, читала.

Система подпитки через Струны пришельцев из других миров была одновременно и простой и сложной. «Возрождение» каждого новичка сопровождало появление новой энергетической нити. И эта нить сплеталась с другими нитями той же расы, образуя собственно Струну. Взаимодействовать и вообще как-то влиять на эти Струны мог только Ключ. Но выделить чью-то определенную нить не могла даже я. То есть, истончая или, наоборот, увеличивая Струну, я изменяла приток энергии к каждому члену общины. В книге имелись даже длинные таблицы, какая раса какое количество энергии потребляла. То есть сколько условных единиц силы тянул какой-нибудь оборотень или дегерван при своем появлении.

До сего момента никаких вопросов у меня не возникало. Саму силу Струн я вообще чувствовала, похоже, на генетическом уровне, как художник различает мельчайшие полутона или музыкант на долю секунды затянувшуюся паузу.

А вот дальше начиналось то, что я умудрилась пропустить, удовлетворившись таблицами. Если энергии пришельцу хватало, то он вполне мог произвести на свет потомство. Некоторым расам это удавалось даже с представителями нашего мира. Правда, дети от смешанных браков априори были слабее родителей, так как получали энергетическую подпитку чужих для этой Вселенной способностей только от одного из предков. Внуки же и вовсе мало отличались от людей.

И все бы ничего, вот только если сам пришелец умирал, его Струна лопалась. Исчезала, попросту говоря. Тогда подпитка его детей ложилась полностью на другого супруга или вообще на общину. Теперь-то мне стало понятно, почему дегерваны, наплодившие целые деревни себе подобных, просили дополнительной энергии. Этим, сколько ни дай, все будет мало.

Разумеется, система в какой-то мере сама себя регулировала. То есть, если энергии не хватало, дети вообще не появлялись на свет, что вполне логично.

Переворачивая одну пожелтевшую страницу за другой, я вроде бы не находила ничего крамольного. Ну, перестанут у оборотней какое-то время рождаться дети… Неприятно, и о таком эффекте я не подумала, когда в ярости истончила их Струну. Где-то в глубине души я даже почувствовала раскаяние: одним движением оставила незнакомых женщин без возможности взять на руки своего

родного малыша. Но, засев за расчеты, я выяснила, что при существующей подпитке каждый оборотень может завести не одного, а даже двоих малышей.

«Вот и стоило панику разводить?! — снова обозлилась я. — Это не дегерванам, а оборотням, сколько ни дай, все мало! Будь их воля, вообще бы всю Землю вместо людей заселили!»

Однако для очистки совести я все-таки решила дочитать «Теорию Струн» до конца. Вдруг еще какие-то нюансы ускользнули от моего внимания. Нюанс нашелся. Дети, уже рожденные благодаря щедротам Яги и Марфы. Их могло оказаться куда больше, чем двое на одного оборотня-пришельца. До моего вмешательства Струна вполне позволяла и троих и четверых детишек.

Неужели я своими действиями навредила ни в чем не повинным детям?!

Я вскочила и бегом бросилась прочь из библиотеки.

Прямо в руки Росу. Точнее, в поднос с бутербродами и соком, который он тащил в библиотеку.

— А, черт! — в один голос выкрикнули мы и уставились друг на друга.

— Извини, — первым опомнился Рос. — Костя вручил. Ты не вышла к обеду и пропустила ужин.

— Да? — Я ошалело поискала взглядом часы. — Не заметила.

— Что-то важное?

— Что? Да! Рос, сколько детей у оборотней бывает?

— Семь-десять, не больше, — пожал плечами тот.

— Сколько?! — подскочила я.

Перед глазами поплыли кошмарные картинки. Я бросилась к лестнице и тут же, поскользнувшись на осколках стакана, едва не покатилась вниз.

— Ты куда?! — Рос успел схватить меня за одежду и втащить обратно на площадку. — Да что с тобой?!

— Я детей угробила… — выдохнула я и разревелась, уткнувшись ему в грудь.

ГЛАВА 19

У паранойи и предусмотрительности одни симптомы

— Ты о чем? — опешил Рос.

Оборотень погладил меня по спине и попытался отцепить от своей спортивной куртки. Но я только заревела еще громче, вцепившись в него мертвой хваткой.

— Сень? Не плачь. Это из-за тонкой Струны, да? Наверняка все можно исправить…

— Что там исправишь? — Я сама вырвалась из кольца его рук, врезавшись спиной в столбик балюстрады, и запустила пальцы в растрепавшиеся волосы. — Даже если только семеро, то это все равно трупы! И я убийца!

— Да о чем ты? — слегка рассердился Рос. — Кого ты умудрилась убить, сидя в библиотеке? Муху? Прости, семь мух, как в сказке…

Попытка пошутить провалилась на старте: я взбесилась пуще прежнего.

— Ну, если для тебя дети вашего народа — мухи, то да! Семеро детей в семье! Даже если и отец и мать живы и оба — оборотни, того, что я им оставила, хватило бы максимум на четверых! А я…

— Так, подожди. — Парень притянул меня обратно к себе, не позволяя вырваться. — У кого это семь детей?

— У ваших! — рявкнула я, безуспешно пытаясь вырваться. — Сам же сказал: семь, а то и десять.

Мне одновременно хотелось свернуться в позу эмбриона и завыть и куда-то бежать, чтобы сделать хоть что-нибудь.

— Сень… — вздохнул оборотень. — Ты ничего не могла сделать семье с десятком детишек просто потому, что здесь таких нет.

— Но ты же сам!.. — вытаращилась я, со всей силы ударив его кулаками по груди.

Рос даже не вздрогнул, а вот у меня было такое ощущение, будто я вздумала постучать в стену. Я зашипела и затрясла отбитыми руками.

— У нас. Дома. В том мире, откуда мы родом, — раздельно проговорил он. — А здесь — не более троих-четверых. И то это считай за счастье. Не знаю, что мешает. Наверное, какие-то особенности, свойственные этому миру. Яга пыталась помочь. Потому и меняла Струну. Но, насколько я знаю, ничего не изменилось. Серый, например, один в семье. Лис вообще с Серых троп пришел. У него нет семьи. У Бера вроде была сестра. Одна. Это извечная проблема тут.

— Да? — Я подняла мокрую физиономию. — Честно?

— Честно, ду…

— Дубина? — слабо улыбнулась я.

Но он вдруг отвел взгляд.

— Я хотел сказать другое слово. Но раз ты настаиваешь…

— Еще чего? — фыркнула я. — Говори уж, что хотел.

— Это приказ? — прищурился он.

— Нет! — поспешно возразила я.

— Тогда оставим эту тему.

Я поморщилась, но спорить не стала. У меня были вопросы посерьезнее, чем исследовать словарный запас бывшего кота.

— Хорошо. Тогда почему Васька… ну, когда был еще котом… То есть…

— Сень… — Рос, усмехнувшись, покачал головой. — Я не хрустальная ваза.

— А… ну да, — окончательно смешалась я и решила остановиться на нейтральном «ты». — Почему ты так настаивал, чтобы я пересчитала Струну оборотней?

— Потому что такой резкий перепад еще никому не шел на пользу. Особенно детям. И потом… — Он слегка смутился. — Ты так часто повторяла, что «истончишь Струну до нормы», и при этом считала только тех, кто пришел с Серых троп…

— Ладно. Все. Поняла, — нахмурилась я. — Я не только считать не умею, но и думать. Пойдешь со мной? Надо пригласить сюда кого-нибудь из них, чтобы предоставили списки общины. Только не Лиса. Второй этап квеста «Охмури глупый Ключ» я сегодня точно не вынесу.

— Я тебе уже говорил, что не все так просто, — качнул головой Рос.

Но спорить он не стал, и мы вместе спустились к Струнному озеру.

— Странно видеть снова эти воды… человеком, — пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне.

— Ты пришел с Серых троп? — удивилась я, бросив короткий взгляд на парня, похоже, моего ровесника. До сих пор я здесь сталкивалась с гораздо более взрослыми гостями.

Молодой был, глупый… — махнул рукой Рос. А потом вдруг замер. — Или…

— Ты же слышал, что говорила Яга. — Заметив его тоскливый взгляд, направленный в глубины Струнного озера, я не смогла смолчать. Но и слова буквально застревали в горле. — Ты можешь уйти, если хочешь…

— Не хочу, — быстро ответил он. — Пока, по крайней мере, не хочу…

— В общем, мое разрешение у тебя есть, — кивнула я, кое-как скрыв облегчение, буквально затопившее душу.

— Разрешение? А… Спасибо. А ты хочешь…

— Что? — поторопила я, останавливаясь у самой кромки зеленоватой воды.

— А ты не забыла, зачем мы сюда пришли? — улыбнулся Рос.

— Склерозом пока не страдаю.

— Точно? Помнится, у меня возникали в этом сомнения.

— Эх… Жаль, что ты уже не кот, — с притворным сожалением проговорила я, показав развеселившемуся парню язык. — Взяла бы за шкирку и отправила мышей ловить.

— А поймаешь? — фыркнул он.

Я только отмахнулась и, быстро набросав две строчки приглашения на пустой карточке, опустила ее в озеро. Картонный прямоугольник не утонул, а будто растворился в зеленой мути.

— Как думаешь? Долго ждать ответа?

— Вряд ли… Волк — вожак общины. Он все, что связано с источником, воспринимает примерно так же, как ты звуки. А у них явно что-то серьезное случилось. Я тебе говорил.

— Ты опять про Лиса? — скривилась я. — Нет там ничего серьезного. Я сама слышала, как он ругал Серого за то, что тот мне комплиментов не говорил и вообще не попытался со мной «подружиться».

— И что плохого в том, чтобы подружиться?

— Ничего. Только не в том контексте, в котором это было сказано, — отрезала я. — Так «дружить» меня ни с кем не тянет!

Рос промолчал, и я присела на край бассейна. Уходить отсюда мне почему-то не хотелось. Было что-то успокаивающее в медленном мерцании Струн. А покой — это то, чего мне постоянно не хватало в этом бюро ритуальных услуг, хозяйкой которого я так неожиданно стала.

— Могли бы и ответить, когда их ждать, что ли… проворчала я.

— Ответа из озера тебе точно не дождаться, — отозвался Рос. — Они сейчас каждую крупицу силы экономить будут. А ждать… Да возьми и посмотри, где Волк сейчас. Готов спорить, едет сюда.

— Опять твоя теория глобальной катастрофы? — фыркнула я.

Но идея парня мне понравилась. Просто так ждать, не зная, как долго, меня всегда раздражало.

Я повела ладонью над зеленой мутью.

— Мне тоже можно? — улыбнулся оборотень.

— Конечно. Мне скрывать нечего, — пожала плечами я, незаметно покосившись на бывшего кота.

Но едва Рос решил, что я на него больше не смотрю, как улыбка исчезла, сменившись обеспокоенной гримасой.

Темные глубины светлели, тени принимали осмысленные очертания, и несколько секунд спустя над Струнным громыхнул неприятно знакомый спокойный голос:

— …никогда. В конечном счете вы согласитесь, что это наилучший выход…

Я с досадой мотнула головой, соображая, как умудрилась перепутать и вместо оборотня призвать отражение ненавистного Аррея. Озеро снова потемнело.

— Кто это был?

— Аррей, — буркнула я и еще раз повела рукой над озером. — Помнишь его?

— …детей. Так что больше церемониться с вами я не намерен, — опять послышался голос вампира, и я, выругавшись, отвернулась от воды.

— Да что за черт?! Сбоит, блин, местное телевидение.

— Так ты посмотри, — напряженно отозвался Рос. — Может, они вместе?

— Не уверена, что, встретившись, они стали бы разговаривать, — фыркнула я. — Скорей уж вцепились бы друг другу в глотки.

— И все же… — настаивал парень.

Я пожала плечами и в третий раз уставилась в озеро, тщательно рисуя в памяти образ хамоватого Волка. Но снова заговорил Аррей:

— Надеюсь, теперь вы усвоите, что грубость я не приемлю.

Глубины Струнного наполнились красками, и я опять чуть не потеряла концентрацию. Вода изобразила тот самый каменный мешок, в котором не так давно сидела я.

— Это еще что? — пробормотал Рос, пока я молча таращилась на представление.

Нет. Я и в самом деле в кои-то веки ничего не перепутала. Волк был в наличии. А вместе с ним и Бер, которого я видела всего один раз в конторе мнимых юристов, и даже противный Лис. Вот только находились они не в машине или, на худой конец, в той самой конторе, а сидели на каменном полу, и руки и ноги их «украшали» массивные цепи. Причем у гиганта-медведя по скуле стекала кровь.

Мало того. Прямо перед оборотнями стоял Аррей и вытирал белоснежным платком навершие тяжелой трости.

— Итак, повторюсь, — продолжил вампир, брезгливо бросив платок на пол. — Разногласия между нашими общинами меня не устраивают. И пока они имеют место, вы погостите у меня. Соглашайтесь. Нет смысла тратить и мое и ваше время. Дети, чьи бы они ни были, это всегда дети, не так ли? На мой взгляд, торг неуместен.

— Скорее я порву тебя на кусочки! — рявкнул Волк, рванувшись вперед.

Не замеченный мной ранее ошейник врезался в мощную шею, толстая цепь натянулась, и оборотня отбросило назад.

Аррей даже не шелохнулся.

— Из нас двоих это скорее могу сделать я, — спокойно уронил он.

— Попробуй, — вскинул голову оборотень.

— Храбрец? — приподнял бровь вампир. — Так даже интереснее. За себя вы не боитесь. А за них? — Он мотнул подбородком в сторону рыжего. — Хотите посмотреть, насколько умеют терпеть боль они?

— Урод! — выплюнул Лис.

Этот вперед не рвался, но красивое лицо искажала такая смесь ярости и ненависти, что я вздрогнула. На плечи мне легла рука Роса, и я благодарно прижалась к его теплому боку.

— Все зависит от точки зрения, — пожал плечами Аррей. — Вы тоже не вызываете у меня эстетический восторг. Но мы отклонились от темы. Напоминаю: дети, обязательства, адреса. Посидите, подумайте. Я скоро вернусь.

Часть стены сдвинулась в сторону, открыв проход, и вампир величаво удалился, сопровождаемый тройным проклятием.

Какое-то время в каменном мешке царила тишина.

— Зря мы сюда приперлись, — выдохнул наконец Бер, зло утирая заливавшую глаз кровь.

— А у нас был выбор? — буркнул Волк. — Надо было оставить детей у этого ублюдка?! Одна надежда, что Снейк…

— Ты в это веришь? — с сарказмом усмехнулся Лис. — Он единственный, кого тут нет. Не заметил? Не догадываешься — почему?

— Ключ… — начал было Бер, но его перебил уже сам Волк:

— Она сказала: «Решение принято!»

— А я все еще думаю, что нас просто не поняли, — задумчиво проговорил рыжий, глядя в пол. — Если бы она позволила мне…

— Я дерьмовый вожак, — врезал кулаком в стену Волк, в кровь расшибая костяшки. — Имея ее покровительство, проклятый вампир будет творить все, что захочет. Дети на воспитании у кровососов, а мы хлопаем ушами, как тупые ослы.

— Не грызи себя. Мы сделали, что могли.

— Но этого недостаточно!

Звякнув цепями, он откинулся на каменную кладку и прикрыл глаза.

Побледнев от ярости, я взмахнула рукой над Струнным озером, стирая призрачную картинку.

— Они что, с ума посходили?!

— Вампиры? — приподнял брови Русь. — Они никогда и не были нормальными.

— Оборотни! — рявкнула я, вывернувшись из-под его руки. — Опять за старое взялись, спасители хреновы?!

— Сень, подожди. — Парень поспешно запрыгнул на бортик бассейна, загораживая от меня Струны. — Еще ничего не понятно!

— Что тут непонятного?! Я просила никого больше от вампиров не спасать?! Особенно их собственных детей!

— А ты уверена, что речь шла о таких детях?

— «Оставить детей у этого ублюдка», «дети на воспитании у кровососов», — процитировала я, вперив в парня злой взгляд. — Тебе напомнить, под каким девизом некогда «спасли» меня?! И, кстати, если тебе интересно, то я бы предпочла жить с мамой, будь она хоть сто раз вампиром, а не в детдоме!

— Сенечка, пожалуйста! — взмолился Рос. — Не руби сплеча. Надо сначала разобраться!

— Именно этим я и собираюсь заняться, — фыркнула я. — И слезь оттуда. Не буду я Струны трогать. Хватит, потрогала уже.

С заметным облегчением на лице парень спрыгнул на пол.

— И что ты собираешься делать?

— Потребовать, чтобы оборотни сменили вожака, и надеяться, что новый будет поумнее, — холодно уронила я. — У меня, как выяснилось, есть такое право. Это, конечно, сожжет уйму энергии. Но выбора-то нет…

— Есть, — упрямо мотнул головой Рос.

— Да?

— Да. Я пойду туда и выясню, что происходит.

— К Аррею?! — перепугалась я.

— Нет. К братьям.

— Каким братьям? — опешила я. — Тебя там не было триста лет! Они давным-давно покойники.

— Я помню, — мрачно уронил Рос.

— Извини…

— Ничего. Я имел в виду названых братьев. Мы все — братья здесь. Только, пожалуйста, Сень. — Он посмотрел на меня каким-то отчаянным взглядом. — Я расскажу тебе правду! Клянусь. Прикажешь, если захочешь. Если они виноваты, я тебе больше слова не скажу. Но, пожалуйста, пока я не вернусь, не делай ничего. Прошу!

— Ладно… — кивнула я. Первый гнев уже прошел, и мне и самой двойственность ситуации показалась странной. Ошибиться в очередной раз не хотелось. — Только ты уж там поосторожнее.

— Я могу выйти?

— Что? А! Да, конечно! Ты можешь выйти, когда тебе захочется.

Рос молча кивнул и выскочил на лестницу. Несколько секунд я еще слышала быстрые шаги босых ног, а потом стихли и они. Только тут я спохватилась, что у него не было ни денег, ни даже обуви, и бросилась следом. Куда там… Только и успела увидеть, как он исчезает в тумане Врат.

Я присела на каменную ступень у двери и задумалась. Между мной и Росом происходило что-то странное. Я чувствовала его присутствие в особняке и в любой момент могла навскидку сказать, где он и что делает. Он занимал львиную долю моих мыслей, и я порой ловила себя на том, что путаю, какие разговоры я вела с Васькой, а какие с Росом. Учитывая, что с Росом в действительности мы почти не общались, уже одно это было по меньшей мере странно.

И вот сейчас, когда оборотня тут не было, я могла себе признаться: бывший кот, ныне рысь Рос, обретал надо мной все большую власть. И, судя по всему, прекрасно это понимал. Он встал между мной и Струнами. Другой вопрос, что я и сама не собиралась их трогать, но Рос об этом не знал. Он потребовал ничего не предпринимать, и я легко дала обещание. В конце концов, сейчас я, вместо того чтобы разбираться с хаосом в двух общинах, сидела и думала о нем.

Но самое главное, я ни разу ничего ему не приказала, даже банально говорить правду. А если и случалось ляпнуть нечто похожее на приказ, тут же смущалась и просила прощения. Почему так происходило? Дело в пресловутой любви, которую я при всем желании никак не могла в себе рассмотреть? Или я до сих пор видела в нем вредного, но честного Ваську? Своего Ваську? Но ведь оборотень ясно дал понять, кто для него «свои». И на защиту этих «своих» встал моментально, не опасаясь, что я последую завету прабабки и прикажу ему шагнуть в озеро.

Что со мной? Я так наелась за последнее время лжи и фальши, что они мерещатся мне на каждом шагу? Или я уже близка к тому, чтобы превратиться в подобие Мавры, исполнявшей любую прихоть оборотней?

Я встряхнула головой и резко встала.

Паранойя обострилась? Или предусмотрительность? Где бы найти такое средство, чтобы заморозить все чувства и делать только так, как должно?!

Рядом тихо щелкнули челюсти, и скелет склонился в поклоне, приглашая меня следовать за ним.

— Что? Ужинать пора?

Костя мотнул головой.

— Карточки?

И снова отрицательное покачивание черепушки. Плюнув на попытки разобраться, я просто пошла за ним в дом. И тут же почувствовала это. Меня снова ждали гости. Только на этот раз в других Вратах. Тех, которые запирали Серые тропы. Я вздохнула, кивнула Косте и пошла вниз. Пусть я не мечтала стать директором бюро ритуальных услуг, его клиенты в этом не виноваты. Даже если они уже умерли.

Клиент на этот раз оказался необычным. Точнее, обычным… серым камнем. Мне пришлось несколько раз обойти сферу по кругу, прежде чем я заметила намек на движение и убедилась, что это действительно новый путешественник, а не глупая шутка какого-нибудь призрачного мальчишки.

О камнеедах я не знала ровным счетом ничего, кроме самого факта существования их небольшой общины на Земле.

«Никаких поспешных решений, — проворчала я себе под нос и развернулась к выходу. — Сначала разобраться, кто они вообще такие».

Проходя мимо Струнного озера, я немного замедлила шаг. Меня раздирало желание узнать, как там Рос. Но, вспомнив свои недавние размышления, я отвесила себе мысленный подзатыльник и поплелась к лестнице: еще не хватало, чтобы странное отношение к бывшему коту начало влиять и на работу с другими расами.

Камнееду удалось занять меня на ближайшие два дня. Я прерывалась только на сон и еду, а остальное время сидела в библиотеке, пытаясь разобраться, что он вообще такое. Но ничего внятного, кроме того что камнеед питается камнями, перерабатывая их в каменный уголь, я так и не нашла. И то это сомнительное «откровение» досталось мне ценой тонны перелопаченных книг.

На Роса я позволила себе посмотреть всего один раз. Он где-то сидел и болтал с каким-то незнакомцем-тенью о ценах на мед. Зубами я поскрипела, но все же решила дать ему еще один день.

Любоваться Волком и его приспешниками не хотелось совершенно, но совесть вцепилась в меня как клещ, и пришлось последовать ее настоятельному совету. Впрочем, ничего интересного я не увидела, а не услышала так вообще ничего. Волк, как и раньше, сидел на полу. Медведь ковырял толстые звенья своих кандалов. А на единственном тонком матрасе на животе спал Лис. Впрочем, спал или нет, я не знала, потому что Волк своей тушей перекрывал угол обзора, а настраиваться именно на смазливого подхалима у меня не было ни малейшего желания, и даже совести в конце концов пришлось с этим смириться.

ГЛАВА 20

Нормальность в этом мире неуместна

Рос вернулся утром спустя три дня. Как раз в тот момент, когда я сидела перед Струнным озером и пыталась разобраться, что такое вижу в его глубинах. Сценка была бы ничем не примечательной, если бы не выпадала из всех моих представлении о хищниках, как картина Рубенса из подборки фотографий «Плейбоя».

Мне вздумалось посмотреть на последнего из верхушки общины оборотней — Снейка. В моем понимании он должен был сейчас развить бурную деятельность по спасению своих «братьев», и я надеялась услышать что-нибудь интересное. А вместо этого увидела специалиста по кредитам, с блаженной мордой покуривающего толстую сигару и запивающего ее коньяком. Мало того, сидел Змей при этом в кресле Волка, закинув ноги на его стол.

Пока я соображала, что бы это значило, — ударил гонг.

«Рос!» — мелькнула радостная мысль, и я, разом позабыв и про странности с оборотнем, и про собственные планы продемонстрировать Росу свою независимость, со всех ног побежала к воротам.

К собственному стыду, мне даже в голову не пришло посмотреть, один ли явился нахальный рысюк и не поджидает ли меня еще какой-нибудь сюрприз из разряда неприятных. Я едва сумела заставить себя задержаться на долю секунды и дождаться, пока из серого тумана проступит его лицо.

— Разрешаю душе жить! — выдохнула я, кое-как совладав с водоворотом каких-то непонятных чувств и мыслей.

Рос глубоко вдохнул, но продолжал молчать.

— Эй, все в порядке? — обеспокоенно спросила я.

— Да вот думаю, сразу на колени падать или погодить, — вымученно улыбнулся оборотень.

— Не поняла…

— Прикажи мне правду говорить, — качнул головой Рос. — Не поверишь же…

В груди завязался какой-то ледяной узел.

— Ты можешь говорить только правду и ничего, кроме правды, — деревянным голосом произнесла я.

— Они ни в чем не виноваты, — тут же заговорил оборотень. — Ни Волк, ни его друзья. Я пробрался в общинный дом потайным ходом. Слава Творцу, его за эти годы не завалило. Прокрался в комнату с источником. Но там никого не было. К Змею я не пошел. Зато поговорил с некоторыми. Полторы недели назад пропало трое детей. Их искали, разумеется, но те как сквозь землю провалились. А потом вдруг в общинный дом подкинули какую-то записку, и старшие куда-то уехали. А еще через несколько часов Змей привез детей. Малышей накормили какой-то дрянью, потому что те до сих пор не в себе. Даже родителей не узнают…

— Однако… ничего себе новости, — осела на подвернувшуюся оградку я.

— Это еще не все. Четыре дня назад в общинный дом приходил Георгий.

— В чей общинный дом? — тупо переспросила я, лихорадочно пытаясь понять, у кого окончательно сорвало крышу: у вампиров, оборотней или у меня самой.

— Оборотней, — дернул плечом Рос. — Понятное дело, слушать его никто не стал, и по приказу Змея кровососа вышвырнули из дома. Точнее, приказ был «убить», но вампир умудрился удрать. Вот теперь все новости.

— Жесть…

— Сень, — оборотень поднял на меня воспаленные глаза в красных прожилках, — вот о чьих детях говорил Аррей. Я уверен. После той истории с твоим заключением оборотни больше не забирали детей из семей кровососов. Волк запретил. Я специально спрашивал. Помоги им… Прошу…

— А чего хотел от вас Георгий? — ушла от прямого ответа я.

— Не знаю. Вообще, то, что он приперся туда, где ему гарантированно не обрадуются, само по себе

странно. Но высказаться он не успел. Слишком был занят, удирая.

— Ладно… Это я сама выясню. — Я потерла виски и пошла в дом.

Вызвать в особняк Георгия труда не составило. Рос банально сбегал к телефону-автомату на дороге за Ореховой горкой и вернулся через четверть часа, сообщив, что «кровосос будет через сорок минут». Я мимоходом удивилась, как много всего он успел выяснить за жалких несколько дней, и тут же выбросила эту мысль из головы. У меня были проблемы посерьезнее.

До прихода Георгия я нервно расхаживала из угла в угол по холлу, поглядывая то на часы, то на замершего в кресле Роса. Он больше ничего не рассказывал. А я слишком глубоко ушла в свои размышления, пытаясь разобраться в противоречивых мыслях. С одной стороны, и книги, и опутанная приказами Марфа в один голос твердили, что вмешиваться — последнее дело, самая большая ошибка, которую Ключ может совершить. Да я и сама уже не раз зарекалась лезть во внутренние дела общин. С другой… Если все то, что настойчиво вырисовывалось, — правда, то как можно не вмешаться?! Особенно учитывая, что психопата Аррея я же в мир и выпустила, дура набитая.

Наконец ударил гонг. Но не успела я взяться за ручку двери, как звук повторился.

— Боится кровосос, — проворчал Рос. — Не иначе как матушку твою приволок…

Я не нашлась, что ответить, и молча пошла к воротам. Туманная дымка послушно рассеялась, открывая нормальный мир. Рысюк не ошибся. Рядом со смазливым вампиром стояла мама. Ворота со всех сторон окружали вампиры, вооруженные бейсбольными битами и цепями.

Я глубоко вздохнула и взяла ее за руку. За правую. А секундой позже так же провела через ворота Георгия. Приказы говорить лишь правду и ритуальные слова, эхом повторенные дважды, оставили на языке горькое послевкусие: опять отделять ложь от правды, просеивать слова через мелкое сито, выискивая, где затаилась едва ощутимая фальшь… На плечо легла теплая ладонь. Какое-то мгновение я позволила себе насладиться этой безмолвной поддержкой, а потом дернула плечом, стряхивая руку Роса. Я не могла позволить себе снова ошибиться, даже если мне этого очень хотелось. Последняя мысль заставила встряхнуться и сфокусировать взгляд на Георгии.

— Госпожа, — поклонился он. — Я знаю, зачем вы нас позвали…

— Я звала лишь одного из вас. — Я подняла ладонь, прерывая плавную речь вампира. — В любом случае я хочу только услышать ответы на свои вопросы. Зачем вы приходили в общину оборотней четыре дня назад?

— Я хотел предложить им союз. Союз против Аррея, — склонил голову Георгий.

— Союз против главы вашей общины?

— Да! Аррей безумец! — воскликнула мама, и я посмотрела на нее. — Георгий был отличным главой общины. Но нет, явился этот… этот… мерзавец, и все пошло наперекосяк! Прости меня, Сэтти, за то, что я скажу, но…

— Продолжай, — кивнула я, чувствуя, как сжимается сердце.

— Ты еще слишком неопытный Ключ. Тебе лучше принимать серьезные решения, посоветовавшись с кем-нибудь более опытным.

— Да? И как ты себе это представляешь?

Если с первой частью маминых слов я была согласна на все сто, то вторая отдавала легкой фальшью, будто она сама не до конца уверена в том, что говорит, будто это не ее слова.

— Тот же Георгий. Или я. Ты могла бы вызывать нас, когда решаешь, например, выпускать или нет в мир нового общинника. Мы дольше живем и уже успели насмотреться на всяких.

— То есть… — медленно проговорила я, давая и себе и ей последний шанс сохранить хотя бы подобие семейных отношений. — Вы могли бы советовать не только то, что касается вампиров напрямую?

— Конечно! — пожала плечами она.

— Спасибо. — Я кивнула, подавив тоскливый стон.

Вот и еще одна ниточка, привязывавшая меня к внешнему миру, лопнула с жалобным звоном. Я прямо взглянула в глаза призрачному мужчине:

— Георгий, это вы внушили моей матери то, что она только что озвучила?

Вампира перекосило, но не ответить на прямой вопрос он не мог.

— Я только высказал свое мнение…

— Угу… Я его услышала. Лэтта, ты можешь уйти.

— Но, Сэтти! — вскинулась она.

— Мы встретимся в другой раз с удовольствием, — покривила душой я. — Но к оборотням ты не ходила. А я сейчас должна разобраться именно с этим.

Лэтта подтвердила мои подозрения. Она не стала настаивать и ушла. То есть ей действительно внушали чужие мысли, сама она не считала их настолько важными, чтобы спорить со мной.

— Еще одна такая случайность… — хмуро сказала я Георгию, — и с вами я тоже больше не захочу видеться.

— Понял, — коротко отозвался он.

«Ну наконец-то разговор перешел в деловое русло», — мысленно буркнула я.

— Почему вы решили заключить союз с оборотнями? Я хочу услышать весь ваш план. Без купюр и умолчаний. От начала и до конца. Это — приказ.

— Я хотел, чтобы они помогли мне справиться с Арреем и теми, кто остался с ним. Большинство нашей общины присоединилось ко мне. Но Аррей все еще может управлять нашим источником. Сменить главу общины, не задействовав источник, невозможно. Но если бы мы напали сами, то это стоило бы многих жизней. И я хотел пустить вперед оборотней.

— А больше вы ничего не хотели? — поморщилась я.

Вампира в очередной раз перекосило, но не ответить он не мог.

— Хотел получить рычаг давления на их общину, — признался он. — Если бы они согласились и напали, это было бы прямым нарушением вашего приказа и вмешательством во внутренние дела чужой общины…

— Какая предусмотрительность, — фыркнула я. — И почему вы думали, что они согласятся на все это?

— У Аррея в плену вожак их общины и два его друга, а штурмовать наши укрепления только своими силами да еще без командиров… Они бы умылись кровью куда сильнее, чем с нами.

— Это сильно смахивает на шантаж, Георгий. Как ваше чувство прекрасного способно с этим смириться? — не сумела сдержать издевку я.

— Секлетинья! Я вообще поздно узнал обо всей этой истории! — заторопился вампир. — Да, у меня есть глаза и уши рядом с Арреем. Но тот тоже не идиот, и когда заварил всю ту кашу, запретил кому бы то ни было покидать общинный замок! Даже телефоны, и те не работали. Если бы я знал, что он втянет детей, я бы вмешался раньше! Поверьте мне! Сейчас я не могу лгать. Дети есть дети, будь они щенками хищников, юными обращенными или вообще отпрысками смертных людей. Они — дети! И только поэтому неприкосновенны!

Георгий говорил с несвойственной ему горячностью. И на этот раз я знала, что он не лжет. Даже всегда сопровождавший его слова легкий аромат фальши исчез без следа, сменившись тяжелым духом неприятия.

— Что сделал Аррей? — перебила я его на полуслове.

— Он похитил нескольких детей хищников. Снейк доносил на общину еще Мавре. Теперь, я думаю, доносит Аррею. Тот передал Волку свои требования. И предупредил, что при любой попытке сопротивления или обмана пришлет хищникам их щенков по частям. Они подчинились. Снейк вернул детей в общину, а трое остались у Аррея. Я не знаю, почему они не пошли с этим к вам.

— Зачем они ему? — прервала я, чувствуя, как начинают гореть щеки. Вот что пытался сказать мне Лис! А я, идиотка, вообразила себе мексиканский сериал. Дура!

— Я не знаю.

— Если я прикажу Аррею явиться сюда, он подчинится? — куда резче, чем собиралась, спросила

я. — Или мне придется погрузить в анабиоз всю вашу общину, чтобы добраться до него?

— Он подчинится, — кивнул Георгий. — Особенно когда я позабочусь, чтобы ваши планы стали известны его последователям.

— Тогда позаботьтесь, — из последних сил удерживая на лице спокойное выражение, холодно уронила я. — Прямо сейчас. Когда Аррей уйдет из замка, вы выпустите оборотней. И я бы очень хотела не получить повод приглашать вас сюда снова. Уходите.

Вампир не стал спорить и задерживаться. Он дернул подбородком, обозначив подобие поклона, и ушел в туман. Я же продолжала стоять, спиной чувствуя напряженный взгляд Роса. «Сейчас он скажет что-то вроде: „А я тебе говорил, дубина!“ И будет совершенно прав», — пронеслось у меня в голове.

Не сказал. Точнее, сказал, но вовсе не то, что я ожидала. И не сразу. Вместо этого он бесшумно придвинулся и обнял меня со спины, словно укрывая от пронизывающего холода вины, комком стоявшей в горле.

— Не ошибается только тот, кто ничего не делает, — шепнул он мне на ухо.

Я заставила себя вывернуться из кольца его рук и с уверенностью, которой вовсе не испытывала, направилась в дом.

Карточка улетела в Струнное озеро, и я повела ладонью над зеленоватой мутью, желая увидеть монстра, которого сама же выпустила в мир.

Аррей как раз держал в руках мое послание, вчитываясь в сухие строчки.

— Чертова кукла! Проведала-таки! — выругался он, швырнув картонный прямоугольник на пол.

Рядом шевельнулась какая-то тень, и карточка вновь взмыла в воздух.

— Нет. Мы пойдем, — ответил Аррей неизвестному. — Она, похоже, все знает. Наверняка этот отщепенец Георгий постарался. Надо было свернуть ему шею еще тогда.

В разговоре повисла пауза. А потом снова раздался раздраженный голос древнего вампира.

— Не думаю. Мало ли что он мог ей наплести. Придется потратить время и разъяснить глупой человечке, почему все это было необходимо. Поднимай воинов. Еще только не хватало в какую-нибудь засаду попасть.

— И ухищрений Георгия не потребовалось, — проговорила я, одним движением растворяя картинку в мутном мареве зелени.

— Зачем он тебе здесь? — спросил Рос.

Я вздрогнула, совсем забыв о его присутствии. Отвечать не хотелось, но и проигнорировать вопросительный взгляд оборотня я не сумела.

— Ошибки надо исправлять, — буркнула я, отворачиваясь.

Он подошел ближе и снова попытался меня обнять. Я увернулась.

— Рос, давай сначала с общинными делами разберемся, а потом уже и до личных очередь дойдет. Хорошо?

По лицу оборотня тенью проскользнула тревога, но он кивнул:

— Хорошо. Как скажешь.

Я снова уставилась в зеленую гладь. Рос присел за маленький столик для письма, который я когда-то притащила в подвал, и терпеливо ждал. Смешно… Прошло не так уж и много времени, а мне кажется, что от прежней жизни меня отделяют столетия. А ведь совсем недавно я бегала на работу в архив через Прошкин переулок и знать не знала, что на расстоянии вытянутой руки болтаются оборотни, вампиры, ведьмы и прочая нечисть. Мои плечи не давил непосильный груз ответственности за весь этот потусторонний зоопарк. Не приходилось взвешивать каждое свое слово, а от неприятных собеседников можно было просто уйти.

А главное, в той жизни не было Роса, постоянного ощущения его присутствия, тянущего где-то под сердцем странной смесью боли и наслаждения.

Я вдруг задумалась, что было бы, выбери Врата себе другой Ключ. И поняла, что прожила бы

другую, совершенно обычную жизнь заурядной дурнушки. Где-нибудь лет в пятьдесят завела бы себе кота, молчаливого и бесконечно нормального. Стала бы выращивать кактусы на подоконнике… Нормальные.

Все было бы нормально. Но не в этой жизни! В мире, куда меня затащили странные Врата, нормальность просто неуместна.

Громыхнул гонг, вырвав меня из размышлений. Я сжала кулак, вонзая ногти в ладонь. Мир — безумный. Но это мой мир. И я не позволю никому его разрушить!

Я взглянула на часы, удивленно отметив, что почти четыре часа витала в каких-то далеко не розовых облаках, и пошла к выходу. Рос молча последовал за мной.

Я не стала его прогонять. Трехчасовое погружение в глубины собственного «я» не прошло даром. Понимание, что мне необходимо сделать, повисло на шее очередным ярмом. Зато груз сомнений стал несколько полегче. Я незаметно покосилась на идущего рядом парня: люблю? Да, конечно. Как близкого дорогого друга. И именно это отношение я и хотела сохранить вместо неминуемого разочарования или, того хуже, чувства вины за украденную жизнь.

— Мы пришли, — тихо напомнил Рос, и я со вздохом перевела взгляд на кованые ворота.

Кажется, у меня дрожали пальцы, когда я взяла Аррея за руку, чтобы провести через туман. Но, когда призрачный вампир завис передо мной, нервозность удалось подавить и мой голос прозвучал вполне твердо:

— Здесь и сейчас ты будешь говорить только правду и ничего, кроме правды. Разрешаю душе жить.

Аррей вздрогнул и недовольно уставился на меня.

— Я не знаю, что вам наговорил Георгий. Да это меня и не интересует. Вы — человечка и уже в силу этого вряд ли способны понять все величие моих планов…

Я приподняла бровь:

— И что же это за планы?

— Навести здесь разумный порядок! — рубанул воздух ладонью Аррей.

— Что в вашем понимании «разумный порядок», — поморщилась я, — вы уже рассказывали. Теперь мне хотелось бы узнать, как вы планируете этого достичь.

— А не разумнее ли просто признать, что ваши человечьи мозги…

— Отвечайте на мои вопросы, Аррей, — перебила я. — Это — приказ.

Вампир явно подзабыл, а может, и не верил никогда, что на своей территории Ключ всесилен. Его лицо исказила гримаса раздражения и презрения, а губы уже выговаривали то, что я хотела услышать.

— Я считаю разумным привести к общему порядку все общины, раз уж из-за Ключника от них невозможно избавиться. Вампиры как самые долгоживущие вполне способны воспитать новые поколения общинников и постепенно вытравить из них странные понятия о «свободах и правах». У низших существ должно быть одно право: право исполнять свой долг. Впоследствии, используя в том числе и особые способности общин, я собирался навести порядок и среди людей, заполонивших этот мир, как тараканы. Никому не нужно такое количество скота. Естественно, и среди них попадаются интересные особи, достойные обращения. Но такие вещи стоит отслеживать на самом высоком уровне, чтобы на принятие решения не влияли личные факторы.

— А оборотни?

— А что оборотни? — брезгливо искривил губы Аррей. — Тупые, отягощенные всякого рода табу и принципами, как и большинство низших, не способные осознать собственную ущербность. Но, к сожалению, они сильны чисто физически, а их община достаточно многочисленна, чтобы в будущем создать определенные проблемы. Разумеется, я должен привести их к покорности в первую очередь.

— И как? — Я сжала кулак, в очередной раз царапая собственную ладонь ногтями.

Не повышать тон становилось все сложнее. И только воспоминания о том, сколько ошибок я уже наделала, кого-то недослушав, заставляли меня сдерживаться.

— Открытое противостояние — слишком много трупов, — пожал плечами вампир. — Зачем терять

достойных вампиров и будущих слуг? Я решил поступить проще и гуманнее. Несколько щенков у меня в гостях, и глава общины вместе со своими слугами мирно сдались в плен, не тронув никого из вампиров и пальцем. Остальное — дело техники. У меня богатый опыт в том, как учить покорности заносчивых дураков.

— Поделитесь… опытом… — процедила я.

— Элементарно, — снисходительно усмехнулся Аррей. — В данном случае идеальным решением была боль. Подобные малоразвитые индивиды склонны воспринимать чужую боль куда острее, чем собственную.

За моей спиной послышалось глухое рычание.

— Рос, уйди в дом, — не оборачиваясь, приказала я. — Немедленно.

Не знаю, насколько понравилось мое требование парню, но магия Врат не оставила ему выбора, и удаляющиеся шаги стали мне ответом. «Прости, — мысленно повинилась я. — Но раз меня угораздило заварить это дерьмо, то мне в него и окунаться… С головой и в одиночку…»

— Правильное решение. Звери неспособны подчиняться здравому смыслу, — одобрил вампир.

— По этому поводу я вашим мнением не интересовалась, — отрезала я. — Так что и зачем вы сделали с оборотнями?

— Я же уже объяснял зачем! — возмутился вампир. — Только воспитав молодое поколение низших самостоятельно, я мог привить им разумные понятия о жизни вообще и их месте в ней в частности. Для этого мне необходимо было согласие вожака оборотней отправлять молодняк к нам. Ну и, естественно, сведения о местонахождении всех ныне живущих хищников: всегда найдется тот, кто решит, что он может попробовать обойти закон. Контроль необходим в первую очередь им самим. К сожалению, Волк оказался слишком упрям.

— И… — поторопила я, чувствуя, как по коже побежали мурашки.

— Все по привычной схеме. Сперва плети: серьезного урона здоровью не наносят, но причиняют массу неудобств. Да и кровь при удачном ударе брызжет весьма картинно. Когда это не подействовало, пришлось использовать более неприятные методы. Кости, знаете ли, очень убедительно трещат, когда ломаются. К моему удивлению, не помогло и это, тогда…

— Довольно! — перебила я. Слушать нечто подобное с каменным лицом я была попросту не способна. — Скажите, Аррей. А если бы Серые тропы вывели вас в какой-нибудь другой мир, вы бы и там… «наводили порядок»?

— Разумеется, — совершенно спокойно отозвался вампир. — Но повезло именно этому. Посему я занимаюсь им. И если у вас нет больше глупых вопросов, то я предпочел бы продолжить. От вас ничего не требуется, Ключ. Просто не вмешивайтесь, и через какую-нибудь сотню лет вы получите образцовую Вселенную, где каждый знает и выполняет свой долг.

От его слов веяло такой убежденностью в собственной правоте, что озноб, охвативший меня, буквально за полчаса сковал тело едва ли не в ледяную глыбу. Я. Именно я выпустила сюда это чудовище! Я оттолкнула Лиса, когда он пришел просить о помощи. И на моей совести дети, которые сейчас не узнают собственных родителей, и каждая крупица боли, причиненная этим уродом. И я должна остановить его раз и навсегда!

Осознание этого било наотмашь, вышибая из глаз вполне реальные слезы. До крови закусив губу, я протянула руку, почти касаясь призрачной плоти.

— Эта образцовая Вселенная будет существовать только в ваших больных мечтах, Аррей. И очень недолго.

— Да как вам еще объяснять?! — вскинулся вампир, но я его уже не слушала.

— Запрещаю душе жить, — камнем упали в прошлогодние листья самые страшные слова, какие только может произнести Ключ.

С тихим шелестом призрак стал осыпаться мельчайшими крупинками серого невесомого пепла. Аррей еще успел понять, что происходит что-то странное. Он дернулся вперед, словно пытаясь схватить меня за горло бестелесными руками, но больше не успел ничего.

Земля под ногами дрогнула и в нескольких метрах от меня вспучилась уродливым бугром, выпуская из своих недр мраморную статую. Каменный вампир, навсегда застыв в последней попытке убить, с ненавистью смотрел на меня с надгробной плиты.

«Так вот что имела в виду Марфа, когда говорила, что это мое личное кладбище… — тупо подумала я, жадно хватая ртом воздух. — Кладбище ошибок всех Ключей от начала времен».

Я обвела медленным взглядом длинные ряды разнообразных могил, тонущие в мутном тумане с чуть зеленоватым отливом, и побрела к дому. Меня ждала еще одна обязанность. И что-то подсказывало мне, что исполнить свой долг в этом случае будет куда сложнее, чем приговорить обезумевшего вампира к окончательной смерти без возможности перерождения.

ГЛАВА 21

Правильно

Рос стоял на пороге. Мой приказ не давал ему возможности покинуть особняк, но о необходимости закрыть за собой дверь я ему напомнить не потрудилась и теперь застыла в двух шагах от каменных ступеней, осознав, что он наверняка слышал все до последнего слова.

— Ты все сделала правильно, — твердо сказал он, прямо глядя мне в глаза. — Ему нет места ни в этом мире, ни в любом другом.

— Угу… — буркнула я, отмерев, и вошла в дом.

Оборотень попытался меня обнять, но я вывернулась, нервно дернув плечом. «Не усложняй. Мне и так хреново», — мысленно застонала я. Но Рос, разумеется, этого не услышал и как привязанный пошел за мной. Я не стала спорить. В конце концов, он имел право сразу узнать, что с его братьями теперь все будет в порядке.

Спустившись в подвал, я первым делом провела ладонью по Струне хищников, немного увеличив поток энергии. Теперь, по всем расчетам, им должно было хватать силы на их потребности. Зеленая муть Струнного, повинуясь моей воле, просветлела, и я увидела, как Георгий пинком распахнул ворота горного замка вампиров.

— Быстро сориентировались, — пробормотала я и, спохватившись, бросила Росу: — Ты можешь тоже смотреть и слушать.

— Спасибо, — кивнул он, подходя ближе.

Минут сорок мы молча смотрели, как Георгий гоняет вампиров туда-сюда, распоряжаясь у источника. В тот момент, когда Струна признала нового главу общины, я почувствовала легкую вибрацию во всем теле. «Начинаешь срастаться со своей новой жизнью, — ехидно отмстил внутренний голос. — Скоро будешь, как предрекла Марфа, каждого паршивого вожака, как собственный палец, чувствовать».

— Готово! — воскликнул какой-то смутно знакомый вампир, появляясь рядом с Георгием, как чертик из табакерки.

— И надо было так орать? — поморщился Георгий. — Мы их отпустили, как пожелала Ключ.

— Мм… тут есть одна проблема, — замялся пришедший.

— Что еще? Проводите до ворот и помашите вслед платочком, — ухмыльнулся Георгий, любовно поглаживая темный камень чаши источника. — Или хищники так высоко оценили наше гостеприимство, что уходить не хотят?

— Скорее не могут, господин.

— Не понял, — мгновенно посерьезнел он.

Я почувствовала напряжение, буквально волнами исходящее от Роса.

— Аррей славно поработал над одним из них. Его даже нести невозможно — взяться не за что.

— Тухлая кровь! — выругался Георгий. — Ключ взбесится! Носилки! Машину! Он не должен умереть на нашей территории!

— Не, — махнул рукой вампир. — Не помрет. Эти твари живучие. Да и Аррей…

— Ты еще здесь?! — Удар небольшого кулака снес болтуна к стене. — Я что, не ясно выразился?!

Не к месту разговорившийся кровосос выскочил из зала с источником как ошпаренный.

— Идиоты! — пробормотал Георгий, нервно расхаживая взад-вперед. — Меня окружают одни идиоты!

Он плюхнулся в кресло, но усидел на месте не больше минуты и, вскочив, почти побежал к выходу. Стены, бесформенные тени и полузнакомые лестницы мелькали так быстро, что у меня закружилась голова и я почти потеряла концентрацию. Картинка в озере помутнела, грозя вот-вот исчезнуть. Рос схватил меня за руку, крепко, до боли сжимая пальцы. Тряхнув головой, я кое-как сумела вновь сосредоточиться на вампире.

Тот как раз выскочил на широкую подъездную аллею прямо навстречу толпе вампиров. Их было так

много, что если бы Волк и Бер не возвышались над всеми почти на голову, я бы оборотней и не заметила. При виде главы общины вампиры расступились.

Рос снова стиснул мою руку. Бер и Серый держали носилки, на которых как-то странно, боком лежал мертвенно-бледный Лис. Его по самую шею укутали потертым пледом, судя по всему сдернутым с первого попавшегося дивана. Оборотни осторожно задвинули носилки в машину, и гигант Бер, нырнув следом, захлопнул за собой широкую дверцу.

— Надеюсь, ко мне никаких претензий? — спросил Георгий, останавливаясь рядом.

— Никаких, — мотнул головой Волк.

— Я пошлю с вами сопровождение, — предупредил вампир.

— Боишься, что мы загостимся?

— Не хочу, чтобы вы застряли в какой-нибудь пробке. Мы сотрудничаем с людьми и иногда пользуемся их… спецсредствами, скажем так.

Волк не ответил, плавным кошачьим движением скользнув на водительское сиденье минибуса. Минуту спустя машина выехала за ворота.

— Он точно выживет? — обратился Георгий к миниатюрной девушке.

Настолько красивой, что мне пришлось напомнить себе, что ей вполне может оказаться и лет пятьсот от роду, чтобы воспринимать всерьез ее миловидно-кукольное личико.

— Без сомнения. Аррей работал на боль, а не на смерть, — спокойно ответила красотка. — Не мне тебе объяснять, в чем разница.

— Да уж, — ухмыльнулся Георгий. — То-то их яму каждый раз из шлангов поливали. Жаль, я этого не видел. В кои-то веки зверюги огребали и не огрызались. Впрочем, — он посерьезнел, — способ, каким Аррей этого добился, испортил бы все удовольствие. Урод… Не забудь о сопровождении, Лана. Я обещал Ключу, что отпущу их. И я лично хочу, чтобы именно сейчас у них не возникло никаких проблем. В некоторых случаях даже хищник способен внушать уважение.

Последние слова он пробормотал себе под нос, медленно возвращаясь обратно к распахнутым воротам замка.

— Хоть бы с ним все было в порядке… — прошептал Рос, оторвав меня от очередного сеанса самоедства.

— Будет, — через силу выдавила из себя я, стараясь не думать, через что прошел рыжий балагур по моей милости. — Ты же слышал, что сказала вампирша.

— Вампирша… — презрительно фыркнул рысюк и прошелся по подвалу из угла в угол, едва не врезавшись в пустующую сейчас сферу. — Сень… Посмотри, а?

— Вот сам и посмотришь, — медленно кивнула я.

— Что? — Он остановился, будто налетев на стену.

— Ты сам посмотришь, — повторила я. — Лис пострадал, Бер тоже вряд ли в хорошей форме. Волк не откажется от еще одного бойца. Иди к своим братьям, Рос. Ты нужен им.

Голос сорвался, и я опустила голову, уставившись в мутные воды Струнного.

— Сень? — Рос коснулся моего плеча. — Это то, о чем я подумал?

— Я не знаю, о чем ты подумал, — отозвалась я, не глядя в его сторону.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — прямо спросил он, отступая на шаг.

— Хочу ли я? — Голос снова сорвался, и я закашлялась. — А разве это важно? Я в любом случае не имею права на твою жизнь. Из-за Ключей и всей той мерзости, что нас сопровождает, тебе и так пришлось отложить ее на триста лет. Так нечестно! И поэтому да. Я хочу, чтобы ты ушел и прожил нормальную жизнь. Ту, которую мы у тебя отняли.

«А еще я не хочу однажды понять, что стала очередной прислугой оборотней вроде Мавры, — мысленно добавила я, желая быть честной хотя бы наедине с собой. — Потому что они для тебя — свои и ты будешь защищать их даже передо мной. И даже там, где это совершенно не требуется».

Рос поймал меня за плечи и развернул к себе:

— Если я и уйду от тебя добровольно, то только туда. — Он кивнул на зеленую гладь Струнного.

— Значит, ты уйдешь недобровольно, — вскинула подбородок я, открыто взглянув ему в глаза. — Хватит с меня одного приговора на сегодня.

— Сень, прошу… Ты этого не сделаешь…

— Уходи за ворота, Рос, — отчеканила я, вывернувшись из его рук. — Уходи в мир живых. Сейчас же!

И в ту же секунду кто-то словно тряпкой провел по его лицу, стирая все эмоции. Он развернулся, как солдат на плацу, и молча вышел из подвала. Я не шелохнулась и не посмотрела ему вслед. Так и осталась стоять, бездумно вглядываясь в зелень Струнного озера. Но, как выяснилось, не так уж и бездумно, как мне казалось. Глубина начала светлеть, и несколько секунд спустя я увидела, как Рос быстро шагает к воротам, то и дело оглядываясь через плечо.

Я не могла оторвать взгляд от воды. Не могла даже перестать думать о нем, чтобы отражение пропало само. Я стояла и смотрела… Как он грудью врезался в кованую решетку ворот. Как на мгновение его фигура стала частью тумана, отделяющего мое сумрачное убежище от внешнего мира. И как там, под яркими солнечными лучами, он появился вновь и, уже не оглядываясь, зашагал по разбитой асфальтовой дороге вниз к городу.

Только теперь я сумела развеять это видение и отвернуться. На каменный парапет упала розовая капля: слезы смешались с кровью из прокушенной губы. Я зло провела тыльной стороной ладони по лицу. Все правильно! Я не имею права превратиться в какую-нибудь Марфу или Мавру. Наконец-то я все сделала правильно!

ГЛАВА 22

Кому должна, я всем прощаю

Я балансировала на хлипкой стремянке, пытаясь дотянуться до тонкой книжицы, стоявшей на верхней полке. Стремянка поскрипывала, я материлась, а книга доставаться отказывалась категорически. Кое-как я подцепила корешок кончиками пальцев и потянула вперед. Мне даже удалось вытащить ее примерно на две трети, а потом она намертво застряла в плотном ряду толстых фолиантов, то ли зацепившись какой-нибудь застежкой, то ли еще чем-то не менее лишним. Я обреченно выдохнула и, досадливо сплюнув, полезла вниз.

Четко в тот момент, когда я поставила ногу на пол, книжка вдруг вывалилась и, раскрывшись в полете, шмякнулась мне на макушку, как диковинный парик.

— Замечательно, — проворчала я, потирая свежую шишку и убеждаясь, что так старательно доставала вовсе не то, что требовалось. — «Разновидности мраморных растений пустыни Каменовки»… Судя по твердости, писанина прямо оттуда. Костя!

Скелет не замедлил появиться в дверях, и я, все еще придерживая гудящую голову, передала ему «Разновидности…».

— Поставь на место и достань, пожалуйста, что-нибудь про каменных гномов… Вообще про гномий мир тоже можно.

Костя, неодобрительно покачивая лысой черепушкой, полез на стремянку.

— И не смотри так недовольно, — буркнула я ему в позвоночник. — Должна же я начинать хоть немножко тут ориентироваться без твоей помощи.

Разумеется, скелет не ответил. Но я и не ждала ответа. Прошли те дни, когда я сомнамбулой бродила по опустевшему дому, каждую секунду ожидая увидеть за поворотом рыжий хвост или услышать язвительный комментарий по поводу очередной моей выходки. За прошедшие несколько месяцев я сумела научиться жить в одиночестве. Хотя привыкнуть к одиночеству мне так и не удалось.

С переменным успехом я разбавляла тишину разговорами с редкими гостями с Серых троп и односторонними беседами с Костей. Изучала книги в библиотеке и разбиралась в путаных возможностях Струнного. Теперь я понимала тех давно почивших Ключей, которые писали пространные книги о чуждых Земле расах и мирах. А чем еще заниматься в пустом доме, когда всю домашнюю работу выполняет безотказный Костя, а в сфере кто-то появляется, дай бог, чтобы пару раз в месяц.

Порой я поглядывала, чем занимаются знакомые общинники вроде Георгия или Волка. Но делалось это скорее в попытке развеять скуку, а не по необходимости. Потому что я уже настолько настроилась на Врата, а они на меня, что мне достаточно было просто сосредоточиться, чтобы ощутить их состояние. Мало того, я постепенно начинала чувствовать и глав тех общин, представителей которых и в глаза никогда не видела.

Так, дегерван вечно излучал какой-то похотливый флер. Если бы не Струна, ограничивающая активность этой расы, то они давно бы расплодились по всей планете. Единственный уцелевший после визита Ключника атлант пах ожиданием, как бы говоря: «Мое время еще вернется». От Георгия веяло спокойствием и довольством, несмотря на мою ссору с Лэттой.

Да. Я с мамой поссорилась, и очень серьезно. Впрочем, это можно было предвидеть заранее. Она слишком долго была вампиром и не знала другой жизни. Когда она стала появляться у Врат чуть ли не каждый день с очередной просьбой, мне пришлось говорить прямо. Обида не заставила себя ждать. Как и обвинения в неблагодарности и прочих грехах. Больше она не приходила. А я, понятное дело, не звала.

Иногда я сознательно вызывала ощущения какой-нибудь общины, чтобы отрешиться от своих собственных. Так, камнееды отдавали мне размеренный хруст камней и такое всепоглощающее спокойствие, что я довольно легко засыпала. А маленький народ цветочных фей с вересковых пустошей помогал проснуться и заставить себя в очередной раз выбраться из-под одеяла, такую жажду деятельности излучала их глава.

Зато Волк, стоило мне хоть на мгновение коснуться его разума, оставлял послевкусие глухой монотонной, будто застарелой тревоги. Все еще чувствуя свою вину за проблемы, свалившиеся на эту общину из-за моей неопытности, несколько раз я пыталась разобраться, откуда это странное ощущение. Но всегда терпела оглушающее фиаско. Серый занимался повседневными делами, решал какие-то торговые вопросы и ни разу ни словом не обмолвился о том, что его тревожит.

Приглядывала я и за Росом… Ну как приглядывала. Подглядывала, если быть совсем уж честной, тогда, когда делалось совсем уж невмоготу. Обычно крышу у меня срывало ближе к середине ночи, и я заставала его либо спящим, либо читающим какую-нибудь книгу.

Долгое время я не понимала, что он так тщательно изучает, пока однажды не решила взглянуть, как оправился от своих ран рыжий балагур Лис. Глубоко засунув руки в карманы толстовки-кенгурушки, он расхаживал по комнате, рассказывая про какую-то специфическую болячку оборотней, а Рос, почти тыкаясь носом в мутную тень, переспрашивал. Так я выяснила, что Лис был лекарем в общине и теперь обучал этому ремеслу рысюка.

Я убедила себя, что рада за так удачно влившегося в общину Роса. Но где-то в глубине души поселилось чувство, что я действительно поступила правильно, отослав бывшего кота. И отдавало оно, вопреки ожиданиям, не спокойствием и радостью, а полынной горечью. Впрочем, я причислила это ощущение к банальной зависти и постаралась свести на нет свои подглядывания. Слишком уж окрепло подозрение, что однажды ночью я увижу рядом с ним какую-то тень, и отнюдь не в смотровом кабинете Лиса.

Костя щелкнул челюстью, привлекая мое внимание, и поставил на стол высокую стоику разномастных книг просто монструозных размеров.

— Это гномы? — опешила я.

Скелет невозмутимо кивнул.

— Рос бы сейчас сказал: «Это книги». И улыбнулся, — пробормотала я, и в груди вдруг как-то по-особому жалко защемило. — А Васька бы добавил «…дубина». Или еще какую-нибудь гадость. И я бы за ним…

Сообразив, куда занесло мои мысли, я поспешно сдернула с верхушки книжной пирамиды толстый фолиант и положила перед собой.

— Итак, гномы… Чем у нас занимаются гномы…

Удар гонга не позволил мне погрузиться в будни гномьего быта. Я подскочила, едва не перевернув чернильницу, и резво побежала к лестнице. «Кто бы там ни был, — вертелось у меня в голове, — хоть атлант, приму и буду долго-долго выяснять, что ему понадобилось…»

Пятерню, украсившую своим присутствием кованую решетку Врат, я узнала моментально, хоть и видела всего три раза в жизни. А узнав, споткнулась на ровном месте, обуреваемая противоречивыми чувствами. Вот уж кого я ожидала здесь увидеть в последнюю очередь.

Я взялась за широкую кисть, с трудом сумев обхватить всего четыре пальца, и провела через туманную дымку Врат лидера антифан-клуба Секлетиньи Маравой — Волка.

«Чувствую, теперь-то я наконец узнаю, что его гнетет в последние месяцы», — подумала я, бросив короткий взгляд в реальный мир за Вратами. Там у словно оцепеневшего тела Серого неподвижной статуей застыл Бер. Но других оборотней я, как ни вглядывалась, увидеть не смогла. То ли друзья действительно пришли вдвоем, то ли другие зачем-то прятались по округе. Снедаемая смесью любопытства и беспокойства, я выдохнула ритуальную фразу:

— Разрешаю душе жить.

Волк глубоко вздохнул, расправив плечи, и воткнул в меня горящий какой-то мрачной решимостью взгляд. Не дождавшись ни объяснений, ни приветствия, я кивнула на особняк.

— Поговорим там?

Поговорим, — согласился Серый с каким-то облегчением.

— Надеюсь, что напоминать о правдивости не надо, — спохватившись, выкрутилась я. — И все же напомню: здесь ты можешь говорить только правду и ничего, кроме правды.

— Разумеется, — буркнул оборотень за моей спиной. — Ложь — оружие слабых.

Я не нашлась, что ответить, и молча провела неожиданного гостя в холл. Он не стал тянуть.

— Скажи, Ключ, — проговорил Волк, едва мы сели, — чего хочет тот, у кого есть все?

— Прости, что? — опешила я.

— У меня есть просьба, — сказал он, подавшись вперед. — Личная просьба. Я знаю, что Ключ не обязан решать частные проблемы общинников, будь то вожак или любой другой. Я знаю, что ты нас

не любишь, а может, брезгуешь зверьем…

Пока я хлопала глазами, пытаясь понять, что за бред мне втирают, оборотень перевел дух и продолжил:

— Но я прошу тебя помочь, и готов сделать для тебя все, что только в моих силах, лишь бы ты, Ключ, согласилась…

— Для начала прекрати называть меня «Ключ», — кое-как совладала со ступором я. — У меня имя есть. И объясни наконец, в чем дело.

— Мой друг решил уйти из общины в чащу, — выдохнул Волк.

Я сморгнула.

— И… Что?..

— «И что»? — отзеркалил мою ошарашенную гримасу Серый. — Хотя да… На что я только надеялся, идиот?!

Он поднялся, и меня захлестнула злость. От него пахло едва не отчаянием. И при этом он изображал оскорбленную невинность.

— Сядь! — рявкнула я.

Уж не знаю, что подействовало, мой окрик или магия Врат, но призрачный оборотень мешком плюхнулся обратно в кресло.

— А теперь спокойно объясни, что в этом такого плохого? Насколько я понимаю, многие из вас живут в лесах…

— Да нет же! — перебил он, и в отчаяние вплелся какой-то новый, пока едва ощутимый аромат. — Наши предки уходили в чащу, когда понимали, что становятся обузой для стаи! Они уходили туда умирать!

— Это что еще за пещерные замашки? — вытаращилась я. — У вас же нормальная цивилизация. Я читала. По небу летаете, по морям плаваете…

— Оборотни до сих пор умирать предпочитают в одиночестве, — пояснил Волк.

— Так… — протянула я, затолкав подальше свое мнение о подобных традициях. — И кто собрался на Серые тропы… раньше времени, я правильно понимаю?

— Правильно. — Оборотень сцепил огромные руки в замок, стиснув пальцы так, что побелела даже призрачная кожа. — Лис. После ямы Аррея… он…

— Да что ты мямлишь?! — вконец обозлилась я.

Лиса я видела в озере сравнительно давно, но он уже тогда не походил ни на больного, ни тем более на умирающего. Так какие же последствия я умудрилась не заметить?!

— Когда появился Рос, я понадеялся, что этот болтун хоть немного развлечет Рыжего, заставит того… очнуться, что ли… — тихим, каким-то отрешенным голосом заговорил Серый, — и приставил его к Лису помощником. Но сегодня утром я узнал, что сделал только хуже… Я случайно услышал их разговор. Лис посмеялся над моей хитростью и сказал, что не желает быть обузой, и как только обучит Роса лекарскому ремеслу — уйдет в чащу. Я… я вломился к ним, наорал на обоих. Говорил рыжему, что он мой брат и никто не видит в нем обузу. Но он не стал меня слушать. «Я больше не воин и не лекарь, — сказал он мне. — Так… обрубок». Но я знаю, что ты можешь помочь! Я сам видел, как что-то подобное однажды сделала Марфа! — Оборотень снова вперил в меня горящий мрачной яростью взгляд. — Что мне сделать, чтобы ты поступила так же?

— Объяснить, чего ты от меня требуешь! — с не меньшей яростью рыкнула я.

С Лисом, по моей глупости угодившим в лапы Аррея, явно было что-то очень сильно не так. А чертов оборотень ходил вокруг да около, болтая всякую ерунду.

— Я не требую. Я прошу… — Волк опустил голову. — Верни ему руки…

— Руки?.. — закусила губу я. — Но…

И тут же перед глазами всплыла виденная в озере картинка: Лис ходит по комнате и совершенно не своим, лишенным эмоций голосом рассказывает что-то Росу. И руки он при этом держит в глубоких

карманах. Руки? Или то, что от них осталось?

— Аррей что, отрубил ему руки? — В висках застучали мелкие молоточки.

— Он хотел, чтобы я выдал лесных общинников. И решил воздействовать на меня именно так…

— Ты чудовище! — выкрикнула я, вскочив.

— Я не мог предать общину! — огрызнулся Волк.

Я даже не нашлась, что сказать на такой идиотский довод.

— Считай меня придурком! Трусом. Да кем угодно, черт возьми! Но помоги ему!

— Точно придурок… — выдохнула я. — Нормальный пришел бы сразу! Да что там… Нормальный привез бы друга сюда, едва выбравшись из заточения. Иди за ним!

Волк неверяще вытаращился на меня.

— Пинка для рывка? — окрысилась я, и он наконец вскочил и побежал к двери.

Я только головой покачала, почувствовав, как он пролетел через ворота, вряд ли даже заметив преграду. Часы показывали половину четвертого. «Даже если Волчара будет нестись как на пожар, а рыжего затолкает в машину, не утруждая себя объяснениями, а он именно так и поступит, то у меня все равно примерно час в запасе, — решила я. — Не помешает освежить в памяти уроки Марфы».

— Костя! Принеси из библиотеки серую книгу, которая лежит на левом подоконнике. И поставь какую-нибудь кушетку в подвал, поближе к Струнному.

Скелет деловито удалился, а я, бездумно глядя на улицу, вспомнила каменный мешок Аррея, троих оборотней, оказавшихся там, и слова Лиса: «А я все еще думаю, что нас просто не поняли…» «Просто не поняли, — повторила я про себя. — И черт меня подери, если я не исправлю свою ошибку!»

Серый появился через пятьдесят пять минут. Но я все успела и уже поджидала гостей у ворот, нетерпеливо рассматривая внешний мир в туманной рамке Врат и одновременно решая неожиданно всплывшую дилемму. Смертному для того, чтобы пройти через портал, требовалось просунуть в решетку руку. Но в данном случае меня обуревали сомнения: Врата неразумны, мало ли как они воспримут, если я возьмусь за предплечье. Да и пропустит ли защита? Раньше я никогда не видела между прутьями что-то более серьезное, чем кисть до запястья. Существовал и еще один способ впустить Лиса в мой потусторонний мирок — открыть ворота. Но этому активно противилась вбитая Марфой подозрительность.

Все еще пытаясь решить, что делать, я увидела, как Волк едва не волоком тащит рыжего по раздолбанной дороге. А тот не то чтобы сопротивляется, но на лице у него написано такое недоверие пополам с горечью, что мне показалась горькой собственная слюна. «Не доверяй. Никогда. Никому», — прозвучал в ушах голос бабки. Оборотни подошли к решетке, и я снова взглянула в лицо Лиса.

— А вот хрен вам, дорогая бабушка, — проворчала я себе под нос и взялась за витую щеколду.

Тяжелая перекладина, стронуть которую с места мог только Ключ, пошла вверх, и тут же ударил гонг: Волк сунул руку в решетку. Я рыкнула и вытолкнула его пальцы, потянув створку на себя. Ворота заскрипели, открываясь впервые за бог знает сколько лет. Но я еще успела увидеть убитое выражение физиономии Серого. «А, ну да… Я же самый злобный Ключ, какого только можно себе представить, — раздраженно расшифровала гримасу я. — И наверняка решила так весело пошутить».

Компенсацией за несправедливые подозрения мне послужила отвисшая челюсть Волка, когда он понял, что произошло.

Не глядя на него, я самым наглым образом сделала один шаг в реальный мир и, подцепив Лиса под локоть, так как руки он прятал в карманах толстовки, завела в Потустороньe.

— Подожди, — бросила я и налегла на створку, в последний раз полюбовавшись на ошарашенную физиономию Волка.

— Привет, — кивнула я, вернув щеколду на место. Мне показалось, что Врата с облегчением выдохнули. Я повернулась к Лису. — Как видишь, разрешать тебе жить в этом случае необходимости нет. Но… другие приказы остаются в силе. Не лгать мне. Не нападать на меня. Не вредить мне и всему тому, что ты здесь увидишь.

Потусторонье откликнулось, огладив меня едва ощутимым ветерком, принимая приказ.

— Нападать? Этим? — с горечью усмехнулся Лис и наконец вытащил руки из карманов. — Вы слишком высокого обо мне мнения, Ключ.

Я закусила губу, глядя на два обрубка с розовой молодой кожей и свежими бугристыми шрамами.

— Секлетинья, — выдохнула я, кое-как совладав с непослушным языком. — И можно на «ты».

Лис удивленно приподнял брови.

— Что за манера, — ворчливо продолжила я, пытаясь отвлечься от зрелища, разбудившего в душе грызущее чувство вины. — У меня что, имени нет? Или мне сто лет в обед, чтобы мне все подряд выкали?

— Секлетинья, — склонил голову Лис, — отпусти меня, пожалуйста.

— Что? — опешила я.

— Зачем тебе это? Я прожил неплохую жизнь и не хочу закончить ее безмозглым овощем, не помнящим, кто он и откуда пришел.

— Прости, но я тебя не понимаю, — покачала головой я.

— Я догадался, зачем Серый привел меня сюда. Сегодня утром я сорвался и сказал то, что не должен был произносить вслух. И он решил просить Ключ лишить меня памяти, как Марфу… Не надо. Прошу тебя.

— Какие все догадливые, блин, — обозлилась я. — Как все хорошо знают, что я собираюсь делать. Аж оторопь берет.

— Но…

Я прекрасно понимала, почему Волк не рассказал другу, зачем тащит его к Вратам: очередная перестраховка, а вдруг злобный Ключ успеет передумать. Но бесило такое отношение до зеленых чертей.

— В морду зубастую дай своему вожаку, когда в общину вернешься, — перебила я.

— Боюсь, это будет несколько затруднительно, — невольно улыбнулся Лис.

— Почему же это? — сварливо поинтересовалась я, подталкивая гостя к особняку.

— И чисто физически, и морально. Он все-таки мой вожак.

— Ничего. Скажешь, что это от меня. Мол, я бы лично отметилась, да он слишком высокий, не дотянусь. Вот тебе и поручила. А физически… Для этого тебя сюда и привезли.

— Не понял, — споткнулся на пороге Лис.

— Сейчас все поймешь, — пообещала я.

В полном молчании мы спустились к Струнному озеру.

— Вот только не надо воображать, что мне вздумалось предоставить тебе возможность для красивого самоубийства, — поспешно сказала я, не дожидаясь очередной «гениальной догадки».

— Вы… ты… — замер Лис. — Я слышал, что такое бывало, но никогда не верил, что это возможно… Но это возможно… Да?

Он поднял на меня глаза, полные надежды и такого страха обмануться, что мне стало не по себе. «Придушу Волка за то, что не привез его сразу, — молнией пронеслось в мозгу. — Только сперва разобью собственную дурную голову о ближайшую стену! Как я могла не заметить?!»

— Возможно. Здесь я могу все. Ну или почти все… — Я тряхнула головой, пряча чувства за деловым, уверенным тоном. — Раздевайся, если не хочешь уйти отсюда голышом. Костя тебе поможет.

Я отвернулась, то ли не желая смущать его, то ли не желая смущаться сама, и поднялась на парапет.

К озеру Лиса подвел Костя. Рыжий медлил, в одних боксерах стоя на бортике. Видимо, слишком много легенд окутывало густые воды источника их жизни. Я взяла его под локоть, и мы вместе вошли в туманную зелень живой энергии.

— Не вздумай вывернуться, — предупредила я. — Пока ты меня касаешься, мы — единое целое, и энергия воспринимает нас именно так. Но стоит хоть на мгновение потерять контакт — и я смогу достать отсюда только твое тело. Избавь меня от такого опыта.

— Я постараюсь, — слабо улыбнулся он.

Мы продвигались вперед, и через два шага наши глаза оказались на одном уровне. Сила, сейчас принимавшая мои желания, едва они успевали оформиться хотя бы в мысль, не давала мне погрузиться слишком глубоко. Я завела его искалеченные руки себе за шею:

— Держись.

Лис только кивнул. И я, сцепив пальцы в замок у него на спине и чувствуя бугристые шрамы, испещрившие его кожу во всех направлениях, с головой окунулась вместе с ним в вязкие глубины бездонного источника силы.

Я черпала щедро. В конце концов, тратила я свое. Не общинное, не чужое. Лишь то, что причиталось именно мне. Мне хотелось расплатиться за все, что по моей вине пережил этот человек. И пусть он не был человеком, он все равно оставался одним из немногих, кто отнесся ко мне по-человечески с самого начала и хотя бы пытался понять. И я хотела стереть если не с души, то хотя бы с его тела все следы своих ошибок.

Когда зеленые воды Струнного подняли нас на поверхность, оборотень навалился на меня всем своим весом, не в силах удержаться на ногах. Но мне помогло справиться с ним само озеро, а потом подключился и Костя. Вместе мы дотащили что-то бормочущего и блаженно улыбающегося Лиса до кушетки и кое-как уложили. Он что-то промямлил и попытался обнять скелет. Костя вывернулся, и мы с ним укутали тут же отрубившегося оборотня в теплый плед.

Я вспомнила длинные сильные пальцы пианиста, которые только что с трудом отцепила от костяных прелестей, и тихо засмеялась. Лис был пьян. В зюзю, в хлам… Еще бы, при том количестве энергии, которой я его накачала, чтобы заставить живую силу сформировать ему новую плоть. Формой послужило отражение души, повредить его Аррей был не властен.

«Жаль, что ты этого не увидишь, выродок, — с какой-то веселой злостью подумала я. — Ни следа от тебя тут не останется. Ни на Земле, ни в телах, ни в душах».

Убедившись, что Лис спит и проспит еще как минимум несколько часов, я присела за свой маленький столик и тихо сказала:

— Костя, а принеси-ка мне сюда кофе и ту книгу про гномов.

Скелет кивнул и деловито застучал костяными пятками по каменным ступеням лестницы. Я снова посмотрела на Рыжего, который блаженно улыбался во сне, и, наверное, впервые с тех пор, как стала Ключом, почувствовала себя по-настоящему счастливой. Да. Мне еще придется несколько раз подпитать Лиса силой Струнного, чтобы окончательно закрепить результат, но купания это уже не потребует. По сути же, я вернула ему то, что он по моей вине едва не потерял — вкус к жизни. И это было хорошо. Очень хорошо.

ГЛАВА 23

Если друг оказался вдруг…

Я долго читала о странных обычаях каменных гномов, которые со всеми подробностями описывала одна из забытых Ключей прошлого. Кофе давно кончился. Лис все еще спал. Монотонное повествование в конце концов убаюкало меня, и глаза стали закрываться сами собой.

Вопреки обыкновению, на этот раз я засыпала медленно. Постепенно погружались в туман темные углы обширного подвала, сфера с неподвижным камнеедом, высокие колонны. И только Струнное оставалось гореть ярким пятном посреди этого полусна. И в какой-то момент мне показалось, что оно везде, что я снова погружаюсь в вязкие, плотные и такие нежные объятия живой энергии.

Вот только я уже не удерживала искалеченного Лиса. И все же была не одна. Горячие руки гладили меня по спине, жадные губы искали мой рот, покрывая поцелуями лицо. А сама я путалась пальцами в чьих-то мягких волосах, то ли вдыхая, то ли просто чувствуя аромат своей и чужой страсти.

«Ты не забудешь?» — Жаркий шепот будто ласкает саму душу.

«Я вспомню. — Ответ, как выдох, лег на мягкую подушку окружающей нас энергии. — Если не забудешь ты».

«Никогда!» — Ожог-обещание, горячий, почти причиняющий боль.

Жадные губы наконец нашли то, чего жаждали, сминая и подчиняя меня. И я подчинилась. Подчинилась, потеряв ощущение времени и пространства, едва не позабыв, что это лишь сон и видение. Всего лишь морок.

«Моя…»

«Мой…» — сплетались пылающие полуслова-полустоны в зеленоватом мареве. И я знала, что вот это единение и есть та самая любовь, воспетая в песнях всех миров. Любовь, которую я и он пронесем через все наши жизни.

Громкий звон заставил меня подскочить, пробкой вылетев из сонной неги.

— Что?!

Но вокруг царила тишина. Не пощелкивал челюстями Костя, напоминая про мои обязанности. Мирно сопел, раскинувшись на тахте, Лис. А на полу лежали осколки разбитой кофейной чашки. Сообразив, что во сне попросту смела ее со стола, я снова вспомнила жаркий сон и покраснела. Хорошо, что тут была эта чашка… А то только эротических снов мне в моей богатой на события жизни не хватало.

Я снова оглянулась на Лиса, убеждаясь, что он действительно спит. Даже представить страшно, что бы подумал рафинированный оборотень, если бы меня угораздило еще и застонать от привидевшейся страсти.

«Все признаки недотраха налицо! — прозвучал в ушах ехидный голос Васьки. — Замуж тебе пора, Секлетинья, пока на гостей с Серых троп бросаться не начала».

— Тьфу, хам… — проворчала я.

И только тут сообразила, что снился-то мне, похоже, именно этот самый хам, только в другом обличье. Я помотала головой, словно пытаясь вытряхнуть из нее разом и сон и Васькошизофрению, и встала из-за стола, с трудом разогнув затекшие ноги. Лис что-то пробормотал во сне и повернулся на бок. Плед сполз, обнажая совершенно чистую, без единого шрама спину. Я подошла, с минуту рассматривала гладкую кожу и, удовлетворенно кивнув, поправила покрывало: у меня все получилось.

Я снова потянулась и тихонько пошла к лестнице. Только выбравшись из подвала и прикрыв за собой дверь, крикнула:

— Костя! Мы ужинать будем?

«Мы, это ты и Костя?» — снова съязвила Васькошиза, но в том «растрепанном» состоянии, в какое привел меня странный сон, я была ей только рада.

Скелет показался в коридоре, кивая на ходу, и скрылся в дверях, ведущих на кухню.

— Я еще душ принять успею? — сунулась следом я.

Костя снова кивнул, и я побежала в свою спальню. Тугие струи холодной воды смыли остатки яркого сна, и ко мне вернулась способность трезво мыслить. Пока скелет крутился на кухне, я открыла одну из гостевых, сменила там постельное белье и извела еще несколько бабкиных платьев, сотворив кое-какую одежду спящему внизу гостю.

«Не позаботиться о запасе белья, отправляя кого-нибудь на пару дней в гости, похоже, традиция для оборотней, — ухмыльнулась я, полюбовавшись на аккуратную стопку. — А мне-то думалось, что волчара только меня так уважил».

Убедившись, что вроде бы все в порядке, я спустилась в подвал проверить, как там Лис. Он уже проснулся и, обернув бедра пледом, сидел на тахте, с сомнением перебирая собственную одежду. О причине затруднения догадаться было несложно. Как и о том, какой предмет туалета потерял рыжий. Струнное озеро не терпело то, что не вышло из его глубин. Ну, кроме меня. Поэтому мне и удалось покинуть его вязкие воды при всем параде, в отличие от Лиса.

— Душ у тебя в спальне, — громко сказала я с верхней ступени лестницы, заставив его вздрогнуть. — Костя сейчас придет и проводит. А потом будем ужинать.

Не дожидаясь ответа, я быстро ретировалась, решив дожидаться гостя в столовой. Как-то непривычно смотреть на голого мужика, пусть и немного прикрытого пледом. Продумывая всю эту авантюру, о таком аспекте я не задумалась, позаботившись о кушетке, но не об одежде.

С размером я угадала. Спортивный костюм — а их я в последнее время производила буквально в промышленных масштабах — сел как влитой.

«И все-таки фигуры у этих зверюг обалденные», — подумала я, невольно залюбовавшись широкими плечами атлета и вспомнив Роса, щеголявшего по моей милости в почти таком же одеянии.

— Ключ… — начал было Лис и запнулся, остановившись в нескольких шагах от стола.

Я недовольно приподняла брови, напоминая о своей просьбе.

— Секлетинья, — тут же поправился оборотень. — Спасибо… Я…

«О нет! — молнией промелькнула в мозгу паническая мысль. — Он же благодарить меня сейчас будет!»

— Не надо! — поспешно заговорила я. — Будем считать, что я просто исправляла свою же ошибку. Ты приходил сюда, но я, к сожалению, тебя неправильно поняла. А сейчас просто убрала последствия этого недопонимания. Тебе придется погостить у меня еще несколько дней. А потом ты вернешься в мир живых, и мы постараемся оставить прошлое в прошлом. Хорошо?

С минуту он испытующе смотрел на меня, а потом резко кивнул:

— Хорошо. И все равно спасибо.

— Угу, — буркнула я и указала на стул напротив себя. — Ужинать будешь?

— Если приглашаешь, — улыбнулся он. — Я голодный как…

— Как волк? — усмехнулась я, радуясь перемене темы.

— Не, — он качнул головой, встряхивая салфетку, — Серый столько не ест.

— Приятного аппетита, — рассмеялась я и взялась за ложку.

Какое-то время мы ели молча. Я знала, что голод будет сопровождать моего пациента еще не один день. Побочный эффект, так сказать. Старалась не смущать его насмешливыми взглядами и прятала улыбку в уголках губ, не давая понять, как занятно выглядят со стороны его попытки сдерживаться и есть не спеша и аккуратно.

— Вкусно, — словно извиняясь, пожал широкими плечами Лис.

— Да, Костя отлично готовит, — поддержала подобие светской беседы я. — Он у нас на все кости мастер. И повар, и дворецкий, и секретарь. И даже библиотекарь. Без его помощи я чаще книжками по голове получаю, чем читаю.

— Я сам в нашей библиотеке даже книги по лекарскому делу найти не могу, — ухмыльнулся рыжий. — Недавно, кстати, в этом убедился.

Он бросил в мою сторону какой-то странный взгляд.

— Тоже уронил что-то себе на голову? — не поверила я.

— Нет, до этого, слава Творцу, не дошло. Не повезло моему новому помощнику.

— На него упала книга?

— Стремянка. Я не заметил, что она зацепилась за…

— …дурацкую застежку, — в один голос с Лисом закончила я, и мы расхохотались.

— Ох уж эти застежки, — сквозь смех выдохнул Лис.

— И кому только пришло в голову цеплять их на книги? — вторила я.

— Ты не поверишь, несколько дней назад мне попался фолиант, закрытый на здоровенный амбарный замок, — смеясь, рассказывал рыжий. — Вся община на хвосты встала в поисках ключа. Мало ли что нам там предки оставили такого секретного. Кое-как вскрыли этот талмуд, а там…

Лис сделал театральную паузу.

— Что? — утирая слезящиеся от смеха глаза, поторопила я.

— А там сомнительные стишки давно почившего вожака трехсотлетней давности. Что-то такое героическое про битвы с драконами.

— О господи, — расхохоталась я.

— Серый чуть себе хвост не откусил с досады. Он кучу денег на специалиста по замкам потратил, чтобы этот бред открыть, не повредив.

— Кошмар!

— Кошмар был потом. — Лис хитро улыбнулся. — Когда Серый узнал, что замок этот на книгу Рос присобачил. Пошутил так. Они половину мебели в общинном доме разнесли, пока друг за другом гонялись.

— О да! — воскликнула я, вспомнив, как сама сносила с постаментов доспехи, пытаясь поймать вредного котяру. — Рос это может.

Имя заставило подавиться смехом, как сухой крошкой.

— Как он там у вас? — спросила я наконец, не сумев сдержаться.

По лицу Лиса проскользнула мимолетная тень.

— А что ты хочешь услышать?

— Правду, — насторожилась я.

— Ну, соврать я тебе в любом случае не смог бы, — напомнил рыжий. — Да и не приучен. Я имел в виду, ты хочешь узнать, что видят все или что вижу я?

— И то и другое.

— На виду Рос, ну или Васька, если тебе так будет понятнее, болтун, клоун и скоморох. Его уже все успели полюбить и возненавидеть за его шуточки. Но не устают смеяться, когда дело касается кого-нибудь другого.

— Знакомо, — проворчала я. — А ты? Что видишь ты?

— Он скучает, — пожал широкими плечами Лис, рассматривая свои пальцы. — Ни с кем так и не сошелся близко. Он вроде и с нами, но в то же время сам по себе. Я волей-неволей часто с ним общался. Серый приставил его ко мне помощником почти сразу, как я очнулся. В принципе правильно: свои обязанности я выполнять не мог и должен был передать знания тому, кто займет мое место. Прости, я отклонился от темы. Так вот. Рос болтает, как пьяный скоморох, будто не способен хоть что-то воспринимать всерьез. А когда он думает, что его никто не видит, появляется совсем другой Рос, забывший, что такое улыбка, потухший.

— И откуда ты-то знаешь, раз никто не видит, — немного сварливо вставила я, чувствуя, как тоскливое сомнение в правильности того решения снова заползает в душу.

— Первое время он… ухаживал за мной. Я был… скажем так… не совсем дееспособен. И снотворное мне тоже давали в числе прочего, — медленно, тщательно подбирая слова, ответил Лис. — Но таблетки не всегда помогают против тяжких мыслей, и мне часто не спалось. А Рос был уверен, что снотворное действует.

— Понятно… — только и смогла проговорить я, окончательно заблудившись среди противоречивых, а порой и вовсе не понятных чувств.

— Секлетинья, скажи, раз уж у нас такой разговор, — Лис наконец поднял на меня глаза, — ты уверена, что правильно поступила, отправив Роса в общину?

— Сейчас я уже ни в чем не уверена, — махнула рукой я.

— Он говорил, что ты любишь поспать подольше.

— При чем тут это?.. Он рассказывал обо мне?! — покраснела я.

— Только это, — грустно улыбнулся Лис, глядя куда-то в сторону. — Когда я спросил его, куда он ходит по утрам.

— А-а… э-э…

— Где-то около семи, — добавил рыжий и поднялся. — Спасибо. Это было очень вкусно, но сейчас я, кажется, самым невежливым образом усну прямо за столом.

— Извини! — спохватилась я, взглянув на часы. — Спокойной ночи!

Он кивком обозначил поклон и вышел из столовой, а я осталась сидеть, бездумно глядя на закрывшуюся за его спиной дверь. Слова Лиса разбудили все те странные мысли, которые я вроде бы уже успела загнать куда-то на задворки памяти. Правильно ли я поступила? Хороший вопрос, рыжий. Если бы мне еще самой себе удалось на него ответить!

Чувствуя, что сейчас точно не засну, а если и засну, то привидится мне гарантированное безобразие, я отправилась в библиотеку и снова засела за книгу о гномах. Но даже монотонные описания разнообразных колпаков и ритуальных кирок не могли вышибить из моей головы мысли о Росе.

«Люблю или нет? — Не замечая, что делаю, я бездумно водила пальцем по полированной столешнице. — А он любит? Что для него лучше, любовь в четырех стенах или свобода без этой любви?»

В памяти всплывали сны-воспоминания из прошлой жизни, страшная поляна в несуществующем лесу, смех Птахи в объятиях Роса, шершавые пальцы Яги, выпачканные в крови.

— Костя! — позвала я, резко отодвинув надоевшую писанину. Скелет тут же появился на пороге, словно стоял за дверью. — Дай мне книгу… Книгу про Ключи и их избранных. Есть у нас такое?

В этот раз Костя отсутствовал почти четверть часа. И когда я уже решила, что погорячилась и скелет попросту ушел, он принес мне довольно тонкий томик в сером неприметном переплете. Я открыла книгу, а закрыла ее, когда за окном рассвело. Все было просто… Но как же мне набила оскомину эта банальная фраза, с тех пор как я попала в особняк. Здесь все было просто и в то же время настолько сложно, что хотелось убиться о первую попавшуюся стену.

Яга не соврала. У каждого Ключа был свой избранник. Однажды найденный, он больше не растворялся меж Серых троп, уходя на очередное перерождение. Но и избежать этого вынужденного путешествия тоже не мог. Он всегда помнил свои прошлые жизни, раз за разом приходя в миры через Врата.

Ключи же возрождались в новом теле, хоть каплей крови связанном с кем-нибудь из их предков. Возрожденный Ключ менял его под себя, годам к двадцати становясь тем, кем был на самом деле. То есть представителем совершенно отличной от всех прочих расы, способной управлять Струнами, для которой внешний вид и строение тела не играли никакой роли. Для Земли это всегда было внешнее подобие человека. Впрочем, система «две руки, две ноги, одна голова» работала почти во всех мирах, за редким исключением типа камнеедов.

А вот с памятью у нас обстояло не все так гладко. О прошлых жизнях мы узнавали постепенно. И чем дольше находились у Струнного озера, тем дальше заглядывали в прошлое. Та Ключ, которая написала прочитанную мной книгу, дошла до тридцать какого-то перерождения. И лишь семь из этих жизней она провела рядом со своим избранником.

Я потерла ноющие виски и посмотрела в вечно серый туман за окном, в котором тонули сумрачные

склепы и надгробия. Судя по всему, мою прошлую жизнь особняк на пару с прабабкой мне уже напомнили: скромница Птаха, влюбленная в русоволосого красавца из соседней деревни и даже не подозревавшая, что она — Ключ. А что же было до нее? Тот странный сон с жаркими поцелуями в глубине Струнного из еще более «прошлой» жизни? По крайней мере, то ощущение бесконечного единения в моем понимании больше походило на любовь, которую можно пронести через многие жизни, чем невнятное бормотание Птахи. Девицы, вообще в обморок грохнувшейся при виде избранника.

«С другой стороны, может, та я попросту не дожила до чего-то большего? — вдруг подумала я, вставая. — Ведь прикосновения Роса и сейчас не будят во мне „бурю страсти“. И тем не менее мне его не хватает. Я скучаю. Беспокоюсь о нем. И он… Он, похоже, тоже… Вряд ли Лис мог обмануться. Рыжий даже в безголовой дурехе, которая кувырком ввалилась сюда несколько месяцев назад, рассмотрел настоящую меня».

Я расхаживала взад-вперед по библиотеке, нервно ломая пальцы.

Мне уютно с Росом. И весело. Он всегда меня поддерживал, пусть иногда и довольно дикими методами. А жаркие поцелуи и прочая страсть… Что, если нам просто нужно сначала узнать друг друга? Ведь Рос не хотел уходить. Он готов был в Струнное броситься, но не уйти. Он меня любит. А мне, наверное, надо просто вспомнить?

«Что ты вспомнишь, идиотка, когда сама же его и выгнала?!» — зло ответила я себе и посмотрела на часы. Стрелки показывали без пяти минут семь.

Не задумываясь, я развернулась и побежала к выходу. Несколько минут спустя я остановилась у ворот, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. И… и стала тупо рассматривать кованые завитушки. Мне достаточно было просто перевести взгляд чуть глубже, в серую муть густого тумана, и пожелать увидеть внешний мир. Но я медлила. Да что там… Я сама не знала, хочу ли увидеть того, ради кого сюда прибежала. Ведь если я его увижу, то это бы значило, что все мои умные и справедливые выкладки не стоят и выеденного яйца, а вся эта свобода ему на фиг не нужна. Зато если не увижу, то… То это не значит ровным счетом ничего… Мало ли почему он не пришел!

Тряхнув головой, я повела ладонью, словно отводя туман Врат в сторону. Сначала мне показалось, что площадка перед ними пуста. Я и сама не смогла бы сказать, чего в моем длинном выдохе было больше, разочарования или облегчения.

А потом я увидела Роса. Он сидел чуть в стороне, опираясь спиной о каменный воротный столб, и, запрокинув голову, смотрел в быстро светлеющее небо.

Когда я успела выскочить наружу, я не помню. Как и те несколько шагов, что отделяли меня от него. А вот как распахнулись, вспыхнув радостью, глаза оборотня, запомнила. Как и сильные руки, почти мгновенно прижавшие меня к его груди.

— Птаха! — выдохнул Рос куда-то мне в макушку. — Я знал, что ты придешь! Ты всегда приходила!

Я не ответила, жадно вдыхая его запах, по которому так скучала все эти месяцы вынужденного одиночества.

Не знаю, сколько времени мы так простояли в обнимку. Но в какой-то момент я вспомнила, что в особняке как-никак гость. Да и вообще маячить у всех на виду не самое разумное поведение для Ключа. И потянула Роса к воротам. Он послушно последовал за мной, улыбаясь той немного глупой улыбкой, которую всегда рисует на лице счастье.

Когда мы подходили к особняку, я вдруг, повинуясь какому-то шестому чувству, подняла голову. На маленьком балкончике второго этажа стоял Лис и смотрел прямо на нас. Заметив мой взгляд, он с улыбкой кивнул и ушел обратно в комнату.

Я почувствовала, как мои губы тоже расползаются в улыбке. Рыжий прав, нельзя решать за двоих. Любовь, она тоже разная бывает. А мне еще предстоит многое вспомнить. В том числе и ее…

ЭПИЛОГ

«Могла ли я, кувырком влетев на незнакомое кладбище полгода назад, догадаться, что все закончится вот этим?» — подумала я, проводя руками по тонкому шелку строгого и в то же время роскошного платья. Нежно-кофейная ткань выгодно подчеркивала светлый, словно фарфоровый цвет кожи, которым я обзавелась, оставив в прошлом вместе с пыльным архивом и шумной коммуналкой и солнечные лучи.

Из-за неплотно прикрытой двери доносился невнятный гул множества голосов. Наверное, со дня своего основания древний общинный дом оборотней ни разу не видел такого количества разномастных гостей одновременно. И все они ждали только меня.

Я снова посмотрела в зеркало, поправив и без того идеально уложенные волосы. «Надо идти… Но как же не хочется… — лениво проползла на краю сознания едва оформившаяся мысль. — Но надо…»

Мне действительно не больно-то хотелось идти к гостям. Казалось бы, каждая девушка мечтает о веселой помолвке и не менее пышной и радостной свадьбе. А вот меня всегда напрягали подобные сборища. И, будь моя воля, добилась бы, чтобы события такого рода проходили в очень узком кругу. Предельно узком.

Однако Рос, услышав от меня долгожданное «да», витал в таких облаках, что у меня рука не поднялась спустить его оттуда на землю. Оборотень, едва не тыкая меня носом в книги, две недели доказывал, что ни один вменяемый нелюдь не осмелится как-то навредить Ключу, да еще в присутствии представителей двух самых сильных общин.

Я сопротивлялась, как могла, но, когда Рос притащил к воротам Волка и Георгия и те, следуя приказу говорить правду, подтвердили его слова, пришлось сдаться. Обрадованный рысюк развил такую бурную деятельность, что у меня в ушах засвистело. Он лично посетил каждого гостя. Даже в горное гнездо вампиров не поленился съездить, доставив приглашение моей маме и Георгию с его приближенными. Слава Творцу, хоть Марфу догадался не приглашать. Он целыми днями где-то носился, заявляясь на территорию Врат только переночевать и уходя с рассветом.

Да что там… Рос и сам особняк не обошел своим счастливым вниманием. Он заставил Костю превратить его в огромный бело-розовый торт. Даже дорожки на кладбище подмел, а ближайшие к воротам оградки украсил лентами и воздушными шариками, контрабандой притащенными из внешнего мира.

Я лишь глазами хлопать успевала, наблюдая этот торнадо по имени Счастливый Рысюк, и в ужасе думала, что это только помолвка. Во что превратит Рос нашу свадьбу, буксовавший мозг думать отказывался.

«Может, все же стоило перенести этот бедлам в особняк, — несколько тоскливо подумала я. — Ленточки там уже есть. Гостей пускали бы призраками. Рос хоть и покривился бы, но вряд ли стал бы спорить».

Я представила, как ворота старого, якобы заброшенного кладбища во внешнем мире закрывают большой конструкцией, затянутой множеством слоев сетки, а у въезда на разбитую асфальтовую дорогу ставят шлагбаум и огромную табличку «Закрыто на ремонт».

Вообразив себе скульптурную группу из полутора десятков нелюдей, торчавших у ворот под пыльной сеткой, я поморщилась. И весь вечер гадай, успела ли передраться оставшаяся снаружи охрана.

Гомон за дверью становился все громче, и я поняла, что если не выберусь из своего убежища прямо сейчас, то передерутся уже реальные нелюди. Глубоко вздохнув, я вышла в зал.

Рос тут же оказался рядом, ласково обнимая меня за талию.

— Ты прекрасна, как лань.

— А по цвету скорее жаба, — проворчала я.

— Значит, мне уже можно целовать свою царевну-лягушку?

— Шучу, — вымученно улыбнулась я.

— Вот! И за это я тебя тоже люблю. С тобой всегда можно посмеяться, — хмыкнул Рос. — Только давай ты убьешь меня за это платье попозже, а пока не будем пугать гостей твоей мрачной миной.

— С-кот ты все-таки, — беззлобно ругнулась я, невольно расслабившись.

— А то! Я суперкот, помнишь?

— Такого забудешь, — фыркнула я.

Вот то-то же, — назидательно поднял палец Рос и тоже прыснул.

— Господа! Мы рады всех вас видеть здесь! — громко воскликнул он, привлекая всеобщее внимание. — И я спешу сообщить, что вот эта прекрасная волшебная девушка согласилась стать моей женой! А чтобы она не передумала…

В толпе послышались смешки, а я почувствовала, как щеки заливает краска.

Ну, Рос… Я тебе это припомню!

Женщины, они такие, ветреные очень! — продолжал оборотень, не подозревая о моих мыслях. — Так вот, чтобы исключить всякие сюрпризы, я по нашему старинному обычаю спрошу ее еще раз. Уже при свидетелях.

Мне захотелось срочно провалиться сквозь землю. Потом утащить вниз нахального рысюка и там долго и со вкусом душить.

— Рос, я тебя убью, — прошипела я.

— Потом, душа моя, — едва слышно выдохнул оборотень. — От тебя я с благодарностью приму даже смерть.

Я подавилась очередной угрозой. Вот что я за человек такой?! Все мне надо испоганить. Ну хочется ему поделиться своим счастьем. От меня что, убудет? Я напомнила себе, что рядом стоит тот, кто ждал меня почти триста лет. И уж он-то как никто другой заслуживает толику снисходительности от меня.

— Ты выйдешь за меня замуж, Секлетинья?

«Ну, слава Творцу, хоть Ключом не обозвал», — с облегчением подумала я и уже искренне ответила:

— Да!

Рос, сверкая счастливыми глазами, притянул меня к себе, обняв так крепко, что казалось, вот-вот затрещат кости.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— И я… — отозвалась я, невольно глядя через его плечо на стоявшую перед нами толпу нелюдей. Я видела множество лиц, освещенных улыбками, рук, поднимающих бокалы. И лишь в одном углу, у самой двери, вдруг натолкнулась взглядом на… затылок. Только один из всех тех, кто сейчас находился в большом зале, не пожелал смотреть на наше счастье.

«Что бы это значило?» — успела подумать я.

А в следующую секунду Рос, повинуясь очередной традиции, о которой я совершенно забыла, впервые меня по-настоящему поцеловал.